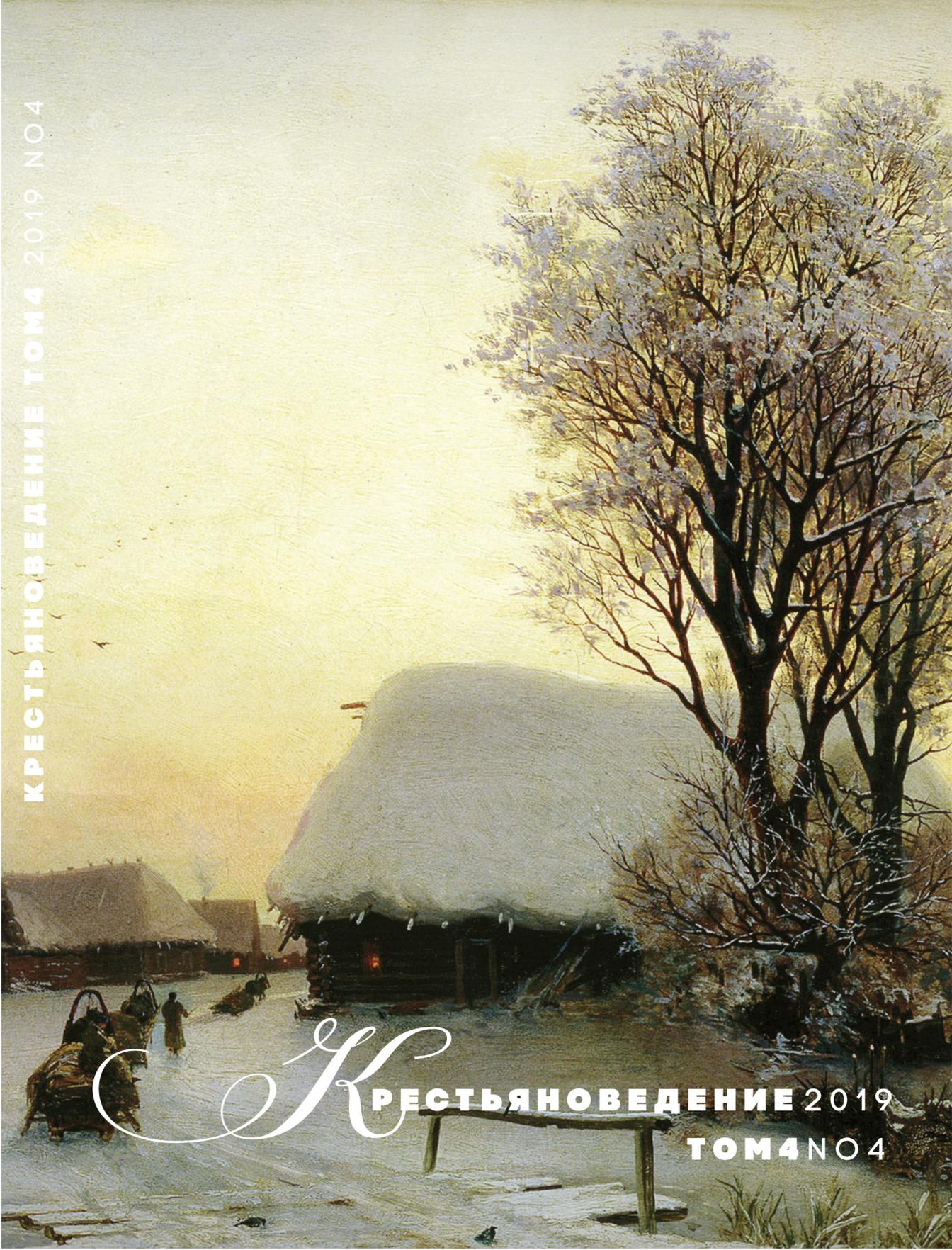

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 4 2019 NO 4

K

РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2019

ТОМ 4 NO 4

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2019

ТОМ 4 № 4

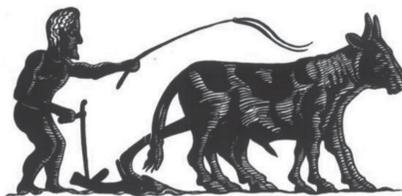
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Зимний вечер». Г. П. Кондратенко (1854–1924), холст, масло,
45х64 см, Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачева

© Авторы статей, 2019

© РАНХиГС, 2019

Содержание

Теория

- Чаянов А.В.* О дифференциации крестьянского хозяйства 6
- Вегрен С., Троцук И.В.* Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России 22

История

- Афанасенков В.О.* Ранняя работа А.В. Чаянова о бельгийском крестьянском хозяйстве. Предисловие публикатора 50
- Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство в Бельгии 52
- Андреев С.Н.* Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области 58

Современность

- Гусаков Т.Ю.* Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва) 76

Интервью с исследователем

- Берелович А., Никулин А.М.* «Мое постоянное стремление — наводить мосты между культурами Франции и России...» 96

Рецензии

- Бабашкин В.В.* Как понять нашу глубинку 115
- Никулина Е.С.* Каким быть фермерству России? 124

Научная жизнь

- Аверкиева К.В.* Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски 132
- Никулина Е.С., Полецук И.К.* Секция «Теория малых дел: история и современность» в работе симпозиума «Пути России 2019. Народничество и популизм» 138

- Презентация интернет-сайта <https://chayanov.org/ru/> на Семинаре Чаяновского исследовательского центра 24 декабря 2019 года 143

- Указатель статей, опубликованных в 2019 году 146

Russian peasant studies

Vol. 4. 2019. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Chayanov A.V.* On differentiation of the peasant economy 6
Wegren S., Trotsuk I.V. The paradoxes of smallholders
in contemporary Russia 22

HISTORY

- Afanasenkov V.O.* An early work of A.V. Chayanov on the Belgian
peasant economy (a publisher's preface). 50
Chayanov A.V. Peasant economy in Belgium 52
Andreenkov S.N. Reforms in the economies' system and land
use in the Novosibirsk Region in the 1990s 58

THE PRESENT TIME

- Gusakov T.Yu.* The multistructure of the contemporary ethnic
region in Russia: Archaization, agrarianization and migration
(on the example of the Republic of Tyva) 76

INTERVIEWS

- Berelowitch A., Nikulin A.M.* "My constant desire is to establish
relations between the cultures of France and Russia ..." 96

REVIEWS

- Babashkin V.V.* How to comprehend our hinterland 115
Nikulina E.S. What type of farming Russia will have? 124

SCIENTIFIC LIFE

- Averkieva K.V.* We can do it together! Community initiatives in the
Tot'ma style 132
Nikulina E.S., Poleshchuk I.K. Section 'Theory of Small Deeds'
of the Symposium "Paths of Russia–2019: Narodniks
and Populists" 138

- Presentation of the website <https://chayanov.org/ru> by the Chayanov
Research Center on December 24, 2019 143

- List of articles published in 2019 146

On differentiation of the peasant economy¹

Chayanov A.V.

Publication: *Alexander M. Nikulin*, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru. Translation: *Irina Trotsuk*, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

This article by A.V. Chayanov was first published in the journal, "Paths of Agriculture" (1927, no. 5, pp. 101-21). This is a revised version of his report presented at the beginning of 1927 in Moscow at a discussion on the social-economic differentiation of the Soviet peasantry. Many prominent scientists participated in this discussion, including representatives of the two most important, ideological trends in Soviet agricultural science: on the one hand, Marxist agrarians (L.N. Kritsman, V.S. Nemchinov, Ya.A. Anisimov, I.D. Vermenichev, K.N. Naumov), and on the other hand, the so-called "agrarian neo-populists" (A.V. Chayanov, N.P. Makarov, A.N. Chelintsev).

In the report, Chayanov presents a new interpretation of the social-economic differentiation of the peasantry in Soviet Russia, which differs from the differentiation of the peasantry in pre-revolutionary Russia. According to Chayanov, after the destruction of the landlord and capitalist economies by revolution, the main reasons for the differentiation of the Soviet peasantry in the 1920s were regional contradictions in the peasant population distribution. On the one hand, peasants concentrated in the central, black earth regions, and on the other hand, they moved to the markets of sea ports and large cities. Chayanov argued that in this way, four types of relatively independent, family economies emerged from the mass of semi-subsistence peasant economies: farming, credit-usurious, commercial seasonal-working, and auxiliary economies.

Moreover, unlike the famous Marxist, three-element, agrarian scheme — "kulak–middle peasant–poor peasant" — which was developed by the school of L.N. Kritsman, Chayanov developed a more complex, six-element scheme of the differentiation of peasant economies: capitalist, semi-labor, well-to-do family-labor, poor family-labor, semi-proletarian, and proletarian. Based on this scheme, Chayanov suggested a number of economic policy steps for the systematic development of agricultural cooperation, primarily in the interests of the middle strata of the Soviet peasantry.

In the discussion of peasant differentiation in 1927, the arguments of Chayanov and his colleagues from the organization-production school were more convincing and justified than those of their opponents from the Marxist agrarians. However, in 1928, the Stalinist leadership began to inflate the threat of increasing class differentiation in

---

1. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage."

the village. Thus, it initiated the struggle against the kulaks as a class, which became the prologue to forced collectivization during which Chayanov's school was destroyed.

Keywords: peasantry, agricultural regions, USSR, social-economic differentiation, Chayanov, agrarian Marxists, agricultural cooperation

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-6-21

Let me briefly explain my position. I am just starting to study differentiation, and I consider it in a completely different way than it is now interpreted as determined by the production organization of the economy of various social groups. Therefore, I believe that in two or three years, I will present some considerations based on my research. And now I want to make only a few general comments on the formulation rather than the solution of the differentiation problem. I have neither the data of N.P. Makarov nor the experience of A.N. Chelintsev. My ideas will be more deductive and methodological.

First, let us clarify the essence of differentiation. A very unpleasant incident has happened to so many words, especially in economic sciences; they are overloaded with meaning, i.e., a word is associated with many semantic concepts and images. In fact, when someone uses an economic term, he interprets it in one way, whereas another person interprets it differently. Therefore, before considering differentiation, we have to agree on what it is and what problems we face. Otherwise, we will have a whole Noah's ark of various images and terms.

If we consider the history of differentiation, we will see that in the late 19th and early 20th century it was usually defined as a process that accompanied the concentration of production in industry. In other words, it was the struggle of large, medium-sized, and small enterprises under the decisive, technical superiority of large enterprises. They gradually replaced small enterprises, proletarianized artisans, and eventually reorganized industry on the principle of horizontal concentration. The flushing out of medium-sized enterprises, the breaking up of handicraft and small enterprises, and their proletarianization is the process implied by the classical interpretation of differentiation.

Such an interpretation provides us with a solid and clear understanding of the issue and with an accurate classification of economies by size. The middle of this scale was gradually disappearing, and large enterprises were becoming larger and steadily maintaining their position. In contrast, artisans steadily went broke and finally proletarianized and became proletariat. This scheme clearly and accurately explains the nature of the social process under study. Under industrial conditions, differentiation had and has a certain place.

From what perspective should we consider the agriculture of capitalist countries? The recently published work of P.A. Vikhlyaev quite correctly and clearly raises this question. He mentions both the leve-

ling process and differentiation in the countries of Western Europe and America and discusses differentiation not within the peasant economy but within the entire agricultural production. Vikhlyaev notes that in some countries, large, landed estates oppose the entire peasant economy. Medium-sized capitalist farms disappear in the course of history, but some farms from this middle layer integrate and merger to form beet and other landed estates.

Despite such an interesting formulation of the differentiation issue, we have to admit that in 1927 in the USSR this formulation is unacceptable, because we face a completely different problem. We have neither large, nor medium-sized, capitalist farms in agriculture; therefore, we cannot consider differentiation in such a way. The definition of differentiation that is relevant for us is of a different nature. To understand my formulation of the differentiation issue deeply, we have to first reveal the exact conditions of the national economy in which the differentiation that interests us takes place. This question is always crucial for the general understanding and further analysis of differentiation.

If we set ourselves the task of finding out the main types of demographic situations and locations of agricultural production, in most cases we will get two types of countries. One type is countries in which the demographic composition and the standard of agriculture developed under the commodity economy, for instance, America, Australia, some other countries of the New World, and some countries of Western Europe. Under such conditions, we always have a very definite type of agricultural standard that is entirely determined by the market. The characteristic zones of different systems of the economy are distributed by isoprises. These systems determine the amount of labor required by agriculture, and, respectively, the distribution of population by isoprises. It is enough to look at the line of isoprises in the United States of America to see a clear expression of the described principle. The market creates all agricultural systems, and the population is settled according to the demands of agriculture for workers and exactly according to the heights of isoprises.

There is a different situation in a subsistence economy that excludes the possibility of isoprises; if there are no isoprises, they cannot determine the standard of agriculture. Therefore, in a subsistence economy, we have other types of agricultural production and population distribution.

In most countries, the factors that determine economic systems and population distribution are natural-historical conditions. There are also historical (often strategic) considerations that determine migration flows of subsistence economies. Thus, in the countries with subsistence agriculture, if other strategic things are equal, the distribution of population and agriculture ensures maximums in the most fertile regions.

Let us assume that some countries with a subsistence economy move to a commodity economy. According to natural-historical con-

ditions, because of this transition, the density of population required by the market will not correspond to the density of the population already settled. This is the current situation on our Soviet plains. If you look very carefully at the population density and its distribution, for instance, on the maps of the 19th century — its beginning, middle, and end — you will see that the central concentration of population reflects the subsistence economy. You will see that for some time the population remains concentrated in the places in which it was concentrated before the development of steam transport.

Under commodity forms of economy, the population distribution determined by a subsistence economy is covered by the isoprices system, which determines the commodity production conditions. It goes without saying that the transition to a commodity forms an objective level of intensity, an objective system of economy, and an objective density of population. The need for workers will differ from those who existed before and are now present.

I made a very schematic small map to compare the changes of our grain isoprices with the population distribution. We see on this map that the highest grain isoprices in our country are typical for the ports of the Baltic and Black Seas, the Moscow industrial region, and non-agricultural areas (Turkestan and the Far North). The zone with the lowest prices consists of the central agricultural regions and plains of Siberia.

When taking a closer look at the development of the isoprices system, we could assume that the density of population would correspond to the height of isoprices, provided its settlement was in a commodity economy. However, in fact, the distribution of the rural population and partly the standard of agriculture still reflect the conditions of the already obsolete, subsistence economy. The largest density of population is in the central, agricultural region, i.e., the region of the lowest isoprices. This disharmony is the basis of the entire history of our economy in the last century.

We see a complete discrepancy between market requirements and the real distribution of the population. This is the reason for the pressing, agrarian overpopulation in the central and southwestern regions of the USSR. It is here that we see migration processes and the development of an enslaving type of relationship between farms. The mass, peasant economy has been reorganized from a natural form into a commodity one and thus has become part of the conflict of an excess of population versus the number of workers required by market-optimal forms of economy. It certainly loses its homogeneity and experiences the most dramatic processes of differentiation and increasing exploitation.

However, these differentiation processes certainly have nothing to do with the struggle of the large capitalist economies of Europe and America with their labor and semi-labor forms, with the differentiation processes in the Volga Region and Kuban, and with the state of

things that we observe in the Moscow industrial region, where the processes of differentiation are of a completely different nature and are determined by other factors.

Therefore, I believe that to correctly raise the question and get relevant answers, we have to accurately and thoroughly study every single case to find out what kind of differentiation processes we are observing, how to divide them to identify exactly what we want to study in every single case, to understand how and to what extent we can capture the process of differentiation with statistical measures, and, finally, how to place it in the general system of the national economy of the country under study. When conducting this research, I believe that we can distinguish separate processes that can be included in the concept of differentiation of the economy but have completely different social-economic content.

The most important question is whether, under the transition from the semi-natural forms of our agriculture to commodity forms, there will be a transformation of our main economic form of the peasant family economy into an American farming economy with a semi-capitalist and semi-labor basis. How and with what speed does this process take place, and can we expect it to become large-scale in the near historical future under our Land Code and our economic policy in general?

The question is not the size but the social type of economy; the question is not the organization of the production techniques but rather the organization of the social structure of this production. Will we have a farming type of economy or not?

This is the main and most important question in the whole issue of differentiation. Because of how the question is formulated, everything else is somewhat less important. If we are destined to follow the path of the American economy, our way to consider all issues related to agriculture is predetermined; otherwise, our analytical approach should be completely different. That is why I believe it is necessary to give priority to the question of whether our economies' differentiation consists of the crystallization of farming-entrepreneur elements and whether these elements stand out in the total mass of family farms? In addition to this issue, under the pressure of the same basic social factors, we can follow another process. That process is the differentiation of the agricultural population by separating the commercial, seasonal workers from it. This was once brilliantly analyzed by N.N. Gimmer-Sukhanov.

For the population that depends on the lowest isoprises because of agrarian overpopulation, this is a question of the type of evolution — either a partial departure from agriculture or the adaptation of their agricultural economy to new, unfavorable market conditions. This question is no less important than the previous one. Among other things, for us it is extremely important to know from which social groups the reserve armies of industrial labor are formed. Un-

der what conditions do the processes of this separation intensify or weaken, and what is the relationship with agriculture of the population that abandons farming? In fact, the most urgent and general question is the type of our proletariat in the next decade. As a result of differentiation, will we have the professional proletariat that completely abandoned agriculture or the new workers who are our old friends — semi-peasants—semi-workers who maintain relationships with their villages. This question is of crucial economic importance.

The third point related to the issue of differentiation is of no less social interest. It is known that the process of agrarian overpopulation in a family community economy always provides the conditions for the development of enslaving forms of exploitation, such as usurious credit, provision of means of production on onerous terms, and commodity exploitation. We have to learn whether this process is taking place in our country, and, if it is, what are the conditions, what are the factors, what are the sizes, and what are the economic consequences of this form of exploitation of one group of the peasantry by the others?

It should be emphasized that this process is completely different from the development of the farming economy. It almost directly implies the absence of the farming economy and becomes the most fruitful process in the subsistence economy.

Finally, the last question about peasant economy differentiation is the differentiation of economies determined by the changes in the structure of production and by the separation of farms for special auxiliary purposes: seed, breeding, primary processing, transport, etc. Very often such separation is determined by the capitalist surplus value; however, this is not an everyday, bonded exploitation but the development of normal, capitalist enterprises.

In this case, I do not mean the local separation of some special crops or the localization of agricultural production in space, but rather the splitting of the agricultural production process within the region — a kind of ‘division of labor’ between farms. This process is very complex and, unfortunately, often confused with forms of bonded exploitation, which is far from being always right. I will explain my idea with a few examples.

Let us consider elementary forms of pig breeding. They include the processes of mating, growing piglets, fattening, and slaughter all taking place on one farm. In the most developed regions of pig breeding in America, these four processes constitute four types of farms — we see mating stations, pig nurseries, fattening farms, and slaughterhouses.

Furthermore, in Flanders, the process of flax production (which we integrated at one farm) often includes dressing the flax. The process is differentiated into family farms, flax-growing, flax-damping, and flax-scutching enterprises, and also farms for hackling the flax. We see the same type of organization in many branches of primary processing, in livestock breeding, threshing, tractors, etc.

Undoubtedly, when these highly specialized enterprises are based on wage labor, their development is a major step in the development of rural capitalism. Nevertheless, this does not allow us to lump all these farms into one pile with forms of bonded exploitation or to assume that every employed tractor driver, owner of a steam thresher or other large tool, miller, or owner of a breeding bull mating for a fee represents an enslaving form of exploitation.

These are the four processes that we should identify and analyze separately, because each of them has its own specific social-economic nature. So, the first question: is the type of economy created or not created? Is there a transformation of the peasant masses, and if it is created, then under the pressure of what factors, and what is its quantitative scale? The second question: to what extent does the differentiation of the agricultural population resemble an industrial type of seasonal work? The third question: how and under what conditions do enslaving forms of exploitation develop? And finally, the fourth question: how is the production differentiation constituted by the development of individual mono-enterprises?

Actually, these are the questions that we face and that interest us. All these four processes have already been partly described by A.N. Chelintsev, N.P. Makarov, G.I. Baskin, and others. Therefore, after insisting on their separation, I will focus on only one question that has not yet been considered and, in my opinion, is not relevant, but its absence can hinder the study of the four previous questions.

All four processes take place in the context of the usual differentiation of the demographic (family) order, which depends on the relationship inherent in the family economy — between the economy size and the family size. This is the key background of differentiation, and it is especially clearly expressed in sowing groups and family size. Actually, this is not interesting for us because it has been common for centuries and is a common feature of every mass of peasant family economies. It should be taken into account and at the same time highlighted so that it is not confused with the differentiation processes I indicated above.

Already in 1923, in my work *Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft*, I noted that, even if there were no social or capitalist differentiation in the peasant economy except for ordinary, everyday processes of peasant family development after its separation from the father's household and until its gradual filling of mouths and workers and the final land division starting new development cycles, under community land use and short-term rent, — even if this were the case, it would be enough for a strong differentiation by the level of sowing groups and livestock.

This process takes place because of the relationship between the family and economy sizes. It is so important for understanding the social structure of the village that we consider it necessary to focus on it in great detail, especially because other speakers, as far as I know, will not touch upon it at all.

Quite long ago, after the very first cases of *zemstvo* statisticians' application of sowing groups, the relationship between the size of the sown area and family size in the economy was discovered. All research findings of peasant economy studies proved the same relationship of these two variables. For instance, relying on the consolidated work of B.N. Knipovich, we can provide the following series of data about this relationship by provinces:

Table 1

Groups by sown area, in <i>desiatina</i>	Per economy		Groups by sown area, in <i>desiatina</i>	Per economy	
	<i>Desiatina</i> of convenient land	Peasants of both sexes		<i>Desiatina</i> of convenient land	Peasants of both sexes
Vyatka Province			Poltava Province		
0	1.2	2.8	0	2.5	4.9
0-1	4.5	3.5	0-1	1.5	4.9
1-2½	8.9	4.4	1-2	2.5	5.1
2½-5	12.6	5.3	2-3	3.6	5.4
5-7½	16.6	6.2	3-6	5.2	6
7½-10	21	7.2	6-9	9.5	6.8
10-15	27.7	8.6	9-15	15.8	7.5
15-20	36.5	10.7	15-25	28	8.5
> 20	51.2	12.8	25-50	54.5	9.5
-	-	-	> 50	144	11.2
Vladimir Province			Yaroslavl Province		
0	0.2	3.2	0	1.4	2.8
0-3	4.9	5.3	0-1	4.8	4.1
3-6	9.4	6.6	1-2	7.3	5.1
6-9	14.2	8.3	2-3	10.5	6
9-12	20.1	9.8	3-4	14.4	6.9
> 12	31.1	12	> 4	21.2	8.6
Tula Province			Samara Province		
0	0	1	0	0	3.5
0-1	0.4	3.4	0-3	1.8	4.4
1-2	1.4	4.4	3-6	4.5	5.2
2-5	3.4	6.2	6-9	7.5	6.1

5-10	6,9	8,4	9-12	10,5	6,9
10-15	11,0	11,0	12-15	13,5	7,5
15-25	17,7	12,6	15-20	17,4	8,2
> 25	23,9	14,4	20-30	24,1	9,4
-	-	-	30-40	34,2	10,9
-	-	-	> 40	65,9	11,3
Kaluga Province			Vologda Province		
0	0	3,6	0	9,1	2,5
0-3	2	4,8	0-2	7,4	4,1
3-6	4,3	6	2-3	12	5,3
6-9	7,1	7,3	3-6	16,6	6,2
> 9	11,3	8,4	> 6	19,1	7,5

By tracking the changes of functions, we can prove a significant dependence of family development on the size of land used. The nature of this dependence varies by region according to the differences in the structures of economic life. Thus, in the northern Vyatka, Yaroslavl, and Vologda Provinces with high earnings from developed, seasonal work, the area of land used is directly proportional to the development of the family. In the agricultural regions — Tula, Samara and Poltava Provinces — the land use curve, as it develops, significantly accelerates its growth.

However, in both cases, the change in the dependence curves is so natural that for many provinces, it can be easily expressed by a mathematical formula. For instance, for the Samara Province: if the family size (number of persons) is x , then the area of convenient land per household in the analyzed grouping will be equal to y : $y = 0.36x^2 - 0.52x - 2.6$; and for the Vyatka Province even simpler: $y = 4.38x - 10.5$. The following table shows the situation, because these formulas accurately express the changes in the curves:

Table 2

Samara Province			Vyatka Province		
Number of persons in the family (x)	Desiatinas of sown area per household (y)		Number of persons in the family (x)	Desiatinas of sown area per household (y)	
	by formula	by observation		by formula	by observation
4.4	2	1.8	3.5	4.8	4.5
5.2	4.4	4.5	4.4	8.8	8.9

6.1	7.6	7.5	5.3	12.7	12.6
6.9	10.7	10.5	6.2	16.7	16.6
7.5	14.7	13.5	7.2	21.1	21
8.2	17.3	17.4	8.6	27.2	17
9.4	24.3	24.1	10.7	36.3	36.5
10.9	34.5	34.1			

In other words, we can be somewhat certain that the mass observations of the relationship of these two variables in the peasant economy make them a proven fact. Our calculation of the correlation coefficient between them also proves their significance. For instance, we have:

Table 3. **Correlation coefficients between the sown area and the number of mouths and workers in the peasant family**

Provinces and <i>uyezds</i>	Number of mouths	Number of workers
Vologda <i>uyezd</i>	0.43	0.43
Smolensk Province	0.6	0.58
Belsk <i>uyezd</i>	0.4	0.4
Starobelsk <i>uyezd</i>	0.73	0.6
Novgorod Province	0.46	0.45
Kirgiz farms of Kustanay and Aktyubinsk <i>uyezds</i> (number of livestock)	0.59	0.56

Thus, there is an undisputed fact of relationship. After the recognition of this fact, we must study the content of this relationship. Simply stated, we must identify which of these two interrelated elements is the cause and which is the consequence — which one determines the other. It is well known, that there are two opposing points of view. On the one hand, S.N. Prokopovich and some other economists believe that the only determining variable here is the size of the sown area predefined for the family composition. These economists argue that the size of the peasant family is determined by the material living conditions; therefore, the family can increase in size only if it is provided with the proper means of production, in the form of land or in the form of cattle and other means of production in economies of other types.

Many researchers representing the organization-production school oppose this point of view and insist on the reverse relationship. Under the communal economy and rental forms of land mobilization typical for the peasant economy, the land area is much more volatile

than the family composition. Therefore, this relationship should most likely be understood as the demographic development of the family being dependent on the distribution of land. The author of this article once studied the Starobelsky *uyezd* and tried to prove this position by pointing out that the grouping of the sown area is, at the same time, its grouping by the family age — according to the analysis of the demographic composition of families from different sowing groups. I found that the share of families consisting of a married couple and minor semi-workers reached 76.4 in the economies with up to 3 *desiatinas* of sown area, but it fell to 38.5 in the economies with 3–7½ *desiatinas*, to 4 — with 7½–15 *desiatinas* and, finally, to 0 in the economies with more than 15 *desiatinas* of the sown area. In other words, absolutely all peasant economies with large sown areas were the families of older peasants, in which the second generation had already become full-time workers. We also noticed that the transition of some demographic elements from one sowing group to another, for example, the ratio of workers and mouths, provides the same development curves for the sowing grouping as for a direct grouping by family age. However, this decisive remark, not developed on the basis of other budget studies, was completely unnoticed in the literature about the issue. Therefore, the problem still exists with all its tough confrontation and, certainly, is awaiting an objective solution. Without taking on the task of a final solution of the problem posed in the report, we, however, consider it possible to publish one of our new works on the issue.

We believe that if the arguments of S.N. Prokopovich were true and the family size were really and entirely determined by the material living conditions, then these material conditions would affect the family composition primarily by reducing the birth rate or increasing mortality. Only through these two levers that regulate family composition could the material conditions act, because all previous studies defined the family as a composition of assigned families, including industrialists. Thus, the impact of the economic factor on the scale of seasonal activities of the economy was not considered a part of the issues under our study. Therefore, to check the arguments of S.N. Prokopovich in his last work, which aimed to criticize the organization-production school, we started to thoroughly search for the correlation between various elements that could serve as indicators of the volume of economic activities: the sown area, number of livestock, etc., on the one hand, and indicators of family demographic dynamics, on the other. Because there were no data on birth rate and mortality in the budget materials available for our calculations, we considered it possible to take the share of children under six years as an indicator of demographic dynamics. We believe this is the indicator we need, because it expresses the birth rate for six years less the mortality of children for the same period. The results are extremely interesting and presented in the table below.

Table 4. **Correlation coefficients of the share of children under 6 years in peasant families with various measures of the economy power (per farm)**

Provinces and <i>uyezds</i>	Land tenure (<i>desiatinas</i>)	Sown area (<i>desiatinas</i>)	Livestock in terms of cattle	Fixed capital (rubles)	Gross income	Personal budget
Novgorod Province	0.007	-0.1	-0.1	-0.08	-0.13	-0.16
Starobelsk <i>uyezd</i>	0.19	0.14	0.21	0.15	0.11	0.16
Kirgiz farms of Kustanay and Aktyubinsk <i>uyezds</i>	-	-	-0.1	-0.1	-0.08	-0.09
Belsk <i>uyezd</i>	0	0.12	0.11	0	0.07	0.05
Smolensk Province	-0.12	-0.12	-0.18	-0.16	-0.16	-0.17

Chayanov A.V.
On differentiation
of the peasant
economy

After examining these extremely curious figures, we can absolutely conclude that the correlation coefficients between the elements of the demographic dynamics of peasant families and the measures of economic power of the farm can be negative and positive, but both are so insignificant in size that they can be equated to 0, especially taking into account their opposite signs. In other words, the absolute size of the economy, sown area, capital of the variables that we study has no influence on the birth rate less the mortality of children. We do not want to generalize our conclusion beyond the data that we have or to make any broad generalizations from our calculation. However, we believe that the results of our study are highly significant, especially because, as we showed at the beginning of the article, these are the budgets, which provided us with not very high but still noticeable correlation coefficients between family and economy. Thus, we can arrive at certain conclusions: within the examined relationship between the absolute size of the economy and the absolute size of the family, it should be admitted that the first depends on the second, and not vice versa. By the extremely painstaking calculation of correlation coefficients, we did not expand our study to more extensive data and will not do so, because we believe that the “obligation to provide evidence” is not ours but that of our opponents.

In any case, we have no doubt that: 1) demographic differentiation determines the differentiation of farms by sowing and other quantitative groupings in absolute terms; 2) demographic differentiation itself is not relevant. When studying the actual issues of differentiation (the four issues mentioned above), we should eliminate its influence in every possible way and use indicators that do not correlate with family size for the analysis of these issues.

This is our interpretation of the five processes of differentiation. It goes without saying that all five processes are inextricably linked, mutually determined, and show different forms of interconnection in different regions and different phases of historical development. However, to study them in synthesis, we should consider each process separately and find for each its own most effective measure and indicator.

At the present stage of the empirical analysis, the question of measures is the most important for the development of differentiation studies. Therefore, we will focus only on this question at the end of our report, especially because there is great confusion and little clarity and accuracy in it. As we have already noted, to study the four processes of social differentiation that are relevant for us, first we have to suggest such measures that would not correlate with the processes of demographic differentiation, i.e., those that would not indicate the absolute size of the family or economy. Accordingly, to measure the first process, i.e., the transformation of the family peasant economy into farming forms, as an indicator, we have to take not sowing or any similar groupings but direct measures of capitalist relations in the economy. L.N. Kritsman, V.S. Nemchinov, I.D. Vermenichev, Ya.A. Anisimov and K.N. Naumov developed a synthetic coefficient, or the coefficient of proletarianism/capitalism of the economy, based on the total account of the relations of wage labor and rental of horses and equipment.

The groupings by this coefficient provide very indicative results. However, we should admit that, because of their calculation, they do not distinguish the process of developing farming economies from the process of developing bonded forms of exploitation. We can say that, for example, by observing a farm that rents out equipment or livestock — we cannot conclude that this is certainly the birth of the farming economy. It is very likely that this economy will never become farming. Quite often such a process is the survival of old, bonded forms of domestic exploitation. If we study the differentiation of these methods, we will never answer the question of whether the farming elements in our peasant economy develop or not. It is quite possible that the economy of renting threshers and tractors will turn out to be the farming one.

Therefore, it seems to us much more rational to divide the coefficient of V.S. Nemchinov into two separate ones: the first is based on an accounting rental relationship, and the second expresses bonded domestic forms of exploitation and is based on accounting rental of horses and equipment, credit relations, and rent. However, even in this case, there can be complications and confusion. To eliminate them, we have to avoid confusing bonded forms of exploitation with the emergence of special, capitalist, service enterprises (our fourth type of differentiation) when accounting for the use of equipment and partly of horses. Thus, the integral Nemchinov coefficient is divided

into three measures, and each of them is adapted for a special type of social differentiation of economies.

Another favorite measure in the study of differentiation is the economies' capital security. The author of this report and other authors often used the absolute size of fixed capital per economy for groupings. Our analysis shows that it is much more efficient to use the amount of the advanced working capital with the depreciation of fixed capital or even only the annual capital reproduction costs in the economy, although this is less indicative because of the intermittent reconstruction of the fixed capital that is typical for small enterprises.

Our final type of differentiation — seasonal work outside agriculture — is best measured by the share of seasonal work earnings in the gross income and annual wages or the family labor balance.

These are my methodological observations of the study of differentiation in agriculture. As I have already mentioned, I do not have the data of the large-scale, empirical studies of N.P. Makarov, V.S. Nemchinov, A.N. Chelintsev and others. Therefore, I refrain completely from any comments on the current state of all four types of differentiation I identified. I believe that we will need not only the work already done but also a number of special studies to consider in detail the complexity of the issue we discuss.

The only comment with which I can essentially conclude my report is that the processes of both enslaving and demographic differentiations seem to me a relic of the subsistence economy. We will inevitably take this into account for ten more years, but the development of this relic does not at all prove the development of capitalist elements. Moreover, the processes of differentiation because of seasonal work and the division of production functions do not always and do not so much indicate the development of capitalism in agricultural production in the narrow sense of the word. Rather they prove the development of the entire national economy towards higher levels of capitalist organization and industrialization. Both are possible without capitalist conditions: for instance, seasonal work can take place at the socialist state industry, and division of the organizational plan of peasant production can lead to the cooperative organization of some separated industries.

Therefore, we should focus mainly on the first type of differentiation — the direct reorganization of labor family economies based on the household form of labor balance into farming economies based on wage labor to get surplus value. It is this type of the development of differentiation that constitutes the essence of the problem. In the Soviet economy, this process, which undoubtedly increases agricultural productivity, cannot be considered progressive, because it inevitably causes severe social consequences in rural life and hinders the development of cooperative forms of agricultural concentration that are the mainstream of our economic policy in farming.

Чаянов А.В.

Составитель: Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Перевод на английский язык: Троцук Ирина Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; сотрудник Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Эта статья А.В. Чаянова была впервые опубликована в журнале «Пути сельского хозяйства» (1927. №5. С.101-121) и являет собой переработанный вариант доклада Чаянова, который был представлен в ходе дискуссии о социально-экономической дифференциации советского крестьянства, состоявшейся в начале 1927 года в Москве. В дискуссии приняли участие многие видные ученые — представители двух важнейших идеологических направлений аграрной науки СССР: с одной стороны, аграрники-марксисты (Л.Н. Крицман, В.С. Немчинов, Я.А. Анисимов, И.Д. Верменичев, К.Н. Наумов), с другой стороны, так называемые «аграрники-неонародники» (А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев)³.

В докладе Чаянов обосновал новое понимание социально-экономической дифференциации крестьянства в Советской России, отличающейся от дифференциации крестьянства в России дореволюционной. По мнению Чаянова, после уничтожения в ходе революции помещичьих и капиталистических хозяйств основной причиной дифференциации советского крестьянства в 1920-е годы стали региональные противоречия в размещении крестьянства, с одной стороны, скопившегося в центрально-черноземных регионах, с другой — тяготевшего к рынкам морских портов и крупных городов. Чаянов доказывал, что таким образом из основного массива полунатуральных крестьянских хозяйств выделились четыре вида относительно самостоятельных семейных экономик: фермерские хозяйства, кредитно-ростовщические, промысловые и вспомогательные.

Кроме того, в отличие от знаменитой марксистской трехчленной аграрной схемы «кулак-середняк-бедняк», которую развивала школа Л.Н. Крицмана, Чаянов обосновал собственную, более сложную и комплексную шестичленную схему дифференциации крестьянских хозяйств: капиталистические, полутрудовые, зажиточные семейно-трудовые, бедняцкие семейно-трудовые, полупролетарские и пролетарские. На основе этой схемы Чаянов предложил ряд шагов экономической политики по дальнейшему систематическому развитию сельскохозяйственной кооперации, прежде всего, в интересах центральных страт советского крестьянства.

Несмотря на то, что в дискуссии 1927 года о крестьянской дифференциации аргументы Чаянов и его коллег по организационно-производственной школе выглядели более убедительными и обоснованными, чем у их оппонентов аграрников-марксистов, сталинское руководство с 1928 года начало раздвигать угрозу нарастания классовой дифференциации в деревне, инициируя борьбу с кулачеством как клас-

2. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

3. Solomon. S.G. (1977). The Soviet Agrarian Debate: A Controversy in Social Science, 1923-1929. Boulder: Westview Press, 309 pp.

сом, ставшую прологом к форсированной коллективизации, в ходе которой была разгромлена школа Чаянова.

Ключевые слова: крестьянство, сельскохозяйственные регионы, СССР, социально-экономическая дифференциация, Чаянов, аграрники-марксисты, сельскохозяйственная кооперация

Chayanov A.V.
On differentiation
of the peasant
economy

Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

С. Вегрен, И.В. Троцук

Стивен Вегрен, профессор политологии, Южный методистский университет Далласа (США). 75275-0117, Даллас, Техас, 75275-0333. E-mail: swegren@smu.edu

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Российские личные подсобные хозяйства (ЛПХ) характеризуются сегодня рядом парадоксальных черт. В основе этих парадоксов лежит тот факт, что роль ЛПХ в сельском хозяйстве страны меняется, а их будущее остается неопределенным. По мере того, как сельскохозяйственное производство консолидируется в руках все меньшего числа крупных компаний, сетевые поставщики упрочивают позиции на рынке, регулирование санитарных и ветеринарных условий становится все более всеобъемлющим, а российские компании все прочнее интегрируются в глобальные рынки, развитие ЛПХ отстает по всем перечисленным параметрам. Уже сегодня пребывая в состоянии устойчивого спада, в будущем ЛПХ вряд ли смогут преодолеть свою нарастающую маргинализацию, поскольку шансы на изменение данной тенденции крайне малы. Исследователи не наблюдают возможностей для прекращения наметившегося спада сельскохозяйственного производства в ЛПХ ни в абсолютных, ни в относительных показателях. Для российских ЛПХ не характерна гибкость хозяйственных стратегий, поскольку их члены почти не располагают рычагами для смягчения негативного воздействия враждебного экономического окружения и противостояния ограничительным мерам, которые вводят региональные власти. Более того, современные горожане не зависят от продукции ЛПХ в той мере, что прежде, и ЛПХ не помогают государству решать задачи продовольственной политики, т. е. сектор ЛПХ более не считается приоритетным. В этом смысле российский кейс важен для изучения проблем сельского развития: сектор ЛПХ вносит все меньший вклад в экономический рост; взаимоотношения мелких и крупных хозяйств стали столь конкурентными, что ЛПХ вряд ли способны выиграть противостояние с крупными производителями; ЛПХ продолжают производить продукты питания для собственного потребления, но их вклад в местное продовольственное обеспечение продолжает сокращаться.

Ключевые слова: Россия, личные подсобные хозяйства (ЛПХ), приусадебные участки, домашние сады, постсоветское сельское хозяйство

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-22-49

В последние десятилетия не прекращаются споры о том, каков вклад ЛПХ в экономический рост и каковы взаимоотношения малых и крупных форм хозяйствования (Goldsmith, 1985; Durr, 2016). В мире на-

считывается около 2,5 млрд ЛПХ, которые управляют более чем 500 млн фермерских хозяйств, где производится 70% всего продовольствия (Clarr, 2016: 3). Исследователи отмечают, что ЛПХ используют лишь 12% мировой площади сельскохозяйственных земель, т. е. доминируют количественно, но сталкиваются с ограничениями размеров своих земельных участков (Lowder, Scoet, Raney, 2016). Сторонники малых форм хозяйствования считают, что они являются двигателем экономического роста и обеспечивают рост производительности, поскольку повышают уровень жизни на сельских территориях, уровень занятости и доходы самозанятых, а также сокращают бедность (Hazell et al., 2010). Кроме того, малые формы важны для мирового сельского хозяйства, потому что вносят вклад в продовольственную безопасность и экологическую устойчивость, способствуют агробиодиверсификации и продовольственному разнообразию (Graeub et al., 2016).

Однако ЛПХ повсеместно сталкиваются с бесчисленными препятствиями, конкретные сочетания которых зависят от политического режима и исторического периода, однако в целом мелкие сельхозпроизводители, как правило, испытывают недостаток информации о ценообразовании, оказывают слабое влияние на сельскохозяйственное развитие, страдают от диспаритета цен на рынках сырья и готовой продукции, недоступности кредитов, высоких транзакционных издержек, слабого влияния рынка на ценообразование, неразвитой инфраструктуры, особенно транспортной, отсутствия технологических знаний, низкой устойчивости к рискам, ограниченного доступа к исследовательским данным, агроконсалтингу и каналам поставок, недостатка знаний о рыночных механизмах и ценообразовании. Кроме того, малые формы хозяйствования в развивающихся странах часто сталкиваются с искусственными ограничениями либо со стороны центральных правительств, которые защищают интересы городов, либо со стороны рыночных структур, которые устанавливают невыгодные цены для производителей нетоварных культур (Lipton, 1976; Bates, 1981)¹.

Не только ЛПХ сталкиваются с особыми ограничениями — глобальную политико-экономическую ситуацию сложно назвать благоприятной для малых форм в сельском хозяйстве. Институциональные условия мировой сельскохозяйственной торговли не выгодны для развивающихся стран, где сконцентрированы мелкие сельхозпроизводители. Условия Соглашения по сельскому хозяйству (Agreement on Agriculture — AoA), Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS Agreement) и Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер (SPS Agreement),

1. Некоторые государственные ограничения были сокращены за счет структурных изменений политических программ, которые стали осуществляться в Африке с середины 1980-х годов (Birner, Resnick, 2010). Однако важнее того, что городские потребители в развивающихся странах часто защищены государственными программами субсидирования розничной торговли продуктами питания (Van de Walle, 2001).

принятых в рамках Уругвайского раунда переговоров по ВТО, направлены против развивающихся стран. «В той форме, в какой принято Соглашение по сельскому хозяйству, оно институционально закрепило неравенство богатых и бедных стран в рамках обязательного для всех международного договора» (Clapp, 2016: 78). Политики развитых и развивающихся стран обычно поддерживают крупные сельхозпредприятия, потому что они более современны и технологичны. Крупные хозяйства обладают экономическими преимуществами широкомасштабного производства и обеспечивают излишки продукции для экспортной торговли. В последние сорок лет отчетливо наметилась глобальная тенденция концентрации капитала в крупных хозяйственных формах. Мировой агробизнес активно влияет на глобальную продовольственную политику в собственных интересах, что неизбежно укрепляет его экономическую мощь. И хотя только 25% мирового производства продуктов питания идет на продажу, агробизнес наращивает влияние и укрепляет позиции за счет контроля цен, лоббирования, воздействия на правительства и меры регулирования поставок и продовольственной безопасности, а также на публичный дискурс о роли глобальных продовольственных компаний (Clapp, 2016: 16).

Российские ЛПХ сталкиваются с теми же ограничениями, что и мелкие сельхозпроизводители по всему миру, однако для них характерны и собственные парадоксы. Социально-экономический контекст, в котором приходится существовать российским ЛПХ, крайне важен для понимания их роли в стране, которая стремится стать глобальной продовольственной державой: с 2015 года Россия трижды становилась лидером мирового экспорта пшеницы, и высока вероятность, что в 2019/2020 сельскохозяйственном году в четвертый раз возглавит рейтинг мировых экспортеров пшеницы. Россия также наращивает экспорт мяса и может войти в пятерку мировых лидеров экспорта свинины по итогам 2019 года (Кулистикова, 2018). К 2024 году руководство страны рассчитывает на долю в 10% от глобального рынка органических продуктов с оборотом в 200 млрд долларов США, и президент В.В. Путин уже дал указание продвигать зеленый бренд «экологически чистых» продуктов питания. Страна расширяет экспорт переработанной продукции — предполагается, что его объемы вырастут минимум на треть к 2024 году по сравнению с 2017 годом согласно поставленной Путиным задаче достижения объемов экспорта российского АПК в 45 млрд долларов США к 2024 году. Страна прилагает усилия для продвижения бренда «сделано в России». В результате мелким сельхозпроизводителям приходится работать в социально-экономических условиях, где капитал, производство продовольствия и прибыль все больше концентрируются в гигантских агрохолдингах (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018: 16-20). Вот показательный пример: ожидается, что один из крупнейших и сильнейших агрохолдингов «Черкизово» в 2019 году увеличит выручку до 130 млрд рублей против 102 млрд в 2018 году (Кулистикова, 2019). Выручка одного только «Черкизово» в 2019 году составит 8%

общей стоимости сельскохозяйственной продукции всех ЛПХ в 2017 году (Российский статистический ежегодник, 2018: 365).

Статья призвана ответить на два вопроса: с какими парадоксами сталкиваются российские ЛПХ и как эти парадоксы изменяют роль мелких сельхозпроизводителей в продовольственной системе? Мы полагаем, что рассматриваемые парадоксы отражают неоднозначный статус ЛПХ в российской продовольственной системе, и высказываем два предположения: во-первых, как и повсеместно, мелким сельхозпроизводителям в России все сложнее конкурировать с индустриальным сельским хозяйством и крупным агробизнесом, поскольку аграрные системы и продовольственная политика ориентированы на поддержку крупных игроков (Bernstein, 2010). Кроме того, российские мелкие сельхозпроизводители многочисленны (по данным сельскохозяйственной переписи 2016 года, их более 18 млн), но географически рассеяны, политически слабы и не имеют своих представителей на федеральном и региональном уровне². Основные законы капиталистического накопления — концентрация земли, финансов, производственных капиталов и технологий — в сочетании с надеждами России на статус великой державы объясняют более неустойчивое положение ЛПХ, чем оно было на протяжении десятилетий с конца 1950-х годов.

Во-вторых, роль мелких сельхозпроизводителей в российской продовольственной системе все больше маргинализируется, эта тенденция отчетливо наметилась еще в 2004 году: показатели производительности ЛПХ сократились как в объеме, так и в доле сельскохозяйственного производства по сравнению с другими типами сельхозпредприятий. Маргинализация ЛПХ объясняется рядом причин: доходы сельского населения растут, что снижает заинтересованность в выращивании продукции для собственного потребления; производство в ЛПХ основано на традиционных технологиях — ручном труде в целях самообеспечения продуктами питания (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 1); труд в ЛПХ в целях самообеспечения сокращает другие жизненные возможности, что заставляет отказываться от него — намного дешевле и проще купить продукты в розничном магазине, чем вырастить самостоятельно; сохраняется сельский демографический тренд на отток молодежи, но именно она, согласно статистическим данным, проводит больше всего времени на приусадебных участках; потребительские установки общества изменились, потребители ориентируются на качество, ассортимент и места покупки, а мелкие сельхозпроизводители преимущественно продают картофель и овощи невысокого качества. Вопрос в том, когда и чем закончится тенденция спада производительности ЛПХ, т. е. они сегодня находятся в критической точке.

*С. Вегрен,
И.В. Троцуц*
Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

2. Основная организация, призванная выражать интересы аграриев, АККОР на самом деле выражает государственные интересы и поддерживает в первую очередь фермерские хозяйства.

Первый парадокс связан с определением мелкого сельхозпроизводителя: использование данного термина в российском официальном дискурсе явно отличается от международных определений. Своей концептуальной неоднозначностью термин обязан российскому правительству, которое использует понятие «малые формы хозяйствования (в АПК)», отождествляя коммерческие и некоммерческие виды сельскохозяйственной деятельности и размывая границу между крупными и мелкими производителями. Размытость терминологии затрудняет анализ ситуации, в которой сегодня оказались малые формы хозяйствования, поскольку не вполне понятно, о чем, собственно, идет речь. Международные организации обычно определяют мелких сельхозпроизводителей как семейные хозяйства или осуществляющие сельскохозяйственное производство на двух и менее гектарах (Reaching the Rural Poor, 2003)³. В мире 84% семейных хозяйств имеют менее двух гектаров (The State of Food Insecurity, 2015: 31). В России доля производителей продовольствия, которые подходят под данное определение мелких хозяйств, превышает 99%.

Опираясь на критерий в два гектара, в России можно обнаружить несколько «настоящих» типов мелких сельхозпроизводителей. Во-первых, садоводы — преимущественно выращивают фрукты (яблоки, груши, сливы, вишню), хотя речь может идти и о некоторых овощах. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, размер земельных участков под садоводство в среднем составляет 0,07 гектара (т. 3: 79). Во-вторых, огородники — выращивают овощи, в основном огурцы, помидоры, морковь, зеленый лук, чеснок и кабачки (т. 3: 83). В-третьих, дачники — горожане выезжают на выходные и каникулы, чтобы отдохнуть от города и расслабиться на природе: средний размер дачных участков составляет 0,11 гектара (т. 3: 87). В совокупности эти три формы используют незначительный объем сельскохозяйственных земель и обеспечивают собственное потребление⁴.

-
3. В литературе по девелопментализму понятие «семейные хозяйства» часто выступает синонимом мелких сельхозпроизводителей, поскольку оба типа основаны на семейном труде и семейном управлении, но по всем остальным параметрам мелкие и семейные формы различаются (например, по уровню коммерциализации и доле несельскохозяйственных доходов). Таким образом, понятие «семейное хозяйство» неоднозначно и включает в себя целый спектр хозяйств — от мелкого натурального до крупного, высококоммерциализованного, капитализованного и рыночно-ориентированного.
  4. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, под садоводство отведено 628,3 тысячи гектаров сельскохозяйственных земель, под огородничество — 20,5 тысячи, под дачные участки — 69,7. Общая площадь земель сельхозназначения превышает 142,6 млн гектаров (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 3: 8,

Другой «настоящий» тип мелких сельхозпроизводителей — приусадебные сады, или ЛПХ. В советский период они назывались подсобным хозяйством или личным подсобным хозяйством, т. е. существовали за рамками государственных планов и квот. В постсоветский период эта форма сельскохозяйственного производства стала называться домашними садами, садами в целях развлечения/хобби или фермерскими хозяйствами, хотя определение «фермерский» явно противоречит природе подобных хозяйств в силу их незначительного размера. Земля ЛПХ обычно расположена вокруг жилого дома: особенностью сельских районов России являются земельные участки вокруг домов, которые называются приусадебными, причем дополнительные участки могут брать в аренду и вдали от дома. В советский и постсоветский периоды ЛПХ были и отчасти остаются сегодня экономически важными с точки зрения производства продуктов. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, ЛПХ используют менее 3% пахотных земель (85% из них обрабатывают сельские ЛПХ), ЛПХ ведут не только сельские жители, но и горожане, хотя большая часть используемых под ЛПХ земель находится на сельских территориях (91%).

На протяжении всего советского периода размер приусадебных садов зависел от занятости членов домохозяйства (Wadekin, 1973; Hedlund, 1989). Принятый в 2003 году Федеральный закон № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» определил ЛПХ как форму непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции на площади приусадебного участка в 0,5 гектара с возможностью ее расширения до 2,5 гектара. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года оценила средний размер приусадебного сада в 0,7 гектара (на сельских территориях — 0,8 гектара, на городских — 0,3). В России доминируют небольшие приусадебные участки: у двух третей ЛПХ их площадь меньше 0,2 гектара. В то же время существуют и очень большие приусадебные участки: половина сельскохозяйственных земель, зарегистрированных за ЛПХ, используется менее чем 1% домохозяйств, и у них средний размер приусадебного участка — около 69 гектаров (Полунин, Алакоз, Черкашин, 2018: 40).

Используемый в официальном дискурсе термин «малые формы хозяйствования» обозначает фермерские хозяйства, многие из которых не являются мелкими сельхозпроизводителями, что размывает содержание термина. Средний размер фермерского хозяйства увеличился с 43 гектаров в 1995 году до более чем 241 гектар в 2016-м, и непонятно, почему фермерство до сих пор считается «малой формой». Российские фермеры существенно отличаются от «настоящих» мелких сельхозпроизводителей, что показано в таблице 1: так, ЛПХ основаны преимущественно на ручном труде, производят продукцию для соб-

---

78, 82, 86). Вклад частных хозяйств в коммерческую торговлю продуктами питания из этих трех источников незначителен.

ственного потребления, а не в коммерческих целях, и эта продукция не облагается налогами. Фермерские хозяйства отличаются от ЛПХ следующим: крупные земельные участки (по данным сельскохозяйственной переписи 2016 года, только 17% фермерских хозяйств имеют землю площадью менее четырех гектаров); наемный труд (в том числе сезонные рабочие); высокий уровень механизации и вовлеченности в несельскохозяйственные виды деятельности; официальная регистрация как коммерческих предприятий, поэтому их продукция облагается налогами; участие в федеральных и региональных программах, помогающих фермерским хозяйствам заняться животноводством.

Таблица 1. **Сопоставительная характеристика российских мелких сельхозпроизводителей**

Критерии	ЛПХ	Садоводство, огородничество, дачные участки	Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели (ИП)
Тип собственности	Частная	Частная или коллективная	Частная или коллективная
Цель деятельности	Собственное потребление	Собственное потребление	Собственное потребление или коммерция
Уровень коммерциализации	Низкий	Низкий	От среднего до высокого
Использование наемного труда	Не используется	Не используется	Используется в разной степени
Управление	Индивидуальное	Индивидуальное или коллективное	Коллективное (за исключением ИП)
Доступ к кредитам	Низкий	Низкий	Средний
Доступ к технической поддержке	Низкий	Низкий	От низкого до среднего
Использование высоких технологий	Низкое	Низкое	От низкого до среднего
Средний размер земельного участка (в га)	0,08 на селе 0,04 в городе	0,07–0,11	241

Одно из последствий приравнивания мелких сельхозпроизводителей к фермерским хозяйствам — терминологическая путаница. Когда российское руководство и политики говорят о малых формах хозяйствования, непонятно, о чем собственно идет речь. Более того, объединение столь разных форм под одним названием приводит к тому, что игнорируется принципиальное различие их потребностей: фермерские хозяйства, будучи коммерческими предприятиями, имеют совершенно иные задачи и запросы, чем ЛПХ; аналогичным образом, когда официальный дискурс не проводит различий между разными малыми формами хозяйствования, то из виду упускается более важная роль фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции по сравнению с ЛПХ. Также терминологическая путаница затрудняет проведение сопоставительного анализа: с одной стороны, российские фермерские хозяйства действительно «семейные», но, с другой стороны, по своим характеристикам они отличаются от семейных хозяйств в развивающихся странах. И, наконец, объединение разных типов мелкого сельхозпроизводства в одной категории негативно воспринимается теми, кто эти формы реально представляет. Когда члены ЛПХ слышат обещания политиков о государственной поддержке малых форм хозяйствования, они оказываются крайне разочарованы тем, что ее получают только фермерские хозяйства. Таким образом, рассуждения политиков и исследователей о малых формах хозяйствования в международном контексте не вызывает вопросов и сомнений в том, кто имеется в виду и какими характеристиками обладает (хотя международное определение учитывает множество факторов, включая объемы продукции), а когда российские политики и исследователи российского общества говорят о «малых формах», сложно понять, о чем собственно идет речь.

Парадокс второй: исторические трансформации отношения к ЛПХ

Второй парадокс состоит в том, что советское государство подавляло ЛПХ как пережиток аграрного капитализма. Идеологическое неприятие капитализма осталось в прошлом, но нельзя сказать, что ЛПХ стали лучше себя чувствовать с 2004 года, когда началось интенсивное развитие аграрного капитализма в России. Ироничность ситуации состоит в том, что ЛПХ смогли выжить в эпоху коммунистического давления, а сегодня их роль как участника системы производственного обеспечения страны сходит на нет.

В советский период ЛПХ сталкивались с жесткими ограничениями по причине идеологического доминирования коллективных форм сельского хозяйства. Малые формы хозяйствования в рамках социалистической системы оказывались в экономической ситуации, которая полностью определялась марксистско-ленинскими принципами, реализуемыми даже методами принуждения. Коммунисти-

ческая идеология не только задавала общий институциональный контекст деятельности ЛПХ, но и была крайне враждебна по отношению к малым формам хозяйствования, которые считала пережитками капитализма. Ортодоксальные марксисты особенно подозрительно относились к «богатым» крестьянам и утверждали, что крупные коллективные хозяйства, собственником и руководителем которых выступает государство, — высшая форма организации сельского хозяйства. В.И. Ленин (1959) призывал советское общество отказаться от территориально рассеянных частных хозяйств и заменить их коммунами, артелями и кооперативами, и этот призыв активно претворялся в жизнь с конца 1920-х годов.

Безусловно, ограничительная государственная политика в отношении ЛПХ претерпела изменения при разных руководителях страны⁵. Однако в целом в советский период ЛПХ вносили столь зна-

5. Коллективизация с 1929 года запустила процессы индустриализации сельского хозяйства и вытеснила прежние крестьянские формы, доминировавшие в 1920-е годы. Однако И.В. Сталин не стремился полностью уничтожить мелкие формы сельхозпроизводства, о чем свидетельствует как структура аграрного сектора, так и необходимость кормить быстро растущее городское население. Например, в 1928 году крестьянские хозяйства обрабатывали 96% всех возделываемых земель (Nefedova, Pallot, 2006: 20). В ответ на крестьянские протесты против коллективизации и спад крестьянского производства в 1930 году был принят примерный устав сельскохозяйственной артели, допускавший сохранение в деревне ЛПХ с ограниченными размерами земельного участка. Кроме того, в 1935 году прежде хаотичные каналы сбыта собственной продукции были заменены на официальную систему колхозных рынков, где крестьяне могли продавать то, что вырастили на своих огородах. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 года также гарантировал сохранение ЛПХ благодаря их вкладу в региональное продовольственное обеспечение. Право вести ЛПХ было внесено в Конституцию 1936 года. В военные годы Коммунистическая партия всячески поддерживала ЛПХ, чтобы прокормить местное население, особенно в районах, где совхозы и колхозы были уничтожены (Moskoff, 1990). После смерти Сталина Н.С. Хрущев впервые попытался смягчить государственную эксплуатационную политику в сельском хозяйстве. Он поднял закупочные цены, увеличил инвестиции и сельские зарплаты, изменил положение ЛПХ. В 1953–1958 годы Хрущев отменил налоги на продовольственную продукцию ЛПХ и облегчил для сельских домохозяйств закупку молодняка. В результате приусадебные участки ЛПХ увеличились, количество животных в ЛПХ выросло — эти тенденции были противоположны ситуации 1940-х годов. Л.И. Брежнев еще больше смягчил государственную политику по отношению к ЛПХ: сразу после прихода к власти в 1964 году он отменил множество ограничений, введенных Хрущевым после 1959 года. Например, максимальный размер ЛПХ был возвращен к показателям до 1956 года — 0,5 гектара вместе с жилыми постройками или 0,2 гектара на орошаемых землях; был отменен налог на домашнюю скотину; принятый в 1969 году примерный Устав колхоза разрешил домохозяйствам, где хотя бы один член работал в колхозе, использовать землю под ЛПХ; в конце 1970-х годов, когда советское сельское хозяйство вошло в период стагнации, Брежнев принял еще ряд мер для поддержки ЛПХ — в 1977 году

чительный вклад в региональное продовольственное обеспечение, что Коммунистическая партия просто не могла полностью запретить их (Wadekin, 1973; Hedlund, 1989). Продукция ЛПХ, по сути, доказывала, что советская система производства и распределения продовольствия не отвечала потребительскому спросу и не гарантировала постоянное наличие продуктов питания (Узун, Шагайда, 2015: 34-44).

Ограничительная политика государства по отношению к ЛПХ имела разные форматы: после Второй мировой войны Сталин разрушил систему ЛПХ, введя в 1948 году для сельских домохозяйств налог в натуральной форме и проведя коллективизацию в районах, оккупированных в годы войны. В послевоенные годы советская модель коллективизации была перенесена в балтийские страны и Восточную Европу, хотя позже ряд стран отошел от нее и «частный сектор» (домашние сады) утратил прежнее значение практически во всех социалистических странах, за исключением Польши и, в меньшей степени, Венгрии (Wadekin, 1982). Хотя продукция ЛПХ не учитывалась в государственном плане, в послевоенный перевод владельцы ЛПХ должны были осуществлять обязательные поставки по установленным государством ценам, низкие цены превратили доходы домохозяйств в доходы государства, и только в 1958 году обязательные поставки ЛПХ были отменены (Григоровский, Алексеев, 1968: 72-73). Во второй половине срока Хрущева государственная политика стала более жесткой и ограничительной, поскольку он считал ЛПХ «пережитком прошлого», а любой труд в ЛПХ — изъятый из коллективных хозяйств (Бенедиктов, 1989: 56): владельцам ЛПХ было запрещено закупать корма; после 1958 года выплаты колхозникам в натуральной форме (преимущественно зерно на корм домашней скотине) были сокращены; права на корм и выпас скота были урезаны; был введен налог на домашнюю скотину; владельцы ЛПХ должны были «добровольно» продавать свою скотину колхозам, но на деле такие продажи часто были обязательными. Подобная политика породила волну убоя скота, хотя и менее масштабную, чем в период коллективизации 1930-х годов.

После Хрущева «либеральная» политика Брежнева по отношению к ЛПХ не означала, что руководство страны стало сомневаться в верности курса на коллективизацию сельского хозяйства. В 1965–1980 годы Брежнев осуществлял финансовые вливания в коллективные сельхозпредприятия, чтобы увеличить уровень их механизации и модернизировать производство, тем самым сократив потребность

владельцы ЛПХ получили право брать кредиты на приобретение молодняка и покупать сельскохозяйственную технику. В январе 1981 года было принято постановление, упростившее доступ к кормам и другому сырью для тех владельцев ЛПХ, кто подписал договоры с совхозами и колхозами о продаже им своей продукции. Другое постановление в феврале 1981 года разрешило передавать землю, «неэкономно используемую» бедными колхозами и совхозами, в пользование ЛПХ (Wegren, 1998: 42-43).

в продукции домохозяйств. В этот период размеры ЛПХ и поголовье их скота контролировались так же жестко, как и прежде. Брежневский режим провел несколько проверок, чтобы убедиться, что ЛПХ не используют землю, которую им запрещено вовлекать в хозяйственный оборот (колхозные земли и общие пастбища).

Сегодня российское правительство не испытывает антикапиталистической антипатии к ЛПХ и не стремится сократить объемы их производства. Однако ЛПХ остаются квазикапиталистическими, доля коммерческих предприятий среди них незначительна, большинство ЛПХ либо полу-коммерциализированы, либо заняты самообеспечением, хотя следует помнить о серьезных региональных различиях в уровне коммерциализации (Узун, Сарайкин, 2012; Pallot, Nefedova, 2007). Современные ЛПХ функционируют в рамках продовольственной системы, где земля, капитал, технологии и производство сконцентрированы в руках небольшого числа огромных предприятий, называемых агрохолдингами. Поскольку приоритетом российского руководства является обретение статуса великой державы, государство поддерживает мегакапиталистические предприятия в той мере, в какой они способствуют обретению этого статуса. Агрохолдинги политически связаны с региональными элитами и пользуются преференциями при распределении кредитов и субсидий. Эти мегакапиталистические предприятия могут накормить страну и обеспечить ее экспортной продукцией. Таким образом, хотя российское государство не ограничивает деятельность ЛПХ напрямую, этот сектор не считается важным для продовольственной системы, а потому отношение к нему руководства страны можно квалифицировать как безразличие.

Парадокс третий: упадок ЛПХ на фоне роста устойчивого сельского хозяйства

Суть третьего парадокса в том, что ЛПХ пребывают в упадке на фоне набирающего популярность устойчивого сельского хозяйства и «экологически чистых» продуктов в России и за рубежом. ЛПХ — хороший пример устойчивого сельского хозяйства по причине низкого экологического воздействия вследствие слабой механизации, незначительного объема минеральных удобрений и пестицидов и ориентации преимущественно на местных потребителей своей продукции. Тем не менее большинство российских ЛПХ отрезаны от российских и международных каналов поставок продовольствия. Каковы же основные причины нынешнего упадка ЛПХ?

Во-первых, это особенности производства продукции ЛПХ. Исторически ЛПХ играли важную роль в производстве продовольствия. Так, в 1980-е годы домашние сады занимали менее 2% сельскохозяйственных земель, но производили примерно 20–25% сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении. Как правило, ЛПХ выращивали картофель, морковь, огурцы, мелкие фрукты и ягоды,

держали молочную корову, овец, коз, одну-двух свиней и кур. Со временем количество домохозяйств, державших скотину, сократилось, потому что эта возможность зависела от поддержки ближайшего крупного сельхозпредприятия (Личное подсобное хозяйство..., 1989: 108). В бурные 1990-е и в начале 2000-х годов ЛПХ производили более половины продуктов питания в стоимостном выражении (Pallot, Nefedova, 2007: 18). Однако с середины 2000-х годов производительность ЛПХ стала снижаться: с 56% в 2003 году до 32% сельскохозяйственной продукции в 2017 году и 22% в 2018-м в стоимостном выражении (Российский статистический ежегодник, 2018: 365; Россия в цифрах, 2019: 309), хотя следует помнить, что стоимость продукции ЛПХ приблизительно на и на самом деле может быть ниже. Начало спада показателей ЛПХ совпало с появлением агрохолдингов как главных производителей продовольствия. Статистические данные позволяют предположить, что ЛПХ не смогли резко повысить свою производительность по сравнению с советским периодом, несмотря на два десятилетия рыночных реформ.

Во-вторых, это особенности землепользования: речь идет не столько о спаде показателей, сколько о том, что ЛПХ запаздывают с использованием пахотных земель. Общая площадь обрабатываемых ЛПХ сельскохозяйственных земель увеличилась: в 1990 году она составляла 2,4 млн гектаров, или 1,4% всех земель сельхозназначения, а к концу 1999 года выросла в два раза — до 4,87 млн гектаров (Сельскохозяйственная деятельность..., 2003: 22). Площадь пахотных земель, обрабатываемых ЛПХ, растет медленно и остается небольшой. По данным сельскохозяйственной переписи 2006 года, эта площадь составляла 8,1 млн гектаров (учитывались городские и сельские домохозяйства), а общая площадь сельскохозяйственных земель в распоряжении всех производителей продовольствия — 165,9 млн, из них 102 — пашня. Таким образом, ЛПХ обрабатывали около 4,8% сельскохозяйственных земель, но из 8,1 млн гектаров лишь 2,5 были пашней (31% всей площади), а оставшаяся часть была занята жилыми постройками или же не подходила для сельхозпроизводства, т. е. фактически ЛПХ использовали лишь 2,5% пашни (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, т. 3: 42). Если сосредоточиться только на сельских территориях, то картина будет более точной: сельские ЛПХ лидируют по площади обрабатываемой земли и по объемам продукции. Так, из 8,1 млн гектаров сельскохозяйственных земель 7,5 гектара расположены на сельских территориях; сельские ЛПХ используют 2,3 из 2,5 млн гектаров пашни. Соответственно, около 31% земли сельских ЛПХ — пашня, сельские ЛПХ использовали только 2,2% российской пашни, тогда как крупные и средние сельхозпредприятия — 66% российских пахотных земель.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года показала, что площадь сельскохозяйственных земель, используемых ЛПХ, увеличилась до 12,1 млн гектаров, но только 2,7 млн из них

были пашней (22% земли ЛПХ). Общая площадь земель сельхозназначения составляет 142,6 млн гектаров, из них 94,6 — пашня. Владельцы ЛПХ использовали 8,5% сельхозугодий и только 2,8% пашни. Напротив, 72% сельхозугодий в распоряжении сельхозпредприятий — это пашня, т. е. они обрабатывают 68% пахотных земель. И вновь выделение сельских ЛПХ делает картину более четкой: из 12,1 млн гектаров сельхозугодий ЛПХ 11 млн находятся на сельских территориях, т. е. из 2,7 млн пашни 2,3 млн расположены в сельских районах (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 3: 51-58), т. е. сельские ЛПХ обрабатывают 7,6% сельхозугодий и 2,4% пашни.

Таким образом, хотя общая площадь земли в распоряжении ЛПХ увеличилась за десятилетие с 2006 по 2016 год, площадь пашни выросла незначительно и не изменилась на сельских территориях (2,3 млн гектаров по данным обеих переписей, т. е. ЛПХ продолжают использовать малую долю российской пашни). Доля пашни в распоряжении сельских ЛПХ немного увеличилась, но только потому, что общая площадь пашни сократилась в межпереписной период. Кроме того, сопоставление данных двух сельскохозяйственных переписей показало, что площадь пашни ЛПХ в сельских районах сократилась в пяти из восьми федеральных округов. И, напротив, большую часть сельхозугодий фермерских хозяйств составляет пашня, что имеет очевидные последствия для производства продовольствия.

Подписание федерального закона о «дальневосточном гектаре» в 2016 году подкрепило тенденцию роста сельхозугодий ЛПХ, но не пашни. Предполагалось, что благодаря закону ЛПХ увеличат производство продуктов питания на Дальнем Востоке, нарастят объемы местного импортозамещения и поддержат региональную продовольственную безопасность (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018: 126-29). Федеральный закон разрешает получателю гектара бесплатно использовать земельный участок в течение пяти лет, а затем перевести его в свою частную собственность без покупки. Через пять лет земельный участок можно также сдать в аренду, если получатель не хочет становиться его собственником. Если земельный участок не используется или используется не по назначению (не для строительства жилья, ведения ЛПХ, коммерческого фермерского предприятия и связанных с ним видов предпринимательской деятельности, садоводства, огородничества или сельского туризма), то он подлежит изъятию. Только граждане России могут участвовать в программе получения дальневосточного гектара, а иностранные граждане не могут получить право пользоваться или приобрести эти земельные участки⁶.

---

6. В июне 2017 года президент Путин высказался за расширение программы бесплатного предоставления земельных участков на другие регионы. Летом 2017 года Государственная Дума работала над поправками к федеральному закону о дальневосточном гектаре, например, упростив исполь-

Можно назвать четыре причины, почему бесплатная раздача земли не остановит спад производства ЛПХ: распределяемые дальневосточные гектары — это неиспользуемая или брошенная земля, часто слишком низкого качества для сельхозпроизводства; до тех пор, пока обладатель гектара не получит финансирование на улучшение качества земли с помощью натуральных удобрений, орошения или осушения, ее нельзя использовать для сельхозпроизводства; предоставляемые бесплатно земельные участки слишком малы для ЛПХ (не могут превышать 2,5 гектара), тогда как другие сельхозпроизводители могут получить значительно большие наделы, например, схожая программа в Вологодской области предполагает, что будущим фермерам выделят по 20 гектаров земли, а сельхозпредприятиям — до 100 гектаров (Благодаря «вологодскому гектару»..., 2019); незначительная доля получателей бесплатных земельных участков намерена заниматься сельским хозяйством, например в Хабаровском крае — только 11% (Владельцам «дальневосточных гектаров»..., 2019).

И, наконец, третья группа причин нынешнего упадка ЛПХ связана с содержанием домашнего скота: с 1980-х годов, когда государственная статистика зафиксировала растущее нежелание населения держать крупный скот, прослеживается тенденция сокращения его поголовья в ЛПХ (Личное подсобное хозяйство..., 1989: 108). С 1990 по 2000 год резко выросло поголовье крупного рогатого скота и молочных коров в ЛПХ (Сельскохозяйственная деятельность, 2003: 27) (а также поголовье свиней, овец, коз, кроликов и домашней птицы). С середины 2000-х годов наметился спад показателей животноводства в секторе ЛПХ: за межпереписной период поголовье крупного рогатого скота сократилось на 28%, или 2,8 млн голов, поголовье молочных коров — на треть, или 1,3 млн голов; поголовье свиней уменьшилось на 55%, или 4,3 млн голов, коз — на 25%, или 500 тыс. голов, птицы — на 22%, или почти 29 млн. Причины сокращений поголовья зависят от вида скота/птицы, но обычно это высокие затраты, дискомфорт, заболевания и изменение ценностей. Безусловно, приведенные цифры не сопоставимы с массовым забоем периода сталинской коллективизации, но масштабы отказа ЛПХ от домашней скотины все равно впечатляют, особенно учитывая, что спад начался до введения регионами ограничительных мер.

Снижение экономического вклада ЛПХ явно противоречит нарастающей популярности устойчивого сельского хозяйства и органических продуктов. Российские городские потребители, как и горожа-

---

зование земли в качестве залогового обеспечения и уточнив основания, по которым человеку может быть отказано в предоставлении земельного участка. Несколько недель спустя президент расширил зону действия закона о дальневосточном гектаре до всей страны. С 2017 года ряд регионов разработали собственную модель работы, внося в нее несколько изменений, например, разрешив предприятиям получать землю и увеличивать размеры предоставляемого бесплатно земельного участка.

не на Западе, все чаще интересуются тем, где выращены продукты питания, и стремятся покупать местную продукцию. Органические продукты набирают популярность, несмотря на то что их розничная торговля серьезно ограничена высокими ценами и низкими доходами многих групп потребителей. Национальный органический союз России предсказывает феноменальный рост производства органической продукции, как только в январе 2020 года в силу вступит федеральный закон «Об органической продукции», что прибавит потребителям уверенности в том, что продукты с маркировкой «органические» действительно являются таковыми. В 2019 году в России продажи органической продукции составляют 1–2% продаж собственной продукции, но ожидается, что этот показатель вырастет до 5 млрд евро ежегодно за следующие десять лет; около 25% российских потребителей признаны потенциальными «постоянными покупателями» органических продуктов; агрохолдинги и фермерские хозяйства активно внедряют органическое земледелие, чтобы обозначить свое присутствие на рынке органической продукции (Каковы перспективы..., 2019). Таким образом, те ЛПХ, что, казалось бы, имеют рыночное преимущество, выращивая органическую продукцию, вскоре столкнутся с жесткой конкуренцией со стороны ее крупных производителей.

Парадокс четвертый: неверная интерпретация событий?

Четвертый парадокс заключается в том, что ЛПХ располагают возможностями для интеграции в каналы поставок продуктов питания, но не могут встроиться в повседневные потребительские практики россиян и национальные интересы страны. В то время как сельскохозяйственное производство концентрируется, каналы поставок стабилизируются, санитарно-ветеринарный контроль становится всеобъемлющим, а российские сельхозпредприятия интегрируются в глобальные рынки, ЛПХ все сильнее отстают по каждой из позиций. Иными словами, разрыв между традиционным сельским хозяйством в формате ЛПХ и современным аграрным производством нарастает.

В советский период Коммунистическая партия стремилась предотвратить негативное воздействие ЛПХ на коллективное сельское хозяйство, ограничивая их производственные возможности посредством контроля потоков продукции и финансовых ресурсов, в которые могли встроиться ЛПХ. Руководство страны пыталось гарантировать сохранение традиционных методов производства в ЛПХ (ручной труд), а вовлеченность в домашние заботы сдерживала развитие в ЛПХ производственной специализации и накопление научных знаний, поэтому любое заболевание или травма скота влекли за собой значительное снижение доходов (Johnson, Kilby, 1975: 22–27). Советское правительство хотело управлять одновременно двумя противоречивыми тенденциями: контролировать мелких сельхозпроизводителей и препятствовать частной инициативе, но при

этом не запрещать ЛПХ производственную деятельность, которая обеспечивала продовольствием местное население.

Крупные хозяйства, отрезанные в социалистический период от международных рынков, в постсоветские годы обрели новые возможности благодаря тому, что были механизированы, вертикально организованы и интегрированы во внешние рынки, а теперь стали и серьезно «финансироваться», создав прочные связи между производством продовольствия и международными финансовыми институциями (Clapp, 2016: 133-169). Прежде подконтрольные государству каналы поставок сегодня регулируются частными компаниями, интегрированными в международные рынки и удовлетворяющими потребительский спрос на безопасные продукты высокого качества (Swinnen, Maertens, 2007). Появление частных торговых сетей и супермаркетов ознаменовало фундаментальное изменение социалистических способов распределения продовольствия (Dries, Reardon, Swinnen, 2004; Reardon, Timmer, Berdegue, 2008).

В отличие от индустриального сельского хозяйства, мелкие сельхозпроизводители не капитализированы, а ЛПХ не интегрированы в каналы поставок продовольствия и внешние рынки, что определяет важность вопроса о месте и роли ЛПХ в современном обществе, где опытные потребители требуют высокого качества и разнообразия продуктов питания. Домохозяйства, ведущие ЛПХ, адаптировались к рыночным условиям и новому институциональному контексту, но лишь немногие из них коммерциализировались и отличаются высоким уровнем доходов (Узун, Сарайкин, 2012; O'Brien, 2012; O'Brien, Patsiorkovsky, 2006; Pallot, Nefedova, 2007; Wegren 2014), однако и они занимаются в основном производством необработанной продукции, что не соответствует запросам горожан. Как правило, ЛПХ продают картофель и овощи, и отведенная ими под картофель площадь превышает посадки всех иных овощей и фруктов (около 40%), хотя с 2006 по 2016 год эта площадь сократилась на 41% (Полунин, Алакоз, Черкашин, 2018: 46). Одно дело — продавать картофель, овощи и ягоды советским потребителям, у которых было мало возможностей для покупки продуктов питания, и другое дело — современным потребителям, привыкшим к супермаркетам и все чаще покупающим готовую и упакованную еду. Заимствуя метафору Дж. Скотта (Scott, 1999) о «государственной оптике», можно утверждать, что сегодня сельхозпроизводители должны заботиться о благополучии общества, но вряд ли нынешние ЛПХ приносят ему большую пользу.

Мелкие сельхозпроизводители и их ЛПХ играли совершенно определенную роль в 1990-е годы — обеспечивали продовольственную безопасность, когда цены на продукты взлетели, а реальные доходы населения рухнули. На протяжении 1990-х годов площадь земельных участков под ЛПХ выросла — с их помощью горожане и сельские жители пытались обеспечить себя продуктами в условиях экономического кризиса (Kalugina, 2000). ЛПХ стали стратегическим ресурсом выживания домохозяйств: с государственной точки зре-

*С. Вегрен,
И.В. Троцук*
Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

ния, чем больше продукции производили ЛПХ, тем ниже были шансы, что разъяренные толпы выйдут на улицы протестовать против скачков цен и высоких цен на продукты. Однако сегодня непонятно, как сельхозпроизводство домохозяйств может встроиться в гиперкапиталистическую продовольственную систему. Очевидные проблемы нынешних ЛПХ таковы: данный сектор не входит в государственные приоритеты и потому получает мало господдержки; он не может конкурировать с агрохолдингами и крупными фермерскими хозяйствами по уровню проникновения на рынок, качеству продукции и ее ассортименту; он не отвечает государственным интересам как экспортер продовольствия; он не помогает государству повысить международный статус и влияние. Принимая во внимание все возрастающую экономическую мощь агрохолдингов, непонятна роль ЛПХ сегодня: нуждается ли современный АПК в принципе в сельхозпроизводителях, которые ориентированы на собственное потребление; каково социальное значение ЛПХ, помимо садоводства, отдыха на природе и получения удовольствия от выращивания овощей и продуктов?

Неопределенность статуса ЛПХ отражается и в политике государства: хотя капиталистическая система дает «зеленый свет» предпринимательской активности, региональные вспышки свиной чумы и птичьего гриппа заставили государство вернуть ограничительные меры в отношении ЛПХ. В начале 2018 года было выявлено 74 очага свиной чумы, из них 41 — в ЛПХ (Дятловская, 2018). В июле 2018 года Россельхознадзор ввел карантин в 40 очагах, включая ЛПХ в Калужской, Курской, Самарской, Пензенской, Саратовской и Орловской областях (Россельхознадзор прогнозирует..., 2018). Неудовлетворительные санитарные условия производства в ЛПХ угрожают корпоративным интересам, и агрохолдинги пытаются заставить региональные правительства ввести новые ограничительные меры в отношении мелких сельхозпроизводителей, чтобы сдержать распространение заболеваний. Например, в декабре 2018 года правительство Калининградской области запретило выращивать свиней на приусадебных участках, в результате в начале 2019 года поголовье свиней в области сократилось на 99% (Калининградские власти заявили..., 2019). Одни регионы предлагают ограничить поголовье домашнего скота по аналогии с советским периодом, другие — заставить домохозяйства регистрировать скотину в муниципалитетах, чтобы отслеживать соблюдение ЛПХ ограничительных мер, — Министерство сельского хозяйства поддерживает введение региональных ограничений на поголовье свиней в ЛПХ.

Парадокс пятый: какое будущее ждет российские ЛПХ?

Пятый парадокс состоит в том, что ЛПХ выдержали годы сталинских репрессий и войны, помогли пережить хронические продук-

товые дефициты советского периода, сыграли роль подушки продовольственной безопасности в 1990-е годы, а теперь переживают необратимый спад в эпоху благополучия и стабильности, и их будущее в российской продовольственной системе неясно. С одной стороны, в буквальном смысле слова ЛПХ продолжают свое существование — на сельских территориях земля вокруг жилых построек, используемая под домашние сады и огороды, не может быть изъята (это запрещено законодательно), т. е. бессмысленно рассматривать подобный вариант развития события. Приусадебные участки — структурная характеристика российского села, невозможно даже представить, что эта земля вдруг будет отнята у домохозяйств, а даже если бы этот шаг был возможен, то вызвал бы крайне негативную реакцию населения. Иными словами, эта земля не может исчезнуть из пользования домохозяйств, и они продолжают здесь производство продуктов питания, т. е. с этой точки зрения ЛПХ, несомненно, имеют будущее.

С другой стороны, на протяжении десятилетий ЛПХ играли важную роль в российской продовольственной системе, участвуя в региональных и местных поставках продовольствия. Мелкие сельхозпроизводители и их ЛПХ занимали особое место в советском обществе, пополняя семейный рацион и гарантируя продовольственную безопасность домохозяйств, — эта роль отчасти оспаривалась и подавлялась советским режимом, но была очевидна. В 1990-е годы ЛПХ обеспечивали продовольственную безопасность миллионов домохозяйств, когда экономика находилась в кризисе и реальные доходы населения резко упали. Сегодня функции ЛПХ меняются: вероятнее всего, производительность ЛПХ продолжит снижаться в абсолютных объемах и по сравнению с другими производителями, и через десять лет или даже раньше фермерские хозяйства обгонят ЛПХ по объему продукции. В широком экономическом смысле будущее ЛПХ неясно, особенно учитывая, что российский АПК находится на ранних стадиях технологической революции: агрохолдинги и крупные хозяйства начинают использовать дроны, беспилотные тракторы и комбайны, роботов и другие продвинутые технологии, которые делают производство более эффективным и прибыльным, а ЛПХ работают по-прежнему (Wegren, 2018). По мере развития технологической революции ЛПХ будут утрачивать свои экономические позиции.

Будущее ЛПХ неясно и по другим причинам. Во-первых, определяющую роль играет государственная политика: руководство страны стремится к статусу мировой державы и глобального экспортера продовольствия, легитимируя тем самым действующий политический режим, но ЛПХ производят большую часть продукции для собственного потребления и не интегрированы в каналы поставок продовольствия и внешние рынки, т. е. не способствуют достижению целей государства. Во-вторых, если в развивающихся странах малые формы хозяйствования — это, как правило, образ жизни,

то для российских домохозяйств ЛПХ — скорее вспомогательный способ продовольственного обеспечения или вид досуга: поскольку занятость в сельской местности диверсифицируется и здесь появляется все больше форм несельскохозяйственной деятельности, высока вероятность, что все больше домохозяйств будут отказываться от ЛПХ в пользу иных способов провести свободное время. В-третьих, нужно учитывать демографические и трудовые процессы: сельские жители младше 30 лет продолжают уезжать из сел и все чаще предпочитают несельскохозяйственную занятость (Bednarikova, Vavorova, Ponkina, 2016; Unay-Gailhard, Vavorova, Bednarikova, Ponkina, 2019), но именно эта когорта тратит больше всего времени на работу в ЛПХ по данным статистики (Итоги пилотного выборочного обследования..., 2010). Объективно у пенсионеров больше времени на работу в ЛПХ, но затрачивают они, наоборот, меньше времени, чем молодежь, поскольку у них не хватает сил на все те действия, что необходимы для продажи продуктов питания: загрузка продукции в машину (или упаковка для перевозки на автобусе), сама поездка, разгрузка, выкладывание на прилавке, продажа в течение дня, а затем повторение запаковки/поездки и разгрузки на обратном пути. Таким образом, важным ограничением для ЛПХ являются физические и трудовые возможности тех, кто продолжает жить в деревне.

В-четвертых, в июне 2019 года вступила в действие новая государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», рассчитанная на период до 2025 года и 2,28 млрд рублей (примерно 1 млрд — из федерального бюджета)⁷. Детальное рассмотрение программы потребовало бы написания отдельной статьи, поэтому ограничимся кратким комментарием: программа нацелена на четыре основных направления работы — жилищное строительство и улучшение жилищных условий; развитие сельской инфраструктуры и сферы услуг на сельских территориях; снижение сельской бедности, повышение сельской занятости и доходов сельского населения; улучшение сельской транспортной инфраструктуры (Село на два триллиона..., 2019). Критически настроенный читатель неизбежно отметит схожесть этих целей с другими государственными программами начиная с 1970-х годов, призванными содействовать социальному развитию сельских территорий. Однако село все еще серьезно отстает от города по уровню жилищного благоустройства,

7. В мае 2019 года члены «Единой России» предложили преобразовать программу в национальный проект, поскольку тогда на 99% она бы финансировалась из федерального бюджета, а на 1% — из региональных бюджетов (Село на два триллиона..., 2019). В ответ премьер-министр Д.А. Медведев сопоставил масштабы программы с национальным проектом, однако не сказал прямо, что поддерживает предложение. Программа вступила в действие в июне этого года как федеральная программа, а не как национальный проект.

доходов, основных услуг и инфраструктуры. Придется подождать, чтобы оценить эффективность новой государственной программы, пока же очевидно, что если программа будет успешной, то она еще больше снизит мотивацию населения вести ЛПХ.

Относительно недавно приусадебные сады были широко распространены в социалистических странах Восточной Европы, но в постсоветский период их популярность и экономический вклад в продовольственное обеспечение резко снизились практически повсеместно, за исключением Румынии и Болгарии. По мере модернизации в этих странах росли доходы сельского населения, а постматериалистические ценности вытеснили потребность выращивать собственные овощи и фрукты. То же самое может случиться в России: чем более успешной будет федеральная программа развития сельских территорий, тем меньше сельские жители будут заинтересованы в ЛПХ. Вот лишь два тому подтверждения: во-первых, программа предоставила сельским жителям возможность брать ипотечные кредиты под менее чем 3% годовых с выплатой сразу 20% стоимости жилья, и сельское жилье не будет иметь приусадебного участка, в случае необходимости человек должен будет арендовать землю вдали от дома, т. е. само понятие приусадебного сада теряет смысл; во-вторых, программа призвана повысить сельские доходы и расширить возможности несельскохозяйственной занятости, тем самым сократив масштабы сельской бедности, однако занятость и рост доходов устраняют необходимость выращивать овощи и фрукты, потому что их можно купить, что оставляет больше свободного времени для иных занятий. Иными словами, два основных вызова, с которыми столкнулись сегодня сельские ЛПХ, — это благосостояние и модернизация.

*С. Вегрен,
И.В. Троцук*
Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

Заключение

Российские ЛПХ — прекрасный кейс для исследований по девелопментализму, поскольку он показывает, как сектор мелких сельхозпроизводителей сокращает свой вклад в экономический рост. Кроме того, конкуренция крупных и малых хозяйств сегодня обрела такие формы, что вторые просто не могут в ней выиграть. Соответственно, ЛПХ были важнейшей чертой российского общества и села на протяжении столетия, но сегодня продолжают решать лишь задачу самообеспечения домохозяйств продуктами питания, практически не участвуя в локальных системах продовольственного обеспечения.

Несмотря на различные государственные ограничения в советский период, ЛПХ играли жизненно важную роль в местном и региональном продовольственном снабжении. Владельцы ЛПХ, будучи работниками совхозов и колхозов, выстраивали симбиотические отношения с сельхозпредприятиями, которые поддерживали

их деятельность по самообеспечению продуктами питания. Постсоветский период расширил права ЛПХ, например, предоставив право приватизировать землю вокруг жилых построек и увеличить обрабатываемый участок за счет аренды. Однако ЛПХ утрачивают свое прежнее значение по причине использования устаревших методов производства и неучастия в поставках продовольствия и международных рынках. В отличие от развивающихся стран, где мелкие сельхозпроизводители остаются важнейшим ресурсом экономического роста и продовольственной безопасности, в России складывается совершенно иная ситуация.

Вряд ли сегодня можно придумать способ остановить спад производительности российских ЛПХ в относительных или абсолютных показателях. В литературе по девелопментализму часто используется понятие «гибкость» (resilience), обозначающее способность «предвидеть, поглощать и восстанавливаться после негативных воздействий, подстраиваясь под неблагоприятные внешние обстоятельства» (Progress and Challenges..., 2017: 7). Российские ЛПХ такой гибкостью не обладают, потому что у их владельцев мало рычагов для смягчения влияния враждебного экономического окружения и отмены ограничительных мер региональных правительств. В этой ситуации возможны два пути: один — отказаться от ЛПХ: их число в сельских районах сократилось на 88 тысяч с 2006 по 2016 год, что нельзя назвать резким спадом, но все же это сокращение говорит о радикальном изменении тенденции 1990-х годов (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, т. 1: 70-71; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, т. 1: 109-110). Другой и более вероятный путь — смириться с нынешним спадом производительности ЛПХ и их превращением в досуговое занятие. Маргинализация ЛПХ очевидна, потому что это превращение не окажет существенного влияния на городских потребителей. Вклад ЛПХ в ВВП страны минимален, а в экспорт продовольствия (нынешний приоритет российского правительства) — незначителен. Безусловно, сегодня ситуация кардинально отличается от недавнего прошлого, когда на протяжении десятилетий продукция ЛПХ была столь важным источником продуктов питания для горожан, что советские лидеры шли на идеологические уступки, разрешая, а иногда даже помогая ЛПХ производить больше продукции. Если бы продукция ЛПХ исчезла в 1980-е или 1990-е годы, то это оказало бы крайне негативное воздействие на горожан и сельских жителей в равной степени. Продукция ЛПХ была неотъемлемой частью локальных продовольственных систем, а горожане покупали ее на колхозных рынках. Сегодня ситуация изменилась: вряд ли среднестатистический житель Москвы или любого другого крупного города ощутит экономические последствия прекращения производства в ЛПХ, поскольку их продукция играет незначительную роль в снабжении и распределении продовольствия по сравнению с советским периодом: горожане уже привыкли

покупать продукты в супермаркетах, минимаркетах и розничных сетях.

Таким образом, с точки зрения распределения продовольствия среди горожан роль ЛПХ сегодня минимальна. В сельских районах ситуация несколько иная, потому что потребительские кооперативы закупают в ЛПХ продукты для последующей перепродажи, но кооперативы не являются основой продовольственного обеспечения сельского населения. Что касается поставок продовольствия, то агрохолдинги и крупные хозяйства поставляют большую часть продуктов, которые приобретают горожане (например, Россия продолжает наращивать мясное производство, а показатели животноводства по ЛПХ, наоборот, падают). Фермерские хозяйства заполняют особые рыночные ниши: небольшие семейные хозяйства производят деликатесные сыры и органические продукты, развивают онлайн-продажи и доставку. Уже сегодня владельцы ЛПХ понимают, что купить молоко — дешевле, чем держать корову, а купить картошку — дешевле (и удобнее), чем вырастить ее. В случае необходимости у государства есть политические рычаги, чтобы компенсировать отказ ЛПХ от производства, например, меры по поддержке импортозамещения могут быть смягчены, что позволит России импортировать дешевые овощи из стран СНГ и Евразийского экономического союза, а дешевое мясо — из стран Латинской Америки или Китая. Иными словами, если наши оценки верны, эпоха экономического доминирования ЛПХ в России закончилась, и их уход с экономической сцены не скажется на продовольственной безопасности страны.

*С. Вегрен,
И.В. Троцуц*
Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России

Библиография

- Бенедиктов И.А. (1989). О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. № 4.
Благодаря «вологодскому гектару» в сельхозоборот введено уже 90% пустующих земель // <https://kvedomosti.ru/news/blagodarya-vologodskomu-gektaru-v-selxozoborot-vvedeno-uzhe-90-procentov-pustuyushhix-zemel.html>
- Владельцам «дальневосточных гектаров» помогут наладить сбыт продукции // <https://kvedomosti.ru/news/vladelcam-dalnevostochnyx-gektarov-pomogut-naladit-sbyt-produkcii.html>
- Григоровский В.Е., Алексеев М.А. (1968). Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Дятловская Е. (2018). Russia Baltic Pork Invest уничтожит 111 тысяч свиной из-за АЧС // <http://www.agroinvestor.ru/companies/news/30224-russia-baltic-pork-invest-unichtozhit-111-tysyach-sviney>
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 1, книга 1: Основные итоги (2008). М.: Статистика России.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 3: Земельные ресурсы и их использование (2008). М.: Статистика России.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 1, книга 1: Основные итоги (2018). М.: Статистика России.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т. 3: Земельные ресурсы и их использование (2018). М.: Статистика России.

- Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением (2010). М.: Росстат.
- Каковы перспективы российского рынка органических продуктов // <https://agrovesti.net/news/indst/kakovy-perspektivy-rossijskogo-rynka-organicheskikh-produktov.html>
- Калининградские власти заявили, что в регионе удалось стабилизировать ситуацию с АЧС // <http://kvedomosti.ru/news/kaliningradskie-vlasti-zayavili-chto-v-regione-udalos-stabilizirovat-situaciyu-s-achs.html>
- Кулистикова Т. (2018). Россия должна войти в топ-5 мировых экспортеров свинины // <http://www.agroinvestor.ru/rating/news/30028-rossiya-dolzha-voyti-v-top-5-mirovykh-eksporterov-svininy>
- Кулистикова Т. (2019). Выручка «Черкизово» может превысить 130 млрд рублей // <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/31871-vyruchka-cherkizovo-mozhet-prevyshit-130-mlrd-rublej>
- Ленин В.И. (1959). Речь на I Съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей. Ленин В.И. Союз рабочего класса и крестьянства. М.: Прогресс.
- Личное подсобное хозяйство населения в 1988 году (1989). М.: Госкомстат.
- Нефедова Т., Пэллот Дж. (2006). Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство.
- Полунин Г., Алакоз В., Черкашин К. (2018). Состояние и перспективы землепользования личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. № 11.
- Россельхознадзор прогнозирует ухудшение ситуации по гриппу птиц // <http://kvedomosti.ru/news/rosselxzonadzor-prognoziruet-uxudshenie-situacii-po-grippu-ptic.html>
- Российский статистический ежегодник (2018). М.: Росстат.
- Россия в цифрах (2019). М.: Росстат.
- Село на два триллиона: на развитие АПК направят 2,28 трлн рублей // <https://kvedomosti.ru/news/selo-na-dva-trilliona-na-razvitie-apk-napravyat-2-28-trln-rublej.html>
- Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России (2003). М.: Госкомстат.
- Узун В., Сарайкин В. (2012). Экономическая классификация личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. № 1.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело.
- Bates R.H. (1981). Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies. Berkeley: University of California Press.
- Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. (2016). Migration motivation of agriculturally educated rural youth: The case of Russian Siberia // Journal of Rural Studies. Vol. 45.
- Bernstein H. (2010). Class Dynamics of Agrarian Change. Halifax: Fernwood.
- Birner R., Resnick D. (2010). The political economy of policies for smallholder agriculture // World Development. Vol. 38. No. 10.
- Clapp J. (2016). Food. Cambridge: Polity Press.
- Dries L., Reardon T., Swinnen J.F.M. (2004). The rapid rise of supermarkets in Central and Eastern Europe: Implications for the agrifood sector and rural development // Development Policy Review. Vol. 22. No. 5.
- Durr J. (2016). The political economy of agriculture for development today: The 'small versus large' scale debate revisited // Agricultural Economics. Vol. 47.
- Goldsmith A. (1985). The private sector and rural development: Can agribusiness help the small farmer? // World Development. Vol. 13. Nos. 10-11.
- Graeb V.E., Chappell M.J., Wittman H., Ledermann S., Bezner-Kerr R., Gemmill-Herren B. (2016). The state of family farms in the world // World Development. Vol. 87.
- Hazell P., Poulton C., Wiggins S., Dorward A. (2010). The future of small farms: Trajectories and policy priorities // World Development. Vol. 38. No. 10.
- Hedlund S. (1989). Private Agriculture in the Soviet Union. L.: Routledge.
- Johnson B.F., Kilby P. (1975). Agriculture and Structural Transformation: Economic Strategies in Late-Developing Countries. N.Y.–L.: Oxford University Press.

- Kalugina A.I.* (2000). Survival strategies of enterprises and families in the contemporary Russian countryside. *Russian Views of the Transition in the Rural Sector: Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses*. Washington: The World Bank.
- Lipton M.* (1976). *Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lowder S.K., Scoet J., Raney T.* (2016). The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide // *World Development*. Vol. 87.
- Moskoff W.* (1990). *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*. Cambridge University Press.
- O'Brien D.J.* (2012). A new institutional approach to entrepreneurship and inequality in rural Russian villages: Survey findings from 1991 to 2006 // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 3.
- O'Brien D.J., Patsiorkovsky V.V.* (2006). *Measuring Social and Economic Change in Rural Russia: Surveys from 1991 to 2003*. Lanham: Lexington Books.
- Pallot J., Nefedova T.* (2007). *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*. Oxford University Press.
- Progress and Challenges in Global Food Security* (2017). Bulletin no. 175. Washington: USDA.
- Reaching the Rural Poor: A Renewed Strategy for Rural Development* (2003). Washington: The World Bank.
- Reardon T., Timmer C.P., Berdegue J.* (2008). The rapid rise of supermarkets in developing countries: Induced organizational, institutional, and technological change in agrifood systems. *The Transformation of Agrifood Systems: Globalization, Supply Chains and Smallholder Farmers*. L.: Earthscan.
- Schneiberg M., King M., Smith T.* (2008). Social movements and organizational form: Cooperative alternatives to corporations in the American insurance, dairy and grain industries // *American Sociological Review*. Vol. 73.
- Scott J.C.* (1999). *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Swinnen J.F.M., Maertens M.* (2007). Globalization, privatization, and vertical coordination in food value chains in developing and transition countries // *Agricultural Economics*. Vol. 37. No. 1.
- The State of Food Insecurity in the World* (2015). Rome: FAO.
- Unay-Gailhard I., Bavorova M., Bednarikova Z., Ponkina E.V.* (2019). 'I don't want to work in agriculture!'. The transition from agricultural education to the labor market in rural Russia. *Rural Sociology*, vol. 84, no. 2.
- Van de Walle N.* (2001). *African Economies and the Politics of Permanent Crisis*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Wadekin K.E.* (1973). *The Private Sector in Soviet Agriculture*. Berkeley: University of California Press.
- Wadekin K.E.* (1982). *Agrarian Policies in Communist Europe: A Critical Introduction*. Allandhead: The Hague.
- Wegren S.K.* (1998). *Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia*. University of Pittsburgh Press.
- Wegren S.K.* (2014). *Rural Inequality in Divided Russia*. L.–N.Y.: Routledge.
- Wegren S.K.* (2018). The 'left behind': Smallholders in contemporary Russian agriculture // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 18. No. 4.
- Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V.* (2018). *Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table*. Lanham: Lexington Books.

The paradoxes of smallholders in contemporary Russia

Stephen Wegren, Professor of Political Science, Southern Methodist University, Dallas (USA). P.O. Box 750333, Dallas, TX 75275-0333. E-mail: swegren@smu.edu.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Contemporary Russian smallholders — *lichnoe podsobnoe khoziaistvo (LPKh)* — are characterized by a number of paradoxes. At the core of these paradoxes is that the role of *LPKh* in the agricultural system is changing and its future is uncertain. As agricultural production in Russia becomes more concentrated in fewer companies, as supply lines are strengthened, as regulation of sanitary and veterinary conditions become more comprehensive, and as Russian companies are more integrated to global markets, *LPKh* is falling behind on each dimension. Already in production decline, smallholders are likely to experience continued marginalization into the future. The prospects for reversal of marginalization are poor. It is difficult to see how smallholders' downward drift in Russia, either relative or absolute, can be stopped. *LPKh* in Russia lack resiliency in that operators have few levers to mitigate the effects of an increasingly hostile economic environment or to reverse the restrictive policies that emanate from regional governments. Moreover, contemporary urban consumers do not depend on *LPKh* output as before and the sector does not help the state attain its goals, which means that the *LPKh* sector is not a priority. The Russian case adds to the development literature by showing a smallholder sector that is making progressively less contribution to economic growth. Further, smallholder-large farm relations are competitive in a way that smallholders cannot possibly win. The household sector will continue to produce food for self-provision but its contribution to local food supply is likely to decline.

Key words: Russia, smallholders, household plots, household gardens, post-soviet agriculture

References

- Bates R.H. (1981) *Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies*, Berkeley: University of California Press.
- Bednarikova Z., Bavorova M., Ponkina E.V. (2016) Migration motivation of agricultural-ly educated rural youth: The case of Russian Siberia. *Journal of Rural Studies*, vol. 45.
- Benediktov I.A. (1989) O Staline i Khrushcheve [On Stalin and Khrushchev]. *Molodaia Gvardiia*, no 4.
- Bernstein H. (2010) *Class Dynamics of Agrarian Change*, Halifax: Fernwood.
- Birner R., Resnick D. (2010) The political economy of policies for smallholder agriculture. *World Development*, vol. 38, no 10.
- Blagodaria 'Vologodskomu gektaru' v selkhozoborot vvedeno uzhe 90 protsentov pustuiushchikh zemel [Thanks to Vologda hectare already 90 percent of empty land has been entered into agricultural production already]. May 24, 2019. URL: <https://kvedomosti.ru/news/blagodarya-vologodskomu-gektaru-v-selkhozoborot-vvedeno-uzhe-90-procentov-pustuyushhix-zemel.html>.
- Clapp J. (2016) *Food*, Cambridge: Polity Press.
- Dries L., Reardon T., Swinnen J.F.M. (2004) The rapid rise of supermarkets in Central and Eastern Europe: Implications for the agrifood sector and rural development. *Development Policy Review*, vol. 22, no 5.
- Durr J. (2016) The political economy of agriculture for development today: The 'small versus large' scale debate revisited. *Agricultural Economics*, vol. 47.
- Dyatlovskaya E. (2018) Russia Baltic Pork Invest unichtozhit 111 tysyach sviney iz-za AChS [Russia Baltic Pork Invest destroys 111 thousand pigs due to African swine fever].

- URL: <http://www.agroinvestor.ru/companies/news/30224-russia-baltic-pork-invest-unichtozhit-111-tsyach-sviney>.
- Goldsmith A. (1985) The private sector and rural development: Can agribusiness help the small farmer? *World Development*, vol. 13, no 10-11.
- Graeb B.E., Chappell M.J., Wittman H., Ledermann S., Bezner-Kerr R., Gemmill-Herren B. (2016) The state of family farms in the world. *World Development*, vol. 87.
- Grigorovskii V.E., Alekseev M.A. (1968) *Lichnoe podsobnoe khoziaistvo kolkhoznikov, rabochikh i sluzhashchikh v SSSR* [Personal Subsidiary Farming by Collective Farm Workers, Workers and Employees], Leningrad: Leningrad University.
- Hazell P., Poulton C., Wiggins S., Dorward A. (2010) The future of small farms: Trajectories and policy priorities. *World Development*, vol. 38, no 10.
- Hedlund S. (1989) *Private Agriculture in the Soviet Union*, London: Routledge.
- Itoги pilotnogo vyborochnogo obsledovaniia ispolzovaniia (biudzheta) vremeni naseleniem* [Results of a Pilot Investigation of the Use of Time (Budget) by the Population] (2010), Moscow: Rosstat.
- Itoги Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda*. Tom 1, kniga 1: *Osnovnye itogi* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 1, Book 1: Basic Results] (2018), Moscow: Statistika Rossii.
- Itoги Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda*. Tom 3: *Zemelnye resursy i ikh ispolzovanie* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 3. Land Resources and Their Use] (2018), Moscow: Statistika Rossii.
- Itoги Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda*. Tom 1, kniga 1: *Osnovnye itogi* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 1, Book 1: Basic Results] (2018), Moscow: Statistika Rossii.
- Itoги Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda*. Tom 3: *Zemelnye resursy i ikh ispolzovanie* [Results of the All Russian Agricultural Census of 2016. Vol. 3. Land Resources and Their Use] (2018), Moscow: Statistika Rossii.
- Johnson B.F., Kilby P. (1975) *Agriculture and Structural Transformation: Economic Strategies in Late-Developing Countries*, New York–London: Oxford University Press.
- Kakovy perspektivy Rossiiskogo rynka organicheskikh produktov [Prospects for organic products in the Russian market]. April 5, 2019. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/kakovy-perspektivy-rossijskogo-rynka-organicheskikh-produktov.html>.
- Kaliningradskie vlasti zaivili, chto v regione udalos stabilizirovat situatsiiu s AchS [Kaliningrad officials announce a stabilization of the situation with African swine fever in the region]. February 27, 2019. URL: <http://kvedomosti.ru/news/kaliningradskie-vlasti-tai-zayaviii-chto-v-regione-udalos-stabilizirovat-situatsiyu-s-achs.html>.
- Kalugina A.I. (2000) Survival strategies of enterprises and families in the contemporary Russian countryside. *Russian Views of the Transition in the Rural Sector: Structures, Policy Outcomes, and Adaptive Responses*, Washington: The World Bank.
- Kulistikova T. (2018) Rossiia dolzhna voiti v top-5 mirovykh eksporterov svininy. June 29, 2018. URL: <http://www.agroinvestor.ru/rating/news/30028-rossiya-dolzha-voyti-v-top-5-mirovykh-eksporterov-svininy>.
- Kulistikova T. (2019) Vyruchka 'Cherkizovo' mozhет prevysit 130 mlrd rublei [Earnings of Cherkizovo may exceed 130 billion rubles]. June 6, 2019. URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/news/31871-vyruchka-cherkizovo-mozhet-prevysit-130-mlrd-rublei>.
- Lenin V. (1959) Speech delivered at the First Congress of Agricultural Communes and Agricultural Artels. Lenin V.I. *Alliance of the Working Class and Peasantry*, Moscow: Progress.
- Lichnoe podsobnoe khoziaistvo naseleniia v 1988 godu* [Personal Auxiliary Farming of the Population in 1988] (1989), Moscow: Goskomstat.
- Lipton M. (1976) *Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development*, Cambridge: Harvard University Press.
- Lowder S.K., Scoet J., Raney T. (2016) The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide. *World Development*, vol. 87.

- Moskoff W. (1990) *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*, Cambridge University Press.
- Nefedova T., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe khoziaistvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why is a Cow Needed?], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- O'Brien D.J. (2012) A new institutional approach to entrepreneurship and inequality in rural Russian villages: Survey findings from 1991 to 2006. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 3.
- O'Brien D.J., Patsiorkovsky V.V. (2006) *Measuring Social and Economic Change in Rural Russia: Surveys from 1991 to 2003*, Lanham: Lexington Books.
- Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*, Oxford University Press.
- Polunin G., Alakoz V., Cherkashin K. (2018) Sostoianie i perspektivy zemlepolzovaniia lichnykh podsobnykh khoziaistv [Status and future of land use by personal subsidiary farming]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 11.
- Progress and Challenges in Global Food Security* (2017). Bulletin no 175, Washington: USDA.
- Reaching the Rural Poor: A Renewed Strategy for Rural Development* (2003), Washington: The World Bank.
- Reardon T., Timmer C.P., Berdegue J. (2008) The rapid rise of supermarkets in developing countries: Induced organizational, institutional, and technological change in agrifood systems. *The Transformation of Agrifood Systems: Globalization, Supply Chains and Smallholder Farmers*, London: Earthscan.
- Rosselkhoz nadzor prognoziruet ukhudsheniye situatsii po grippu ptits [Rosselkhoz nadzor forecasts a worsening situation for bird flu]. July 5, 2018. URL: <http://kvedomosti.ru/news/rosselkhoz nadzor-prognoziruet-uxudshenie-situacii-po-grippu-ptic.html>.
- Rossia v tsifrakh* [Russia in Figures] (2019), Moscow: Rosstat.
- Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook] (2018), Moscow: Rosstat.
- Schneiberger M., King M., Smith T. (2008) Social movements and organizational form: Cooperative alternatives to corporations in the American insurance, dairy and grain industries. *American Sociological Review*, vol. 73.
- Scott J.C. (1999) *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Failed*, New Haven: Yale University Press.
- Selo na dva trilliona: na razvitie APK napraviat 2.28 trln rublej [Two trillion for the countryside: For development of the APK 2.28 trillion are allocated]. May 23, 2019. URL: <https://kvedomosti.ru/news/selo-na-dva-trilliona-na-razvitie-apk-napravyat-2-28-trln-rublej.html>.
- Selskokhoziaistvennaia deiatelnost khoziaistv naseleniia v Rossii [Agricultural Activity by Households in Russia] (2003), Moscow: Goskomstat.
- Swinnen J.F.M., Maertens M. (2007) Globalization, privatization, and vertical coordination in food value chains in developing and transition countries. *Agricultural Economics*, vol. 37, no 1.
- The State of Food Insecurity in the World* (2015), Rome: FAO.
- Unay-Gailhard I., Bavorova M., Bednarikova Z., Ponkina E.V. (2019) 'I don't want to work in agriculture!'. The transition from agricultural education to the labor market in rural Russia. *Rural Sociology*, vol. 84, no 2.
- Uzun V., Saraikin V. (2012) *Ekonomicheskaiia klassifikatsiia lichnykh podsobnykh khoziaistv* [Economic Classification of Personal Subsidiary Farming], APK: Ekonomika, Upravlenie, no. 1.
- Uzun V.Ia., Shagaida N.I. (2015) *Agrarnaia reforma v postsovetskoii Rossii: mekhanizmy i rezultaty* [Agrarian Reform in Postsoviet Russia: Processes and Results], Moscow: Delo.
- Van de Walle N. (2004) *African Economies and the Politics of Permanent Crisis*, New York: Cambridge University Press.
- Vladetsam 'dalnevostochnykh gektarov' pomogut naladit sbyit produktsii [Owners of Far Eastern hectare will be helped to sell produce]. May 15, 2019. URL: <https://kvedomosti.ru/news/vladelcam-dalnevostochnyx-gektarov-pomogut-naladit-sbyit-produkcii.html>.

- Wadekin K.E. (1973) *The Private Sector in Soviet Agriculture*, Berkeley: University of California Press.
- Wadekin K.E. (1982) *Agrarian Policies in Communist Europe: A Critical Introduction*, Allandhead: The Hague.
- Wegren S.K. (1998) *Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia*, University of Pittsburgh Press.
- Wegren S.K. (2014) *Rural Inequality in Divided Russia*, London–New York: Routledge.
- Wegren S.K. (2018) The 'left behind': Smallholders in contemporary Russian agriculture. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4.
- Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. (2018) *Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table*, Lanham: Lexington Books.

С. Вегрен,
И.В. Троцук
Парадоксы развития
личного под-
собного хозяй-
ства в современной
России

Ранняя работа А.В. Чаянова о бельгийском крестьянском хозяйстве¹

Предисловие публикатора

В.О. Афанасенков

Владислав Олегович Афанасенков, специалист Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Публикуется ранняя работа А.В. Чаянова «Крестьянское хозяйство в Бельгии», впервые вышедшая в 1910 году в журнале «Крестьянское дело». Статья основана на личных наблюдениях Чаянова, сделанных в период пребывания в Бельгии летом 1909 года, куда он, по мнению одного из биографов, направился для поиска моделей развития, пригодных для экстраполяции на российское земледельческое ядро. От лица бельгийского фермера Октава Коляра в статье повествуется об изменениях, произошедших в аграрном секторе Бельгии в последней четверти XIX века после мирового сельскохозяйственного кризиса. Приток североамериканского и российского зерна на бельгийский рынок (так называемый «grain invasion»), негативно повлиявший на конъюнктуру цен, привел сельхозпроизводителей к осознанию необходимости изменения сельскохозяйственной специализации — из экспортера зерна Бельгия превратилась в экспортера продуктов животноводства. Статья, как представляется, позволяет глубже понять идейные искания А.В. Чаянова на начальном этапе творчества, предшествовавшем теоретическому оформлению модели трудопотребительского баланса. Не только в своих ранних работах, но также и на протяжении всего своего творчества Чаянов обращался к сравнительным исследованиям развития российского и европейского сельского хозяйства, где аграрные примеры из Бельгии играли важную роль. Но только, пожалуй, в данной статье Чаянов проявил себя не только в качестве аграрного экономиста и социолога, но выступил и в роли сельского антрополога, дав конкретное описание портрета крестьянина на фоне истории его хозяйства.

Ключевые слова: аграрная история, А.В. Чаянов, Бельгия, крестьянское хозяйство, мировой сельскохозяйственный кризис, grain invasion

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-50-52

В 1909 году А.В. Чаянов, тогда студент Московского сельскохозяйственного института, принял решение посетить в период летних каникул Бельгию, чтобы всесторонне изучить ситуацию в ее

---

1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

сельскохозяйственном секторе. Как полагал один из биографов ученого, этот выбор Чайнова был обусловлен близостью трех базовых факторов — земли, климата и преобладающего размера хозяйств — в Бельгии и губерниях Центрального Черноземья². Обращение к опыту высокоразвитой в аграрном отношении Бельгии по этой логике позволяло выявить модели развития (по фермерскому пути), перспективные для российского земледельческого ядра.

По итогам своей поездки Чайнов подготовил целый цикл докладов и статей: «Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии», «Сельскохозяйственный кредит в Бельгии (Из докладов Комитету о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах)», «Страхование скота в Бельгии». В этом ряду стояла и небольшая статья «Крестьянское хозяйство в Бельгии», впервые напечатанная в беспартийном журнале для крестьян и сельской интеллигенции «Крестьянское дело» (№ 4, с. 68–70), который выходил в Москве. Фрагмент той же статьи под заглавием «В гостях у фермера Коляра» в 1910 году был перепечатан газетой «Пермская земская неделя» (№ 4, стб. 41–43). Ни в одном из существующих на сегодняшний день библиографических указателей работ А.В. Чайнова данный материал не фигурировал.

Эта статья — одна из трех, опубликованных Чайновым в «Крестьянском деле». Помимо нее в номерах 1910 года были помещены: «Народные сбережения» (№ 9, с. 167–168) и «О контрольных товариществах» (№ 20, с. 423–424). Стоит заметить, что в перечне печатных и письменных работ, представленном Чайновым А.Ф. Фортунатову по итогам 1910 академического года, была указана только статья «Народные сбережения»³.

Среди постоянных сотрудников «Крестьянского дела» значился в том числе А.Н. Минин. Учитывая, что нет никаких указаний на время знакомства Минина и Чайнова, можно предположить, что первые контакты между ними установились в период сотрудничества в журнале.

Статья «Крестьянское хозяйство в Бельгии» по-своему уникальна и интересна, прежде всего предельной конкретностью рассматриваемого объекта, столь нетипичной для творчества Чайнова в последующие годы. Текст, роль рассказчика в котором принадлежит фермеру Октаву Коляру, ярко обрисовывает последствия мирового аграрного кризиса, явившегося, в свою очередь, прямым следствием ухудшения конъюнктуры цен на продукты зернового производства (так называемого «grain invasion») для Бельгии.

2. *Балязин В.Н.* (1990). Профессор Александр Чайнов. М.: Агропромиздат. С. 42–43.

3. Дунаева Н.В., Козинская М.С., Макаренко Г.А. (сост.) (2008). Александр Васильевич Чайнов / Авт. вступ. ст.: В.М. Баутин, И.Н. Виноградова, В.И. Глазко. М.: ФГОУ ВПО РГАУ — МСХА имени К.А. Тимирязева. С. 12.

---

52   Как известно, до периода 1870–1890-х годов Бельгия являлась до-
история   вольно крупным поставщиком зерна на европейские рынки. При-
ток североамериканского и российского зерна, при относительно
либеральной таможенной политике национального правительства,
вынудил сельхозпроизводителей произвести отраслевую переориен-
тацию — Бельгия превратилась в импортера зерновых и экспорте-
ра продуктов животноводства. Этому вопросу и посвящена статья.
Редакторские примечания помечены *Ред.* и даны в квадратных
скобках.

А.В. Чайнов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-53-57

Пассажирский поезд, уходящий из Берлина на рассвете, пересекает бельгийскую границу еще засветло. Из окна вагона смотришь на новые и новые картины чужой земли, столь непохожей на нашу, русскую.

Еще в Германии поезд пересекает Вестфалию⁴ и входит в те местности, где добывают каменный уголь. Куда ни взглянешь, — всюду вместо деревушек и сельских церквей видны фабричные и заводские трубы, трубы и трубы без конца и краю. Целые горы каменного угля, вытщенного из недр земли, а рядом, словно щетка, лес новых и новых труб.

Страна промышленности.

По мере приближения к Бельгии⁵ число труб все увеличивается, и растут горы каменного угля и его отбросов. Около заводов и фабричных городов замечаешь какие-то странные маленькие сады, маленькие огороды, — участки земли, огороженные загородкой. Посреди участка стоит иногда какой-то домик. Спрашиваешь своих спутников, что это такое? И те рассказывают, что это участки земли, принадлежащие заводским рабочим, занимающимся в свободное время «сельским хозяйством». Каждый такой «хозяин» имеет участок в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ десятины, а то и того меньше. На нем строят не то шалаш, не то сарай и тщательно огораживают забором. Сам хозяин и его семья живут в городе, а на участке сажают капусту, овощи и иногда откармливают свиней. Доходы от такого «хозяйства», понятно, самые маленькие, семья всецело живет на заработок с фабрики и «сельским хозяйством» занимается не для подсобия, а больше для собственного удовольствия.

Такие «хозяйства» начали распространяться за последнее время вокруг фабричных городов и местечек в очень больших размерах. Немецкие ученые называют их «парцеллами», по-русски это, пожалуй, можно перевести словом «лоскуточки».

Странное на нас, русских, производят они впечатление. И спрашиваешь невольно: «А другие-то, настоящие хозяйства у вас есть?» — «Конечно», — и ваш спутник показывает на поля овса и луга, которые тянутся вдаль.

4. Одна из губерний Германии.

5. Маленькое государство в самом центре Западной Европы, между Францией и Германией; по размерам меньше, чем наша Московская губерния.

В это время поезд подходит к Вервье, границе Бельгии. Снова потянулись заводы, трубы, кучи каменного угля, — только люди другие, чем в Германии; те были важные и говорили по-немецки, эти говорят по-французски и много проще, приветственнее на вид. Всматриваясь и среди заводов видите кусочки лугов, по которым ходят коровы и лошади. Луга разбиты на квадратики и обсажены деревьями, судя по виду грушами и другими фруктовыми. Потом снова тянутся заводы, и нигде вы не видите ни полоски овса, ни какого другого хлеба.

Поезд стучит по рельсам и подходит к вокзалу. Льеж — бельгийский промышленный город. Лежит он в котловине, на берегу реки Мезы. Под городом в земле заложены огромные пласты каменного угля, и вся земля подрыта ходами-шахтами для его добычи. Под домами, под улицами и даже под дном реки — всюду работают люди и добывают каменный уголь. А сверху бесчисленные заводы сжигают его, коптят небо клубами черного дыма и выбрасывают в мир огромное количество товаров — металлических изделий. Заводов в Льеже так много, что, если плыть по реке на пароходке в соседнее местечко Сорен, то всю дорогу, около часа, по обе стороны реки идут две сплошные стены заводов с высокими коптящими трубами.

Таковы первые впечатления о Бельгии. Страна — промышленная и из каждых 6 человек населения 4 живут в городах и занимаются промышленностью, а у нас в России из 6 только 1 приходится на городское население. Хлеба, который производит бельгийское сельское хозяйство, на прокормление всего населения не хватает и его приходится привозить из других стран, главным образом, из Америки и России.

Само же бельгийское крестьянское хозяйство совсем не похоже на наше...

В гостях у фермера Коляра

До фермы Октава Коляра, которую я намеревался посетить, от станции «Мильморт» нужно было пройти версты 2–3.

По обе стороны дороги тянутся луга, огороженные трехрядной колючей проволокой, иногда маленькая полоска овса и снова луга, часто усаженные широкими рядами высоких фруктовых деревьев. Луга разделены на участки десятины по 2, по 3 и старательно огорожены. В каждой такой загородке пасется несколько здоровых коров-голландок или лошадей. Это земли отдельных хозяев.

В этой части Бельгии нет общинного землевладения, нет и общественного стада, а потому хозяину либо приходится самому стеречь свой скот, либо привязывать его или огораживать забором. Неудобство большое. Но что поделаешь, — вся земля раскромсана на куски, принадлежащие разным хозяевам. Чтобы выделить большой участок, надо соединить много мелких. А сговориться на этот счет мелким хозяевам прямо невозможно. Ну, и загораживают.

Прохожих по дороге встречается мало. Разве проедет на велосипеде рабочий, торопящийся на фабричную смену, или маленькая двухколесная таратайка, в которую впряжены человек и пара собак. Собаки в Бельгии играют весьма почтенную роль — они заменяют лошадей у всех тех, кому купить настоящую лошадь слишком дорого. Существует большое количество специально собачьих питомников особой породы собак, выносливых и сильных. Зеленщик, молочник, крестьянин, отвозящий что-либо на базар, — все пользуются услугой рабочей собаки. И в то время как охотничья собака и домашняя обложены большими налогами, за рабочую собаку платить ничего не надо.

Но вот и ферма. Большие ворота, высокий каменный выбеленный забор. Внутри двора дом, а по стене тянутся коровники, сарай и разные клетки. Весь двор завален толстым слоем соломы.

Октав Коляр — толстый, плотный мужчина, лет под 40 — встретил меня у ворот и начал показывать свое хозяйство.

По бельгийским понятиям — это было больше хозяйство: 20 десятин луга и около 10 десятин поля. Луга на редкость. Да за ними и уход хороший: каждый год их боронят, освежают и сильно удобряют навозной жижей и химическими удобрениями. Поля засеяны свеклой — особо выведенным для этой местности сортом. Но что особенно ярко выглядит, так это овес и пшеница.

— Вы попробуйте рукой-то, — говорит хозяин, — не пшеница — камыш!

Попробовал, — действительно камыш, да и колос хорош, ровный наливной.

— Не жалею удобрений. Кроме навоза, кладу много химических... Обработка тоже старательная... Да и самый сорт мы в нашем сельскохозяйственном обществе лет пять отбирали — какой лучше. Вот и урожай зато 180 пудов с десятины.

Посевы ровные, чистые, проплешин не видать, да и травы сорной нет, чуть-чуть кое-где краснеется мак.

Коляр, как и большинство бельгийских крестьян, не является собственником земли, на которой ведет хозяйство. Он арендатор-фермер. «Купить — надо иметь много денег» (десятина стоит более 1000 руб.). И он арендует ферму со всеми постройками на 10 лет, платит по 45 руб. за десятину. По его словам, соседние крестьяне часто арендуют не только землю и постройки, но и все сельскохозяйственные орудия.

Коляр, как и все окрестные хозяева, главным образом, скотовод: откармливает телят, свиней, содержит племенного жеребца. Его жена ведет молочное хозяйство; молоко от 4 коров частью отправляют в город Льеж, а частью перерабатывают в масло на соседней кооперативной маслобойне.

Семья небольшая: жена, дочь и сын, который учится в городе, а летом помогает отцу. Содержит одного рабочего-скотника. В страдную пору, а также осенью и весной, для сборки и пол-

ки свеклы приходится нанимать поденщиков, которые приходят из других губерний и из-за границы. Платят по рублю или по полтора рубля, редко больше.

— Теперь сельское хозяйство у нас все равно, что фабрика; все деньги и все на деньги, — рассказывал Коляра, — лет 40 назад, а у вас в России, наверное, и сейчас, крестьяне мало что покупали. Все производилось в своем хозяйстве, продавали тоже мало, не больше половины урожая, да и по хозяйству денежных расходов было немного. Теперь не то: приходится за аренду платить деньгами, кроме навозу удобряешь землю химическими удобрениями, тоже покупными, машины сельскохозяйственные — покупные; свои семена сеять невыгодно — зерно недостаточно хорошее — и покупаешь специальные отборные. Да и скоту корм прикупаешь: жмыхи, отруби, свекольную ботву — все денег требует! Да мало ли и других денежных расходов. Ну, и приходится продавать почти все. Хлеб продаем весь зерном — для семьи в булочной покупаем. Овес, вот, только для своих лошадей идет. Продаешь масло, шерсть. А видали у нас на лугах яблоны и груши, и с них тоже все продается. Большую прибыль приносит откорм телят и свиней. Покупаешь их с осени по третьему месяцу, откармливаешь свекловичным листом и прочим, а зимой или по весне продаешь. Ну, откорм не много стоит и на каждом что-нибудь выручишь. Да что и говорить, вертятся как на заводе — все покупаешь, все продаешь.

Надо было торопиться к поезду. Хозяин заложил лошадь.

— Хорошая лошадка. Она у меня называется «Русский», — сказал Коляра, дергая вожжамы.

— Почему же вы ее так назвали?

— Да как же! Ведь благодаря вам, русским, вернее, благодаря вашему хлебу, мы все начали заниматься скотоводством. Вот лет 40 назад большая часть этих лугов была полями, и все мы хлеб производили, хлеб продавали и хлебом жили. Урожай изводили, хлеб продавали и хлебом жили. Урожайи хотя были неважны, да цены стояли высокие — по 2 рубля с лишком за пуд. Потом провели железную дорогу⁶ и вскоре с железнодорожными поездами к нам стали привозить русский дешевый хлеб⁷. Хлебную цену сбили до рубля с пуда. Ну, понятно, для нас настало тяжелое время, наш хлеб самим стоит дороже рубля. Либо вовсе бросай хозяйство, либо ищи, что в нем выгодно. Плохое, надо вам сказать, время это было. Мно-

6. Станция Мильмор была открыта 1 мая 1865 г. в составе железнодорожной линии Льеж — Хасселт. — *Ред.*

7. В 1884–1889 гг. российский хлебный экспорт в Бельгию (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) составлял 90,8 млн пуд., в следующее пятилетие сократился до 77,3 млн пуд. и в 1895–1899 гг. достиг 85,2 млн пуд. (*Китанина Т.М.* (2011). Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 170). — *Ред.*

го хозяев разорилось. Вывернулись, однако. Скот теперь разводим племенной и молочный. Этого, пожалуй, так скоро и дешево не привезешь. Да и хлеб у нас теперь лучше, научились землю обрабатывать как следует, машины сельскохозяйственные ввели, химические удобрения и сортированные отборные семена употреблять начали. Ну, вот вместо 80 пудов 180 теперь собираем. Стоит вся эта улучшенная обработка дороже, ну, да и доходу больше, так что и при рублевой цене получается прибыль. Да, это за последнее время, благодаря вам, русским, стали мы скотоводством заниматься⁸...

A.V. Chayanov. Peasant economy in Belgium

Vladislav O. Afanasenkov — Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: erpaison@gmail.com.

This is an early work of Alexander Chayanov first published in the journal *Krestyanskoje delo* [Peasant Work] in 1910. The article is based on Chayanov's observations during his stay in Belgium in summer of 1909, when, according to one of his biographers, he tried to find development models for the Russian agriculture. On behalf of the Belgian farmer Octave Colyar, Chayanov described the changes in the Belgian agriculture after the great agricultural crisis (depression) of the late 19th century. The inflow of North-American and Russian grain to the Belgian market (the so-called 'grain invasion') had negative impact on prices and made agricultural producers change their specialization — Belgium turned from an exporter of grain to an exporter of livestock products. The article presents Chayanov at the beginning of his career, before the development of his theory of consumption-labor balance. Not only in his early works but also throughout his career, Chayanov used the comparative method to study the agricultural development of Russia and Western Europe. However, the Belgian case was one of the most important. In this article, Chayanov is an agrarian economist, sociologist and rural anthropologist presenting a detailed portrait of the peasant based on the history of his economy.

Keywords: agrarian history, Chayanov, Belgium, global agricultural crisis, 'grain invasion', peasant economy.

-
8. Для знакомства с хозяйством Бельгии рекомендуем две брошюры: А. Ширский — «Сельскохозяйственная кооперация в Бельгии», ц. 10 коп.; В. Брунст — «Как крестьяне в России улучшают свое хозяйство», ц. 5 коп. [Ширский А. (1907). Сельскохозяйственная кооперация в Бельгии. М.: Тип. Д.Н. Бутаева; Брунст В.Э. (1908). Как крестьяне в России улучшают свое хозяйство. М.: Агроном — *Ред*].

Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области¹

С.Н. Андреенков

Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

В статье раскрываются особенности проведения в Новосибирской области реорганизации системы сельскохозяйственных предприятий и землепользования в 1990-е годы. Данное начинание было главным направлением аграрных преобразований эпохи. Выявлены ход и последствия трансформации колхозов и совхозов в различные формы коммерческих предприятий (акционерные общества, кооперативы, крестьянско-фермерские хозяйства и их объединения) и особенности перераспределения земельных ресурсов. Сделан вывод о том, что на первом этапе реформирования (1991 г.) колхозно-совхозная система Новосибирской области в целом оставалась в прежних параметрах. Новые формы хозяйствования и землепользования находились в зачаточном состоянии. Существенно расширились размеры личных подсобных хозяйств. На втором этапе (1992–1993 гг.) реорганизация колхозов и совхозов ускорилась, была сформирована сеть крупных коммерческих организаций, выросла численность крестьянско-фермерских хозяйств. Новая организационно-хозяйственная система отвечала стандартам рыночной экономики только по форме. Вновь созданные сельскохозяйственные акционерные общества и кооперативы мало чем отличались от своих предшественников — колхозов и совхозов. Крупные хозяйства оставались главными поставщиками аграрной продукции на рынок. При этом функционировали они в крайне неблагоприятных условиях. Выросла роль мелкотоварного сектора аграрной экономики, представленного крестьянско-фермерскими личными подсобными хозяйствами.

Ключевые слова: земельная реформа, колхозы, совхозы, сельское хозяйство, землепользование, Новосибирская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-58-75

1990-е годы стали для России периодом глубоких преобразований, призванных решить основополагающие проблемы жизни страны. Одной из них являлась неспособность сельского хозяйства удовлетворить растущий спрос граждан на продовольствие. Недостаточная продуктивность отрасли обуславливалась незаинтересованностью работников колхозов и совхозов в высокорезультативном

---

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 18-49-54001.

труде на общественных полях и фермах, а также деградацией трудовых ресурсов села, вызванной «бегством» лучших работников сельхозпредприятий в города. Первое обстоятельство являлось следствием крупномасштабной индустриализации хозяйственных структур, порождавшей проблему отчуждения труда, второе — форсированным сселением «неперспективных» деревень. В 1980-е годы правительство страны пыталось решить эти вопросы путем расширения самостоятельности сельхозпредприятий и их подразделений (внедрение хозрасчета, арендного подряда и т. д.), стимулирование личных подсобных хозяйств (ЛПХ), а также улучшения условий для жизни и труда в деревне (строительство комфортного жилья, школ, больниц, дорог, хозяйственных помещений пр.). Данные шаги давали позитивные результаты, но в целом поднять сельское хозяйство на нужный уровень продуктивности не получалось.

Ситуация, сложившаяся в отрасли в конце 1980-х годов, не могла признаваться нормальной и побуждала правящие круги к разработке более решительных антикризисных мер. В ноябре-декабре 1990 года состоялся II (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, который 3 декабря утвердил «Программу возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса»². Ее осуществление должно было решить два блока задач: 1) обеспечить развитие социально-экономической инфраструктуры села; 2) способствовать формированию и функционированию разнообразных форм хозяйствования (колхозы, совхозы, акционерные общества, кооперативы, крестьянские хозяйства, их объединения) и землепользования (государственное, колхозно-кооперативное, частное, коллективно-долевое). Положения Программы были конкретизированы в серии законов Верховного Совета РСФСР, вышедших в свет в ноябре 1990 — апреле 1991 года. Важнейшим из них являлся закон «О земельной реформе»³, принятый 23 ноября 1990 года. Он отменил государственную монополию на землю для передачи участков хозяйствам различных типов в целях формирования многоукладной аграрной экономики.

Первое направление преобразований в полной мере реализовать не удалось: строительство в сельской местности социальных и хозяйственных объектов не получило достаточного финансирования ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Против наращивания государственных инвестиций в сельское хозяйство выступили сторонники либерализации социально-экономической

-
2. Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 3 декабря 1990 г. «О программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса» // Правовая Россия. URL: <http://lawru.info/dok/1990/12/03/n1176857.htm> (дата обращения: 08.08.2018).
  3. Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10107009/> (дата обращения: 08.09.2019).

системы. Поэтому результативно реализовывалось только второе направление. При этом удалось избежать радикально-либеральных перегибов, в частности, введения неконтролируемой государством торговли землей. На ее куплю-продажу был установлен 10-летний мораторий, по истечении срока которого санкционировать рыночный оборот земли мог только референдум. До этого отчуждение участков, кроме передачи по наследству, было возможно лишь государству. Правда, в мае 1993 года правительство разрешило покупать и продавать небольшие участки, предназначенные для ведения ЛПХ. Земельный кодекс РФ, принятый в 2001 году, санкционировал куплю-продажу участков, поставленных на кадастровый учет, а также переход земель из муниципальной и государственности в частные руки на возмездной основе. Далее в статье этого направления земельной реформы мы касаться не будем. В настоящем исследовании анализируются ход и результаты реорганизации колхозов и совхозов в различные формы коммерческих хозяйств, а также особенности связанного с этим перераспределения земельных ресурсов в 1990-е годы в Новосибирской области.

Аграрная реформа, начавшаяся в России в 1991 году, безусловно, вызывает интерес у ученых. Основная масса работ по теме подготовлена экономистами, социологами, географами (см.: Казьмин, 2016; Никитин, 2006; Никонова, 2000; Медведева, Артамонова, 2017; Организационно-экономические основы, 1998; Узун, Шагайда, 2015; Фадеева, 2015; Эльдиева, 2011). Их публикации основаны и на материалах отдельных регионов России, в том числе Новосибирской области (Организационно-экономические основы, 1998), что вполне оправданно: изучение крупной проблемы в узких территориальных рамках способствует ее детализации, выявлению скрытых тенденций. Научно-исторических публикаций явно меньше. На общероссийском и региональном уровне аграрные преобразования 1990-х годов анализируют историки И.В. Логунова (2011), В.В. Наухатский (2017), Н.А. Серогодский (2015) и др. Проведение земельной реформы в Новосибирской области представителями исторической науки изучено слабо.

Фактологическая основа проблемы представляется фрагментарной. Предложенную читателям статью можно считать началом большой работы по обновлению, систематизации, оформлению и научно-историческому анализу источниковой базы темы. Настоящее исследование основывается на материалах областной газеты «Советская Сибирь», которые, в частности, включают информационные сводки, интервью, репортажи, аналитические статьи, письма граждан, результаты соцопросов, статистические сведения, законодательные решения. В работе использованы данные, извлеченные из официальных изданий Новосибирского статистического управления, фондов Государственного архива Новосибирской области, путеводителей по архивным фондам районов области, а также законы, указы, постановления органов центральной и региональной власти, опубликованных в сети Интернет и сборниках документов.

Источниковая база статьи в таком составе представляется вполне репрезентативной и позволяет обстоятельно анализировать тему.

Начало реализации земельной реформы

План осуществления земельной реформы в Новосибирской области был принят на пятой сессии Новосибирского областного совета народных депутатов 23 марта 1991 года. Райисполкомы получили задание до 1 июля 1991 года сформировать фонд земель в размерах не менее 10% от площади сельхозугодий для последующего предоставления участков крестьянско-фермерским хозяйствам (КФХ), а также сельскохозяйственным кооперативам, предприятиям и организациям для подсобных хозяйств, гражданам — для коллективного садоводства и огородничества, дачного и индивидуального жилищного строительства. Фонд должен был состоять из земель: а) выбывших из сельскохозяйственного оборота; б) не использовавшихся по целевому назначению; в) не возделывавшихся в течение года; г) принадлежавших лесохозяйствам и свободных от леса и кустарника; д) находившихся во владении малопродуктивных сельхозпредприятий; е) включенных в запас. Самые большие участки — в среднем 200 га — планировалось предоставить фермерам районов Кулундинской зоны. Хозяйства здесь традиционно специализировались на производстве зерна. В Барабинской зоне, где были благоприятные условия для ведения животноводства, средняя предельная норма надела составляла 150 га, в зонах, прилегающих к Новосибирску, — 100 га (Советы депутатов, 1997: 482–483).

Конкретные вопросы наделения граждан землей для создания КФХ должны были решать районные земельные комитеты. Их формирование началось в декабре 1990 года и продолжалось в течение 1991 года. В большинстве районов области (в 18 из 30) земельные комитеты появились в январе-мае 1991 года.

Размер личных подсобных хозяйств селян устанавливали районные и поселковые советы. Им рекомендовалось отводить для ЛПХ до 1 га земли в зависимости от местных условий. Предполагалось, что в перспективе многие из них превратятся в товарные хозяйства. Горожане могли рассчитывать на получение участков для сада и огорода. Для их создания промышленным предприятиям и организациям области следовало выделить 4,1 тыс. га колхозно-совхозных земель пригородной зоны, в том числе для предприятий Новосибирска — 3,2 тыс. га. Кроме того, для выращивания картофеля жителям региона предполагалось предоставить дополнительно 15,2 тыс. га пахотных угодий, из них для членов действующих садоводческих товариществ — 2,7 тыс. га⁴.

4. На пути аграрной реформы. Из доклада председателя областного Совета В.П. Мухи // Советская Сибирь. 1991. 26 марта.

Реализация решений, касающихся расширения сектора личных подсобных хозяйств, была динамичной и поддерживалась населением. Существенных результатов властям области удалось добиться при выполнении задач развития ЛПХ городского населения. Для руководителей промышленных предприятий и организаций региона предоставление своим рабочим и служащим земельных участков под дачи, сады и огороды оказалось сложной, обременительной, но все же преодолимой проблемой. Например, немало усилий для решения «земельного вопроса» приложило руководство Новосибирского авиационного производственного объединения им. Чкалова. Среди работников организации провели анкетирование для выявления отношения трудящихся к подсобным земельным наделам. В анкете также ставились вопросы: семена каких сельскохозяйственных культур вам необходимы к началу посевной кампании, желаете ли вы приобрести поросят, телят, уток, кур и т. д.? Опрос показал, что предложение заняться садово-огородным производством трудящиеся восприняли с большим интересом и просят выделить участки площадью в 0,15–0,16 га. Всего под садовые наделы необходимо было найти 255 га земли, под огороды — более 200 га. Все рабочие и служащие, отвечавшие на вопросы анкеты, изъявили желание приобрести молодняк скота или птицу⁵.

Земли под посевы картофеля руководство авиационного объединения планировало просить у совхоза «Барлакский» пригородного Мошковского района. Под сады и огороды оно наметило использовать пашенные угодья подсобного хозяйства авиазавода. Предприятие пообещало дачникам и огородникам помочь в получении семян овощных культур, а также предоставить транспортные средства для перевозки людей и собранного урожая. Службой капитального строительства рассматривался вопрос о создании овощехранилищ в жилом секторе завода, а также на промплощадке. Руководство организации намеревалось ускорить темпы строительства складов для картофеля, выращенного на землях подсобного хозяйства⁶.

К середине лета 1991 года колхозы и совхозы предоставили промышленным предприятиям и организациям для выращивания картофеля 15 тыс. га земли, как и планировалось. Заявки трудовых коллективов на получение участков под посев этой культуры были удовлетворены почти полностью. При этом некоторые хозяйства пытались установить завышенную плату за пользование пашней. Решение облисполкома о цене арендованной площади (не более 3 руб. за 0,01 га), в частности, нарушили колхозы им. Кирова Колыванского и «60 лет Октября» Тогучинского районов.

Хуже складывалась ситуация с развитием коллективного садоводства. Увеличить фонд дачных участков новосибирцев на 3,2 тыс. га (с 10 тыс. до 13,2 тыс. га соответственно) не удалось. Промыш-

5. Ребята, садите картошку // Советская Сибирь. 1991. 9 апр.

6. Там же.

ленные предприятия и организации смогли получить от колхозов и совхозов для своих садоводов дополнительно только 2,8 тыс. га. Под посевы картофеля для дачников было арендовано 1,5 тыс. га вместо 2,7 тыс. га по плану⁷.

Выросла численность крестьянско-фермерских хозяйств. В начале 1991 года в Новосибирской области насчитывалось 53 КФХ, в распоряжении которых было 2,7 тыс. га земли при среднем размере участка 51 га. В начале 1992 года число КФХ достигло 1305, их земельная площадь — 76,7 тыс. га, средний надел — 58,8 тыс. га (табл. 1). Но в целом в 1991 года темпы фермеризации были низкими. Площадь каждого участка в среднем оказалась существенно меньше намеченной. Фермерские хозяйства занимали не более 2% всей пашни⁸.

Таблица 1. **Численность крестьянско-фермерских хозяйств и размеры их земельных владений**

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Число КФХ, единиц на 1 января	53	1305	3798	5847	6090	5458	5108	4822	4658	4473
Земельная площадь, тыс. га	2,7	76,7	222,2	338,2	350,2	339,1	341,3	354,4	355,1	354,8
Средний надел, га	50,9	58,8	58,5	57,9	57,5	61,9	66,8	73,5	76,2	79,3

Источник: Социальное и экономическое развитие Новосибирской области за 1990 г. // Советская Сибирь. 1991. 31 янв.; Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 45.

В 1991 году в Новосибирской области началась перерегистрация сельхозпредприятий в новые организационно-правовые формы. Главным событием на этом поле организационной деятельности был перевод совхозов в коллективные сельскохозяйственные предприятия (КСХП). Их создание началось после внесения в декабре 1990 года изменений в статью 12 Конституции РСФСР (совхозы признавались собственниками находившегося в их распоряжении имущества и продукции)⁹. От акционерных обществ КСХП отличались тем, что хозяевами материальных средств в них явля-

7. Первые шаги // Советская Сибирь. 1991. 25 июня.

8. ГАНУ. Р-11. Оп. 13. Д. 245. Л. 2, 6.

9. Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Сайт Конституции Российской Федерации

лись все работники. Трудовые коллективы имели право отказаться от создания КСХП. Совхоз в этом случае оставался государственным предприятием.

Стать КСХП изъявили желание небольшое количество сельхозпредприятий. В 1991 году в Новосибирской области одним из первых коллективным хозяйством стал совхоз «Сенчанский» Новосибирского района (январь). В первой половине года были «колхозизированы» совхозы «Заводской», «Морской», «Шиловский» Новосибирского, им. Дзержинского Карасукского, «Крутишинский» Черепановского районов, а также госплемптицезавод «Новосибирский». В декабре 1991 года соответствующим образом был преобразован совхоз «Толмачевский» Новосибирского района¹⁰.

В 1991 году колхозно-совхозная система Новосибирской области в целом оставалась в прежних параметрах. Новые формы хозяйствования и землепользования находились в зачаточном состоянии. Существенный прогресс наблюдался в развитии личных подсобных хозяйств, которые, по сути дела, для аграрного строя страны последних десятилетий чем-то принципиально новым не являлись.

Ускорение реорганизации колхозов и совхозов

Сторонники радикальных рыночных преобразований во главе с президентом страны посчитали темпы аграрного реформирования недостаточно высокими. 27 декабря 1991 года Б.Н. Ельцин подписал указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»¹¹, в соответствии с которым колхозы и совхозы должны были в течение 1992 года предоставить своим работникам, изъявившим желание стать фермерами, причитающиеся земельные доли и имущественные паи (в натуре), а также, используя землю на праве бессрочного пользования, перейти к частной, коллективно-долевой и другим видам собственности.

Детали проведения этих мероприятий были уточнены рядом законодательных актов, опубликованных в течение 1992 г. Предлагались три пути преобразования колхозов и совхозов: 1) раздел хозяйства на КФХ и малые предприятия с последующим их добро-

---

Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakonu/183128/> (дата обращения: 08.09.2019).

10. Отделы архивной службы администрации Новосибирского, Карасукского и Черепановского районов // Путеводитель по фондам отделов архивной службы муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. URL: <http://archives.nso.ru/page/1320> (дата обращения: 08.09.2019).

11. Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/2107005/> (дата обращения: 08.09.2019).

вольным объединением в ассоциацию или кооперативы; 2) создание акционерного общества открытого или закрытого типов (АООТ, АОЗТ); 3) организация сельскохозяйственного производственно-го кооператива. Хозяйства могли быть разукрупнены, и трудовому коллективу каждой из выделившихся частей предоставлялось право выбора своей схемы преобразования. Принцип добровольности не распространялся на колхозы и совхозы, объявленные банкротами. Хозяйства, причисленные к этой категории, подлежали обязательной реорганизации в особом порядке¹².

В марте 1992 года заместить главы администрации Новосибирской области, начальник ее главного экономического управления В.Н. Киселев подписал распоряжение, в котором говорилось о необходимости скорейшего выполнения указа Президента РФ от 27 декабря 1991 года. В распоряжении подчеркивалось, что в большинстве районов области совхозы и колхозы игнорируют или затягивают работу по выделению имущественного и земельного паев работникам, изъявившим желание создать КФХ. Фермеры не получают причитающиеся им технику, скот, помещения, семена и т. д. Вместо этого администрация сельхозпредприятий предлагает единоличникам денежные средства и кредиты, а материальные фонды, включая списанные сельхозмашины, «реализует на сторону». Распоряжение напомнило главам районных администраций о том, что указ Президента РФ обязывает их обеспечить постоянный контроль над реализацией прав крестьян на беспрепятственный выход из совхозов и колхозов для создания КФХ. Особое внимание следовало обращать на выделение в течение одного месяца со дня подачи заявления основных фондов и оборотных средств в счет имущественного пая. При этом администрации районов должны были информировать вышестоящие органы о результатах данной работы два раза в месяц (1-го и 16-го числа)¹³.

Для конкретизации причин низких темпов фермеризации в июле 1992 года сотрудники Управления статистики Новосибирской области провели сплошное анкетирование владельцев КФХ. Основным барьерами на пути фермерского движения, по мнению респондентов, являлись: высокие цены на машины и строительные материалы (90% опрошенных); отсутствие специальной техники, семян, удобрений (80%); слабая правовая защищенность фермеров и трудности с получением кредитов (50%); неуверенность в долговременном характере аграрных процессов (54%); негативное отношение к фермерскому движению со стороны руководителей колхозов и совхозов (30%) и сельского населения (15%)¹⁴. Таким образом,

12. Рекомендации Минсельхоза РФ от 14 января 1992 г. по реорганизации колхозов и совхозов // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/zkrf/58140> (дата обращения: 08.09.2019).

13. Бери свой пай // Советская Сибирь. 1992. 1 апр.

14. Фермерство глазами фермера // Советская Сибирь. 1992. 29 сент.

антифермерские настроения руководителей хозяйств были далеко не главной причиной медленного хода реформы.

Фермерскому движению руководители сельхозпредприятий, действительно, были не рады. Так, 29 апреля 1992 года «Советская Сибирь» опубликовала открытое письмо к администрации Новосибирской области, подписанное директорами ряда совхозов Доволенского района. В нем говорилось о том, что властям региона не стоит поддерживать мелкие хозяйства, так как себестоимость их продукции слишком высокая. Обустройство фермеров приведет к разорению действующих поставщиков сельхозпродукции. «Кто же будет кормить страну, пока фермеры как-то станут на ноги? Обществу этого не перенесет. Вновь речь пойдет о принудительной коллективизации и принудительном изъятии продовольствия. Зачем возвращаться к старым ошибкам?»¹⁵.

В реорганизации колхозов и совхозов крестьяне не видели большого смысла. По данным социологического опроса, проведенного в мае 1992 года под эгидой Совета по экономической реформе Новосибирского облсовета, на вопрос «Поддерживаете ли вы правительственный курс на ликвидацию колхозов и совхозов?» почти 74% опрошенных ответили: «Нет, не поддерживаю». «За» высказались только 14% информантов, 10% не нашли что сказать, а 2% — отказались от ответа. Наибольшую поддержку реформе оказали рядовые труженики колхозов и совхозов (почти 20%), наименьшую — пенсионеры и работники нехозяйственной сферы. Роста сельхозпроизводства после реорганизации колхозов и совхозов ожидали 9% опрошенных, падения — 50%. 40% респондентов предсказали результат реформы не рискнули¹⁶.

Число КФХ в области тем не менее увеличивалось. Рост его продолжался до 1994 года включительно. В последующие годы количество единоличных хозяйств сократилось. При этом общая площадь всех КФХ оставалась примерно на одном уровне, но средний размер надела повышался (см. табл. 1).

Крестьянско-фермерские хозяйства объединялись в ассоциации, агрофирмы, межфермерские предприятия, кооперативы, которые не были тесно связаны со структурой прежних колхозов и совхозов. В 1994 году в Новосибирской области действовало более 40 разного рода союзов, объединявших от 3 до 40 КФХ. Одной из крупнейших организаций являлась ассоциация КФХ «Барабинка» Коченевского района, состоящая из 36 хозяйств. Ассоциация «Сириус» Тогучинского района собрала под свою «крышу» 18 фермерских предприятий¹⁷.

Важнейшей задачей государства должно было стать создание системы обучения фермерскому делу. Власти области сделали ряд шагов в данном направлении. В первой половине 1993 года

15. Открытое письмо руководителей хозяйств Доволенского района // Советская Сибирь. 1992. 29 апр.

16. Результаты социологического опроса // Советская Сибирь. 1992. 18 июня.

17. Количество растет, а качество? // Советская Сибирь. 1994. 4 февр.

на базе опытно-производственного хозяйства «Северо-Кулундинское» СО РАСХН (Баганский район) и аграрного колледжа «Новосибирский» (Новосибирский район) были организованы фермерские курсы¹⁸. Хотя, конечно, работа двух сельскохозяйственных школ не могла решить все вопросы профессиональной подготовки индивидуальных сельхозтоваропроизводителей.

В развитии фермерского движения определенную роль сыграла деятельность иностранных организаций. В 1990-е годы в Новосибирской области работали эксперты TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, Техническая помощь Содружеству Независимых Государств) — программы Европейского союза по содействию ускорению экономических реформ в СНГ. Они консультировали сельских предпринимателей и представителей власти по вопросам профессиональной подготовки фермеров, внедрения новых технологий и правовых норм для агробизнеса, выделяли на это гранты. В 1997 году в Черепановском районе при помощи специалистов TACIS была создана маркетинговая группа производителей из 42 фермерских хозяйств¹⁹.

Ускорялась работа по организационно-правовой реорганизации сельхозпредприятий. В 1992 году в различные виды коммерческих организаций перешли 295 колхозов и совхозов области, то есть примерно 70% от их общего числа. Большая часть хозяйств (195) завершила оформление соответствующих документов в декабре 1992 года. В 1993 году перерегистрацию окончили еще 107 сельхозпредприятий области²⁰.

По первому из трех предложенных путей реорганизации — раздел хозяйства на КФХ и малые предприятия с последующим их добровольным объединением в ассоциацию или кооперативы — пошло сравнительно небольшое количество колхозов и совхозов. Одним из первых на фермерские хозяйства распался колхоз «Пламя» Сузунского района (август 1991). Вышедшие из него крестьяне объединились в одноименную ассоциацию КФХ. Правда, просуществовала организация недолго. В июне 1993 года она была преобразована в АОЗТ «Пламя». В 1992 году на базе совхоза «Шарапский» Ордынского и колхоза «60 лет Октября» Тогучинского районов были созданы ассоциации КФХ «Шарапская» и «Льниха» соответственно. В 1998 и 2001 годах они преобразовались в ОАО²¹.

18. Учеба фермеров // Советская Сибирь. 1993. 6 апр.; Урок для фермеров // Советская Сибирь. 1993. 16 апр.

19. Фермерская мельница // Советская Сибирь. 1997. 14 нояб.

20. Подсчитано по: Путеводитель по фондам отделов архивной службы муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. URL: <http://archives.nso.ru/page/1320> (дата обращения: 08.09.2019).

21. Отделы архивной службы администрации Сузунского и Ордынского районов // Путеводитель по фондам отделов архивной службы муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. URL: <http://archives.nso.ru/page/1320> (дата обращения: 08.09.2019).

Акционерными обществами стало большинство колхозов и совхозов Новосибирской области. В 2000 году из 585 сельскохозяйственных организаций АО являлись 414, или 70%. Большая их часть — акционерные общества закрытого типа (398; 68%). Второе место по численности занимали сельскохозяйственные производственные кооперативы (СХПК) (39; 6,7%) и колхозы (38; 6,5%), третье — государственные предприятия (27; 4,6%). На четвертом месте оказались совхозы (19; 3,3%). В частном секторе экономики находилось 89 всех хозяйств²².

Предприятия, которые предпочли остаться в статусе колхозов, действовали по уставу, максимально приближенному к уставу СХПК. Сохранившиеся совхозы функционировали по уставным документам, соответствовавшим одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, то есть являлись либо акционерными обществами, либо товариществами, либо государственными или муниципальными унитарными предприятиями.

Таким образом, в 1992–1993 годах в Новосибирской области была сформирована сеть крупных коммерческих организаций. Больше стало крестьянско-фермерских хозяйств, по форме созданная на базе колхозов и совхозов новая организационно-хозяйственная система отвечала стандартам рыночной экономики. Но соответствовала ли форма содержанию?

Реалии функционирования новой системы хозяйств

Появившиеся в первой половине 1990-х годов акционерные общества, кооперативы, товарищества мало чем отличались от советских колхозов и совхозов. Вновь учрежденные хозяйства вряд ли можно было считать организациями, способными вести эффективную деятельность в условиях рынка. Об этом неоднократно говорили областные власти. Так, 17 марта 1994 года на XXI сессии Новосибирского областного совета депутатов глава администрации региона И.И. Индинок заявил: «Вы знаете, что сегодня у нас большинство колхозов и совхозов превратились в акционерные общества <...>. И сколько бы вопросов мы ни задавали некоторым членам акционерных обществ: “Что изменилось? <...>”, я, например, лично, ответа <...> не услышал. Все эти преобразования прошли формальнейшим образом, ничего не изменилось ни в отношении трудящегося, ни в отношении внутривладельческих отношений» (Советы депутатов, 1997: 533). Жестко по поводу результатов реформы Индинок высказался в апреле 1994 года во время выездного заседания коллегии облминистрации в Чулыме: «Закрылись

22. Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 40.

эти общества — АОЗТ — и спят». Журналист «Советской Сибири», комментируя данные высказывания, заметил, что, действительно, смена вывесок, то есть статуса и названий хозяйств, панацеей не стала. Бывшие колхозы и совхозы ушли в «глухую оборону», живут, как в блокаде, то есть пускают в расход старые запасы, которых часто не хватает, чтобы закрыть «нолики», появляющиеся на банковских счетах²³.

Финансово-экономические показатели деятельности акционерных обществ не могли быть высокими. Предприятия функционировали в крайне неблагоприятных условиях. Либерализация цен 2 января 1992 года привела к резкому повышению расценок на материально-технические и энергетические ресурсы, при этом стоимость сельхозпродукции увеличилась не столь существенно. В 1992 году в Новосибирской области цены на горюче-смазочные материалы выросли в 20 раз, на автомобили — в 12, на минеральные удобрения — в 7, а на растениеводческую и животноводческую продукцию — только в 8 и 6 раз соответственно²⁴. Сбывать ее по установленной заготовителями сравнительно низкой цене было невыгодно. Хозяйства накапливали сырье для его самостоятельной переработки и продажи готовых изделий на рынке по собственным расценкам. Для этого они обзаводились маломерными элеваторами, мельницами, пекарнями, молокозаводами, колбасными и сырными цехами, магазинами. На создание перерабатывающих мощностей расходовались значительные финансовые, технические и людские ресурсы. Существенные производственные мощности были переданы фермерам. Колхозы и совхозы Ордынского района отдали им 11% пашни, что привело к сокращению посевных площадей и поголовья скота, объемов производства сельхозпродукции и рабочих мест²⁵.

При этом на крупных хозяйствах (крупхозах) держалось производство большинства видов сельхозпродукции. В Новосибирской области в 1990-е годы в распоряжении сельхозпредприятий находилось более 90% всех посевов, включая площади под зерновыми, техническими и кормовыми культурами, более 70% голов крупного рогатого скота, более половины свиней, треть общей численности овец и коз. В 1995 году в структуре валовой продукции растениеводства и животноводства крупхозы занимали 58 и 59% соответственно. Сельхозпредприятия лидировали и в товарном производстве. В 1995 г. их доля в общем объеме зерна, поставленного

С.Н. Андреевков
Реформирование
системы хозяйств
и землепользова-
ния в 1990-е гг.
в Новосибирской
области

23. Общество закрытого типа? Заметки с выездной коллегии областной администрации // Советская Сибирь. 1994. 7 апр.

24. Экономическое и социальное положение Новосибирской области в 1992 г. // Советская Сибирь. 1993. 3 февр.

25. О некоторых итогах проведения земельной реформы и реорганизации колхозов и совхозов в Ордынском районе Новосибирской области. Решение малого совета // Советская Сибирь. 1992. 18 июня.

потребителям, составила 93%, овощей — 93, скота и птицы — 79, молока — 95, яиц — 90%²⁶.

Объемы производства сельхозпродукции в крупхозах снизились. В Новосибирской области снижению продуктивности зернового хозяйства способствовали деградация семенного фонда и машинной базы предприятий, дефицита средств агрохимии. Антикризисные меры федеральных и в большей степени областных властей дали результат только в начале 2000-х годов. Показатели последней советской пятилетки удалось превзойти только по сборам пшеницы и то ненадолго. В постсоветский период крупхозы стали производить больше овощей, льна-долгунца, семян подсолнечника. А кормовых культур — меньше. В упадок пришло животноводство. Падение производства говядины, баранины, молока имело катастрофические масштабы, остановить его не удалось. Лучше обстояли дела в птицеводстве и свиноводстве. Выпуск яиц пошел в рост уже во второй половине 1990-х годов, мяса птицы — в первой половине 2000-х годов.

Существенную роль в аграрной экономике играли личные подсобные хозяйства населения. В 1990-е годы в Новосибирской области в них было сосредоточено свыше 90% посадок картофеля и овощей. В 1995 году на ЛПХ приходилось 26% голов крупного рогатого скота, 41% свиней, 65% овец и коз. Подсобные хозяйства населения произвели в этом году 39% растениеводческой и 40% животноводческой продукции²⁷.

Развитию садово-огородных обществ мешал ряд барьеров. О них, в частности, сообщает открытое письмо делегатов VII конференции садоводов Новосибирской области к руководству региона, опубликованное в «Советской Сибири» 1 апреля 1997 года. Согласно документу, местные власти принуждают садоводов платить различные налоги, пени, вести всевозможные формы отчетности, хотя дачные товарищества не являются коммерческими организациями и не получают никакого дохода. Особой угрозой для развития садоводства и огородничества является высокая стоимость проезда на электропоездах. Так, цена билет «туда–обратно» в VII зону с 1994 по 1996 год возросла в 16 раз, в то время как средний доход жителей Новосибирска за этот период увеличился не более чем в 5 раз. Растет число заброшенных дач. В садоводческих товариществах, расположенных вдоль железной дороги западного направления, в 1996 году не обрабатывалось 18% участков²⁸.

26. Рассчитано по: Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9, 11, 14, 22–23, 27.

27. Рассчитано по: Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9, 11, 14, 22–23, 27.

28. Открытое письмо делегатов VII конференции садоводов Новосибирской области // Советская Сибирь. 1997. 1 апр.

Областные власти делали ставку на развитие ЛПХ сельского населения. Предпринимались меры по повышению их доходности и вовлечению в товарное приусадебное производство все большего количества безработных селян. В 1994 году деятельность в рамках ЛПХ была признана общественно полезным трудом со всеми вытекающими социальными последствиями (заведение трудовой книжки, предоставление пенсии и т. д.). Предприятия пищевой промышленности были призваны закупать у ЛПХ мясо и молоко²⁹.

Удельный вес крестьянско-фермерских хозяйств в сельхозпроизводстве был минимальным. В 1990-е годы в Новосибирской области их доля в общей посевной площади не превышала 6%, в посевах зерновых культур — 8, картофеля, овощей и кормовых — 2, технических — 7%. Значения других указанных выше относительных показателей колебались в пределах 2%³⁰.

Половина КФХ находилась на территории районов, расположенных возле Новосибирска (Колыванский, Коченевский, Искитимский, Ордынский, Сузунский). В первой половине 1990-х годов на одно КФХ приходилось по 2,8 чел. Единоличные хозяйства создавали по большей части люди, связанные родственными узами. Привлечение сторонних лиц к сельхозработам широкого распространения не получило. Среди владельцев фермерских участков было много горожан, которые не имели ни техники, ни семян, ни дома, ни опыта работы на земле. Основным мотивом обзаведения собственным хозяйством являлось ухудшение продовольственного снабжения. В связи с этим КФХ замыкались на свои внутренние интересы и отличались невысокой товарностью³¹. Согласно данным социопроса, проводившегося в мае 1992 года в деревнях Ордынского района, самостоятельно реализовывать продукцию на рынке собирались только 7,8% опрошенных фермеров, еще 2,5% хотели поставлять ее государству, но большинство — 84% — намеревались производить сельхозпродукты прежде всего для себя. Мало кто помышлял о других способах использования участка. Сдать свою землю в аренду были намерены 17% респондентов, войти с ней в акционерное общество или кооператив — 37%. О продаже надела думали только 4,2% опрошенных, большая их часть — руководящие работники хозяйств. Средства, полученные в кредит, нередко использовались фермерами не по назначению — на скупку и перепродажу недвижимости, техники, промышленных товаров и винно-водочных изделий³².

Во второй половине 1990-х годов в крестьянско-фермерском секторе аграрной экономики Новосибирской области наблюдатели

29. Новый сектор сельской экономики // Советская Сибирь. 1994. 11 авг.

30. Рассчитано по: Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9, 11, 14, 22–23, 27.

31. ГАНУ. Р-11. Оп. 13. Д. 245. Л. 2, 6.

32. Результаты социологического опроса // Советская Сибирь. 1992. 18 июня.

фикси́ровали некоторые позитивные изменения, в частности, исчезновение предрассудков к единоличникам со стороны селян и руководителей всех уровней, а также отток из фермерского движения тех, кто оказался в нем случайно, в первую очередь большинства горожан. Кроме того, сельские пенсионеры и учителя стали сдавать свои земельные паи в аренду фермерам, получая взамен зерно, сено, дрова и т. п. в больших объемах, как если бы эти паи отдавались акционерным обществам. Основные проблемы развития КФХ были связаны со сбытом продукции по наилучшей цене и получением кредитов под будущий урожай и под приемлемый процент³³.

Позитивные результаты дала реализация закона «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в Новосибирской области» (июль 1998 г.). Мерами поддержки КФХ являлись: выделение средств семьям, переселившимся в сельскую местность для образования КФХ; установление для крестьянских хозяйств налоговых льгот; содействие в создании кооперативов и обеспечении материально-техническими средствами; предоставление в аренду земель из фонда перераспределения; и др.³⁴

Доля личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств в посевных площадях картофеля и овощей, поголовье крупного рогатого скота увеличивалась, а крупхозов сокращалась. За 1995–2000 годы удельный вес КФХ и ЛПХ вырос, соответственно, с 92 до 97% и с 27 до 33%. Объемы поставок потребителям картофеля прибавились с 83 до 98%, овощей — с 6,4 до 51, молока — с 4,8 до 17%³⁵.

Выводы

Таким образом, в Новосибирской области становление в аграрном секторе экономики многоукладности и рыночных отношений проходило болезненно, имело существенные социально-экономические издержки. Земельная реформа, призванная сформировать разнообразные формы хозяйств и землепользования, натолкнулась в регионе на сопротивление части руководителей колхозов и совхозов. Добиться реальных сдвигов в осуществлении аграрных преобразований удалось во многом благодаря административному давлению Центра. Предложения властей получить от колхозов и совхозов участок для создания или расширения личного подсобного хозяйства были восприняты гражданами с большим энтузиазмом,

33. О желаемом и действительном // Советская Сибирь. 1997. 22 авг.

34. Закон Новосибирской области от 21 июля 1999 г. «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в Новосибирской области» // Советская Сибирь. 1999. 3 авг.

35. Рассчитано по: Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9, 11, 14, 22–23, 27.

чем призывы стать фермерами. В начале 1990-х годов основания для эффективного ведения индивидуального товарного сельхозпроизводства созданы не были. Селяне по большей части предпочли остаться членами крупных сельскохозяйственных организаций.

Сельхозпредприятия Новосибирской области понесли существенные потери. Их материальная и кадровая база ощутимо сократилась. В условиях стремительного роста расценок на технические ресурсы и сравнительно низких закупочных цен производить продукцию на рынок крупхозам было невыгодно. И тем не менее сельские акционерные общества, кооперативы, колхозы и совхозы оставались ее главными поставщиками потребителям.

Во второй половине 1990-х годов в сельском хозяйстве Новосибирской области стали проявляться тенденции к стабилизации, что во многом являлось результатом реализации антикризисных мер региональных властей. Новая многоукладная организационно-хозяйственная система аграрного сектора экономики стала эволюционировать в сторону увеличения удельного веса индивидуальных хозяйств.

Библиография

- Казьмин М.А. (2016). Трансформация сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ // Региональные исследования. № 2 (52). С. 103–112.
- Логунова И.В. (2011). Деревня Центрального Черноземья в условиях аграрного реформирования 90-х гг. XX столетия. Липецк.
- Наухацкий В.В. (2017). Приоритеты аграрной политики 1965–2015 гг.: сравнительно-исторический анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 1 (92). С. 91–95.
- Никитин А.В. (2006). Развитие сельскохозяйственных предприятий в 1990–2000 гг. // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 12. № 3–2. С. 818–832.
- Никонова Г.Н. (2000). Эволюция и реформирование земельных отношений в России. СПб.
- Медведева Т.Н., Артамонова И.А. (2017). Аграрные преобразования в России, регулирующие землепользование // Теория и практика мировой науки. № 10. С. 29–32.
- Организационно-экономические основы системы ведения АПК Новосибирской области (1998). Новосибирск.
- Серогодский Н.А. (2015). Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 — начало 2000-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 182–184.
- Советы депутатов Новосибирской области (1997). 1937–1997 годы: сб. док./отв. ред. А.П. Сычев, И.М. Савицкий; сост. В.М. Арбатский, С.К. Бойко, А.Г. Даценко и др. Новосибирск.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015) Механизмы и результаты аграрной реформы в постсоветской России. М.: Издат. дом «Дело», 2015. — 352 с.
- Фадеева О.П. (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН.
- Эльдиева Т.М. (2011). Системные проблемы аграрного реформирования в России // Экономика сельского хозяйства России. № 7. С. 75–86.

Sergey N. Andreenkov, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Akademika Nikolaeva St., 8. E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru.

The article considers the features of reorganization of agricultural enterprises and land use system in the Novosibirsk Region in the 1990s. This reform was the main direction of the agrarian transformations in the 1990s. The author identifies the logic and consequences of the collective and state farms transformation into various forms of commercial enterprises (joint-stock companies, cooperatives, peasant farms and their associations) and features of the land redistribution. At the first stage of the reform (1991), the collective and state farm system of the Novosibirsk Region did not change, new forms of farms and land use just started to develop, and the size of subsidiary plots significantly increased. At the second stage of the reform (1992–1993), the reorganization of collective and state farms accelerated, a network of large commercial enterprises developed, and the number of peasant farms increased. However, the new organizational-economic system met the market economy standards only formally. The new agricultural joint-stock companies and cooperatives did not differ much from their predecessors — collective and state farms. Large farms remained the main supplier of agricultural products on the market although they worked in extremely unfavorable conditions. Nevertheless, the role of small economies represented by peasant farms also increased.

Keywords: land reform, collective farms, state farms, agriculture, land use, Novosibirsk Region.

References

- Kazmin M.A. (2016) Transformatsiya selskokhozyaistvennogo zemlepolzovaniya v regionakh Rossii v khode sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh reform [Transformation of agricultural land use in the Russian regions under the contemporary social-economic reforms]. *Regionalnye issledovaniya*, no 2, pp. 103–112 (In Russ.).
- Logunova I.V. (2011) *Derevnya Tsentralnogo Chernozemya v usloviyakh agrarnogo reformirovaniya 90-kh gg. XX stoletiya* [The Village of the Central Black Earth Region under the Agrarian Reforms of the 1990s], Lipetsk (In Russ.).
- Naukhatsky V.V. (2017) Prioritety agrarnoi politiki 1965–2015 gg.: sravnitelno-istoricheskiy analiz [Priorities of the agrarian policy in 1965–2015: A comparative-historical analysis]. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, vol. 2, no 1, pp. 91–95 (In Russ.).
- Nikitin A.V. (2006) Razvitiye selskokhozyaistvennykh predpriyatiy v 1990–2000 gg. [Development of agricultural enterprises in 1990–2000]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 12, no 3–2, pp. 818–832 (In Russ.).
- Nikonova G.N. (2000) *Evolutsiya i reformirovanie zemelnykh otnosheniy v Rossii* [Evolution and Reform of Land Relations in Russia], Saint Petersburg (In Russ.).
- Medvedeva T.N., Artamonova I.A. (2017) Agrarnye preobrazovaniya v Rossii, reguliruyushchie zemlepolzovanie [Agrarian reforms in Russia regulating the land use]. *Teoriya i praktika mirovoy nauki*, no 10, pp. 29–32 (In Russ.).
- Organizatsionno-ekonomicheskie osnovy sistemy vedeniya APK Novosibirskoi oblasti (1998)* [Organizational-Economic Foundations of the Agro-Industrial Complex in the Novosibirsk Region], Novosibirsk (In Russ.).
- Serogodsky N.A. (2015) Zemelnaya reforma i ee realizatsiya na Kubani (1991 — nachalo 2000-kh gg.) [Land reform and its implementation in Kuban (1991 — the early 2000s)]. *Is-*

toricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvo-
denie. Voprosy teorii i praktiki, Tambov, no 1, part I, pp. 182–184 (In Russ.).

Sovety deputatov Novosibirskoi oblasti. 1937–1997 gody (1997) [Councils of Deputies of the
Novosibirsk Region. 1937-1997] / Otv. red. A.P. Sychev, I.M. Savitsky; sost. V.M. Arbat-
sky, S.K. Boiko, A.G. Datsenko i dr., Novosibirsk (In Russ.).

Uzun V.Ya., Shagaida N.I. (2015) *Mekhanizmy i rezultaty agrarnoy reformy v postsovetskoy Rossii*
[Mechanisms and Results of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia], Moscow (In Russ.).

Fadeeva O.P. (2015) *Selskie soobshchestva i khozyaistvennye układy: ot vy-zhivaniya k razvi-*
tiyu [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development],
Novosibirsk (In Russ.).

Eldieva T.M. (2011) Sistemnye problemy agrarnogo reformirovaniya v Rossii [System prob-
lems of the Russian agrarian reforms]. *Ekonomika selskogo khozyaistva Rossii*,
no 7, pp. 75–86 (In Russ.).

С.Н. Андреевков
Реформирование
системы хозяйств
и землепользова-
ния в 1990-е гг.
в Новосибирской
области

Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва)

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

В статье рассматриваются особенности современного сельского развития этнического региона Российской Федерации на примере Республика Тыва. В 2017 году, по данным официальной статистики, этот регион был назван беднейшим по доле сельского населения, живущей за чертой бедности. Эта ситуация сложилась из-за целого ряда факторов, углубляющих депрессивность Тувы: периферийность и удаленность от экономических центров, стагнация и невозможность ревитализации промышленного комплекса, разрушение сельскохозяйственного сектора, высокая доля теневой экономики и прочее. Причиной стагнации экономики следует считать аграрный путь Тувы, избранный региональной элитой. Он проявляется в поддержании мелкого архаичного сельскохозяйственного производства как этнического вида деятельности тувинцев.

В статье описаны векторы современного развития сельской местности Республики Тыва, ее экономическая и этносоциальная специфика, а также изменения, связанные с притоком в региональную экономику значительных трансфертов из федерального бюджета. В настоящее время наблюдается пространственная поляризация территории, сельская депопуляция охватывает депрессивные аграрные районы региона, а основными центрами стягивания населения остаются города, в первую очередь Кызыл.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельское расселение, этнический регион, миграции, пространственная мобильность, Республика Тыва

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95

На пороге XXI века развитые мировые державы совершили демографический переход в фазу демографической стагнации и сокращения сельского населения. Постиндустриальное общество выбрало альтернативный аграрному и индустриальному путь развития, концентрируясь на расширении сектора сферы услуг. Но развивающиеся страны не могут догнать по темпам развития постиндустриальные государства, подтверждая гипотезу Эрика Райнерта, изложенную им в книге «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными» (Райнерт, 2017).

Наращение продовольственного кризиса и уточнение академическим сообществом пределов роста человечества заставляют задумываться о перспективах распространенной сегодня культуры потребления и появившихся в конце XX века глобальных экологических проблемах (разрушение озонового слоя, таяние многолетней мерзлоты, повышение уровня Мирового океана и пр.). В свете этих угроз всплывает тема экологизации промышленного и аграрного производства с целью снижения антропогенной нагрузки на биосферу.

Россия в этом контексте относится к высшей границе развивающихся стран по уровню развития общественных институтов и экономики. Постепенное завершение демографического перехода и сворачивание неэффективного сельскохозяйственного производства в Нечерноземье встраивают российское общество в глобальные процессы, которых удавалось избегать продолжительное время благодаря советскому индустриально-аграрному подходу. Но масштабы России и ее неоднородность не позволяют говорить о ней однозначно. Нечерноземные регионы активно высвобождаются от избыточной населенности сельских территорий, а регионы Северного Кавказа, напротив, страдают от аграрного перенаселения. И дистанция отставания бедных от развитых регионов лишь увеличивается. Проблемы отстающих регионов стоят на повестке дня Правительства РФ и лично курируются руководителями министерств.

Однако экономическое отставание аграрных регионов не единственная проблема. Стагнация и депопуляция российских сельских территорий возведена в ранг национальной катастрофы — в мае 2019 года была принята государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», направленная на улучшение условий жизни и развитие инфраструктуры сельских территорий, переживающих социально-экономический кризис. После 1991 года сельские территории «осиротели» вследствие разрушения каркаса хозяйственного комплекса деревни — коллективных хозяйств. Резкий рост безработицы и снижение уровня благосостояния привели к оттоку населения из депрессивной сельской местности. Особенно остро проблема депопуляции ощущалась в регионах неплодородной средней полосы России. Современное сельское население страны также переживает трансформацию: его численность, накопившаяся в российской деревне к началу 1990-х годов, все еще неэффективно велика, поэтому продолжается отток жителей из сельской местности.

Однако воспринимать эту депопуляцию лишь как отрицательное явление нельзя, она имеет и положительные эффекты. К ним можно отнести: снижение аграрного перенаселения российских регионов, ликвидацию неэффективных сельскохозяйственных предприятий и вывод неплодородных земель из сельскохозяйственного оборота, стихийное формирование качественного состава населения сельской местности и пр.

Т.Ю. Гусаков
Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва)

Попытки административного сдерживания депопуляции не приносят желаемого результата из-за отсутствия сбалансированной стратегии поддержания сельскохозяйственных производителей, отчасти поэтому попытки трансформации громоздких коллективных хозяйств в конъюнктурно гибкие фермерские изначально не увенчались успехом. Но постепенно объем сельскохозяйственной продукции, произведенной крестьянскими фермерскими хозяйствами в России, возрастает. Так, по итогам 2017 года он составил около 30 % от совокупной сельскохозяйственной продукции (Регионы..., 2018: 706).

Проблемы сельских территорий в регионах России разнятся, однако в исследованиях ученых, как правило, рассматриваются тренды, распространенные в европейской части России, в то время как эта проблематика более актуальна для регионов, где еще есть перспективы аграрного развития. К их числу относятся национальные республики Северного Кавказа, Поволжья, северные регионы Сибири и Дальнего Востока. Какие-то из них более урбанизированы и дальше отошли от аграрного пути, какие-то более традиционны и до сих пор ориентированы на развитие сельскохозяйственной сферы. В данной статье речь пойдет об особенностях сельского развития традиционных аграрных областей, сохранивших сельскохозяйственную специализацию с преобладавшим в недавнем прошлом преимущественно кочевым укладом жизни. К ним относятся северные территории расселения малочисленных народов Крайнего Севера (Ненецкий автономный округ, автономные округа Тюменской области, север Красноярского края, Якутия, север Магаданской области, Хабаровского и Камчатского края, Чукотский автономный округ и др.), Калмыкия, Бурятия, отдельные районы Забайкалья и Республика Тыва.

Картина жизни кочевников и их аграрного уклада в разных регионах существенно разнится. На уровень их развития не влияет размер поголовья скота, аграрный энтузиазм или предпринимательские способности жителей. Сегодня технологическое оснащение кочевников коррелирует с развитостью их национальных регионов проживания, поскольку от этого зависит объем помощи, которую им оказывает местное правительство. Малочисленные северные народы, проживающие на территориях с активной добычей полезных ископаемых, наиболее состоятельны и лучше интегрированы в научно-технический прогресс, широко используя его достижения в сельскохозяйственной деятельности (см.: Вопросы..., 2009). Напротив, калмыки, буряты и тувинцы лишены его благ из-за бедности регионов проживания и незначительности помощи коренному населению.

К числу таких регионов относится Республика Тыва (Тува), объявленная Правительством России самым бедным регионом, занимающая последнее место и по уровню бедности сельских жителей (Голикова..., 2019). Безусловно, это заявление Правительства

нельзя трактовать буквально, значение бедности в Туве преувеличено, поскольку не учитываются недеклалируемые доходы от развитой неформальной экономики и самозанятости сельских жителей.

С 2015 года в Туве реализуется ряд проектов по поддержке сельскохозяйственной деятельности как одного из традиционных занятий коренного населения. Можно даже говорить об аграрной специализации региона как одном из векторов дальнейшего развития республики. С точки зрения продвижения глобального экологического тренда аграрную ориентацию Тувы можно рассматривать как вариант распространения экологических практик в среде сельского населения.

Под экологическими практиками в российской науке традиционно понимают современные инициативы, связанные с применением экоориентированных высокотехнологичных приемов в сельскохозяйственном производстве (например, применение капельного орошения). Но это не совсем верно, поскольку примитивное сельское хозяйство с большим количеством ручного труда в этнических аграрных районах России также экологично, ведь в сельскохозяйственной деятельности не применяются экологически опасные методы (использование пестицидов и антибиотических средств и пр.). Подобная экологическая среда сложилась в Республике Тыва и связана с индустриальным отставанием сельского хозяйства.

Теме сельскохозяйственной специфики и освоения, развития сельских территорий Республики Тыва посвящены работы многих исследователей. Впервые тувинское население подробно изучено геодезистом Е. Пестеревым во время экспедиции на Саяны в 1772–1781 годы, позже исследованиями Тувы также занимались А.М. Кастрен, Л. Шварц, П.Е. Островских, Ф. Кон, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.Н. Васильев, Д. Каррутерс, А. Беннигсен и другие ученые в рамках географических экспедиций в Урянхайский край (см.: Вайнштейн, 1961: 8–11).

Наиболее интересны работы по изучению социально-экономического развития советской Тувы А.Д. Бегзи, Е.Е. Тиниковой, Ч.Т. Кызыл-оола и А.О. Дыртык-оол (см.: Бегзи, 2017; Тиникова, 2018; Кызыл-оол, 1975; Дыртык-оол, 2017). Авторы проанализировали особенности сельскохозяйственного освоения региона в условиях директивной экономики советского государства с целью определения эффективных практик, которые возможно использовать сегодня. В трудах этнографов М.Г. Левина, Е.Д. Прокопьевой, С.И. Вайнштейна на основе многолетнего изучения субэтноса в 1950-х годах дается подробное описание хозяйственных, этнокультурных и прочих особенностей тувинцев-тодджинцев (см.: Левин, 1955; Прокопьева, 1954; Вайнштейн, 1961).

Наиболее полно изучен современный этап развития региона. Так, сельское хозяйство, сельские территории и особенности их трансформации в условиях рыночной экономики рассматриваются в работах З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной, С.П. Монгуш,

А.Ч. Кылдыгай, А.А. Нурзат, Ш.В. Хертек и других ученых (см.: Анайбан, 2014; Балакина, 2015; Монгуш, 2015; Нурзат, 2014; Хертек, 2017). Авторы акцентируют внимание на преодолении социально-экономических трудностей, с которыми столкнулась Тува после 1991 года: высокий уровень безработицы, стагнация сельскохозяйственного и промышленного производства, маргинализация населения, необходимость пересмотра архаичной специализации территорий.

Однако вопрос экологизации малого сельскохозяйственного производства недостаточно изучен из-за отсутствия его в повестке дня у руководства региона. Тренд архаизации, традиционализма и натурализации сельского хозяйства, который распространился в республике в последние десятилетия, не предполагает внедрения инновационных практик в сельской местности. Но экологический путь Тувы как раз и заключается в переходе к досоветским¹ кочевым формам сельскохозяйственной деятельности.

В основу статьи были положены материалы, полученные в полевых исследованиях в Каа-Хемском и Кызылском кожуунах (муниципальных районах) Республики Тыва в августе 2019 года. Нами была собрана социологическая (интервьюирования сельских жителей и местных чиновников) и статистическая информация.

Немного истории

Республика Тыва вошла в состав СССР лишь в 1944 году. До этого года существовала Танну-Тувинская Народная Республика — буферное государство между Советским Союзом и сферой влияния Японской империи в гоминьдановском Китае. Из-за относительно небольшого срока нахождения в составе России и географической удалённости от основных экономических центров здесь сформировался самобытный традиционалистский регион.

В XXI веке Республика Тыва остается слабо индустриализованным регионом с сельскохозяйственной специализацией. При этом большая часть производства сельскохозяйственной продукции приходится на хозяйства населения, а не на крупные и средние предприятия. В силу природно-климатических условий и традиционных устоев для всех районов Тувы характерен животноводческий тип хозяйствования.

---

1. Практически все населенные пункты современной Тувы были основаны русскими поселенцами (староверами, духоборцами, казаками), освоившими Урянхайский край в конце XIX — начале XX веков. Тувинское население состояло из кочевых аратских хозяйств и начало седентаризоваться лишь после образования Тувинской Народной Республики в 1921 году (см.: Нурзат, 2014).

После 1991 года на республику распространился общий кризис сельскохозяйственного производства, связанный с тотальным банкротством коллективных хозяйств, являвшихся каркасом аграрного региона. Попытки замены коллективных хозяйств фермерскими не были успешными из-за отсутствия энтузиазма у населения и непоследовательной административной поддержки. Это привело в 1990-е годы к резкому сокращению поголовья скота, забрасыванию сельскохозяйственных угодий, распаханых во время «целинной кампании» 1970-х годов, скачкообразному росту безработицы и миграции сельского населения в пригородные районы Кызыла и соседние регионы (Республика Хакасия, Красноярский край).

Сокращение численности населения в сельской местности и сворачивание сельскохозяйственного производства вызывало беспокойство у руководства бедного аграрного региона. Поэтому с начала 2000-х годов шел поиск мер по сдерживанию миграции и выводу сельского хозяйства из затяжного кризиса. Приоритетным направлением государственной поддержки сельских жителей было выбрано стимулирование самозанятости, в первую очередь на базе личных подсобных хозяйств (ЛПХ).

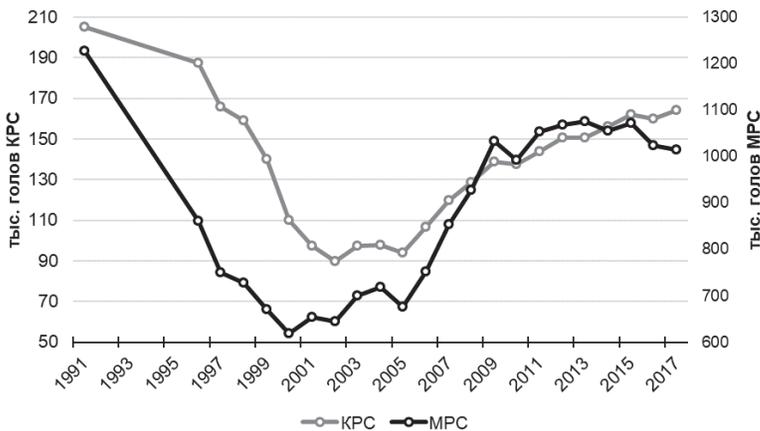

Рис. 1. Поголовье крупного и мелкого рогатого скота в Республике Тыва

Источники: Регионы, 2018: 698; Республика..., 2012: 39; Сельское..., 2003: 319

Исследователь С.П. Монгуш считает, что самозанятость скотоводов — наиболее эффективная форма сельскохозяйственной занятости населения в Туве (Монгуш, 2015: 2109–2122). В регионе сложились следующие условия, способствующие ее развитию: большой природно-ресурсный потенциал (пастбища, свободные территории для земледелия), деградация сферы социальных и бытовых услуг в сельской местности, неразвитость кооперации в торговле и материально-техническом снабжении населения.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Республика Тыва находится в зоне рискованного земледелия. Основные отрасли сельского хозяйства — растениеводство, птицеводство, однако ведущим направлением является мясомолочное скотоводство. В регионе с учетом степени использования производственного потенциала, разнообразия природных условий в большинстве районов сложилась четкая специализация сельскохозяйственного производства:

- в центрально-подтаежно-степной зоне — мясомолочное скотоводство, мясошерстное овцеводство, пригородное овощекартофельное производство, птицеводство (Пий-Хемский, Кызылский, Улуг-Хемский, Чеди-Хольский кожууны);
- в западно-степной зоне — мясное скотоводство, мясошерстное овцеводство, козоводство и яководство (Монгун-Тайгинский, Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Сут-Хольский, Дзун-Хемчикский, Чаа-Хольский, Овюрский кожууны);
- в южной зоне сухих степей — грубошерстное овцеводство, мясное скотоводство, козоводство и табунное коневодство (Эрзинский, Тес-Хемский, Тандинский кожууны);
- в восточной лесостепной зоне — мясомолочное скотоводство и оленеводство (Тоджинский, Тере-Хольский, Каа-Хемский кожууны).

Самыми аграрными районами региона являются западные и юго-восточные кожууны, а также Пий-Хемский кожуун, расположенный в пригородной зоне влияния Кызыла.

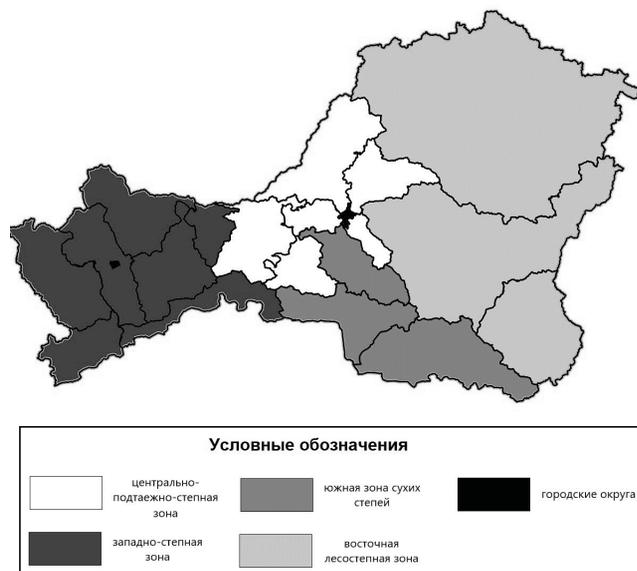

Рис. 2. Сельскохозяйственное районирование Республики Тыва

Источник: Стратегия..., 2018

До 1991 года на территории Тывы действовала система коллективных хозяйств, возникшая после 1921 года. Переход к социалистической модели в Тувинской народной республике способствовал отказу от традиционной кочевой системы хозяйствования (подробнее о процессе седентаризации см.: Харунова, 2011: 266–270). Сегодня в регионе наблюдается обратный процесс — номинадизация определенных слоев сельского населения, в первую очередь жителей, расположенных к ведению сельскохозяйственной деятельности.

Банкротство коллективных хозяйств и отсутствие альтернативных форм легальной занятости привело к повышению уровня безработицы и аграрному перенаселению сельской местности республики, что в свою очередь поспособствовало распространению различных вариаций самозанятости сельских жителей.

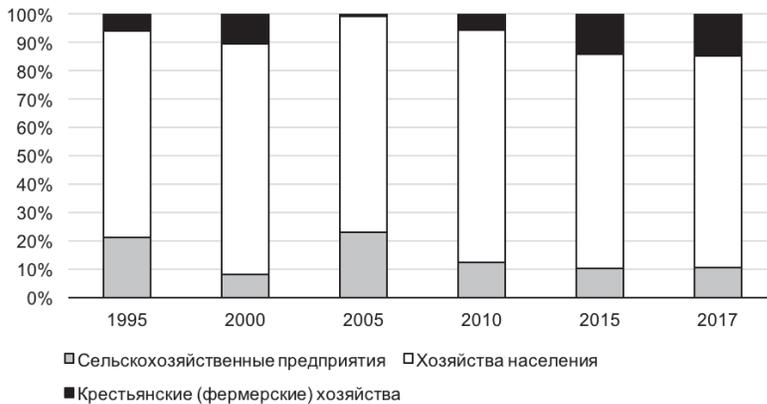

Рис. 3. Структура поголовья скота по категориям хозяйств Республики Тыва

Источники: Регионы, 2018: 707; Республика..., 2012: 39; Сельское..., 2003

Самозанятость в сельской местности проявилась в традиционной трудовой специализации населения — сельскохозяйственной деятельности, базирующейся на диверсификации личных подсобных хозяйств. Возрождение класса аратов — крестьян-скотоводов — происходило на всей территории региона в качестве оптимальной стратегии борьбы с бедностью. Таким образом, в настоящее время большую долю сельскохозяйственной продукции животноводства производят хозяйства населения (см. рис. 3). Попытки властей легализовать деятельность чабанов постепенно приводят к увеличению доли фермерских хозяйств в животноводческом производстве.

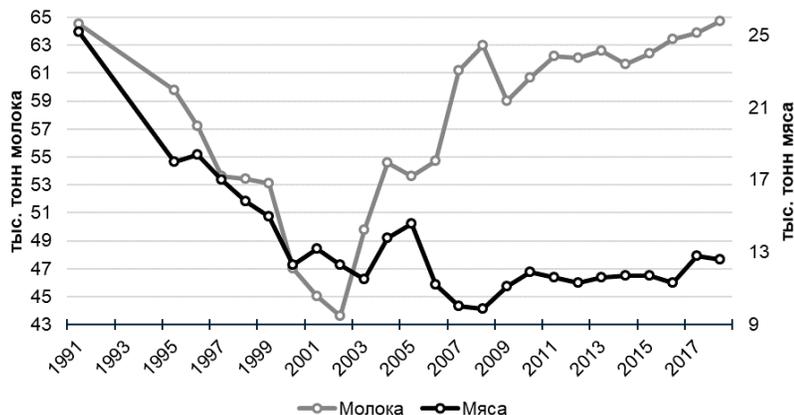

Рис. 4. Производство молока и мяса в Республике Тыва

Источники: Сельское..., 2003: 345–349; Регионы..., 2018: 712–714

Продажа сельскохозяйственной техники обанкротившимися коллективными хозяйствами «за Саяны» (в Красноярский край и Хакасию) привела к сокращению производства продукции растениеводства в 1990-е годы. Однако сегодня происходит возрождение данной отрасли на базе сельскохозяйственных предприятий, расположенных в кожуунах западно-степной зоны.

В этническом отношении население региона однородно: большинство составляют тувинцы, на втором месте этническая группа тувинцев-тоджинцев, компактно проживающих на территории Тоджинского кожууна, труднодоступного природного резервата, отличающегося суровым резкоконтинентальным климатом, разреженной системой расселения и инфраструктурой. Значительным этническим меньшинством являются русские, населяющие регион с конца XIX века.

Однородность этнического состава и абсолютное доминирование тувинцев обусловили специфику хозяйствования в сельской местности Тувы. В административно-территориальном отношении в регионе сформирована этническая система деления, единицей которого является сумон (аналог сельского поселения, распространенного в современной России). В состав сумона входят села, арбаны (мелкие населенные пункты, до 5 дворов), а также чабанские стоянки (кыштаги) — обособленные домовладения, расположенные «глубоко в степи» на значительном удалении друг от друга, а также от объектов инфраструктуры (дорог, линий электропередач и прочих коммуникаций).

Административные инструменты развития

В 1990-е годы после отказа от плановой экономики промышленный сектор, созданный в советский период, несмотря на феде-

ральные трансферты, выделяемые на его поддержание, постепенно деградировал и перешел в состояние стагнации, поэтому региональная элита сделала упор на развитие традиционной сельскохозяйственной сферы. Но резкое падение сельскохозяйственного производства в 1990-е годы требовало от руководства региона принятия неотложных мер по поддержанию мелких сельскохозяйственных производителей, вырабатывающих более 80 % продукции животноводства. Были реализованы следующие проекты: «Кыштаг для молодой семьи», «Утварь для оленеводческой семьи», «Марал-Тува», «Тыва аът», «Корова-кормилица», «Начинающий фермер», «Семейный фермер», направленные на увеличение численности сельского населения, вовлеченного в сельскохозяйственное производство.

Наиболее значительным является губернаторский антикризисный проект «Кыштаг для молодой семьи», запущенный в 2015 году. Он предполагает расширение численности сельскохозяйственных производителей путем создания новых чабанских стоянок и увеличения поголовья скота в регионе. Участникам проекта оказывается финансовая помощь при строительстве жилых и подсобных помещений стоянки, выделение земельных наделов, предоставляется поголовье мелкого рогатого скота в количестве 200 штук, которое через год необходимо передать следующим участникам проекта, оставив себе приплод. На 2019 год в проекте приняли участие более 400 тувинцев.

Пилотный проект Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Тыва «Утварь для оленеводческой семьи» направлен на сохранение популяции домашних оленей субэтнической группе тувинцев-тоджинцев (коренного малочисленного народа Сибири). Популяция домашних оленей сократилась с 12 тыс. в 1980 году до 3,9 тыс. голов в 2017 году. В 2018–2020 годах реализуются мероприятия по повышению качества жизни оленеводов и их семей, переоборудованию оленеводческих стоянок, закупке современной техники, предоставлению льгот детям оленеводов при поступлении в высшие учебные заведения региона. Совершенствуется законодательная база: разработаны проекты законов «О северном оленеводстве Республики Тыва», «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Республики Тыва», «О кочевой семье», «О кочевом жилье для работников традиционных отраслей хозяйствования в Республике Тыва».

Проект «Марал-Тува» предполагает создание туристско-оздоровительного комплекса на базе мараловодческого хозяйства «Туран» Пий-Хемского кожууна и получение дополнительной прибыли от увеличения производства продукции мараловодческой отрасли (консервированных пантов) и популяции маралов.

Табунному коневодству посвящен пилотный проект Минсельхоза Тывы «Тыва аът» (2017–2020 годы), целью которого явля-

ется сохранение и увеличение численности популяции лошади тувинской породы путем создания крестьянских фермерских хозяйств и сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК)².

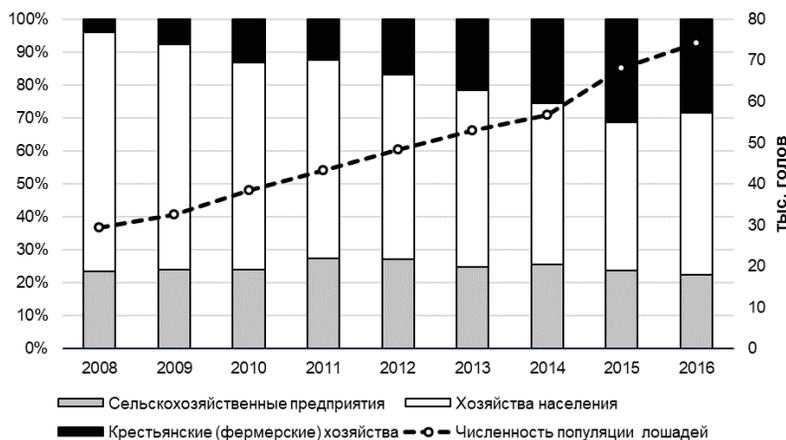

Рис. 5. **Поголовье лошадей в категориях хозяйств Республики Тыва**

Источники: Республика..., 2012: 36; Статистический..., 2016: 164

В регионе имеется ряд проблем, которые предполагается решить после завершения проекта. К ним относятся: ведение учета и отчетности личных подсобных хозяйств, угроза потери генофонда местной тувинской породы лошадей, стравливание табунами пастбищ других видов животных (КРС, МРС), заготовка, хранение и переработка продукции мяса лошадей из отдельных сумонов и стойбищ. Попутно происходит расширение производства кормовой базы.

Кроме того, в регионе осуществляются проекты по поддержанию многодетных и малоимущих семей в сельской местности: «Корова-кормилица» (выделение семьям коровы с теленком), «Социальный картофель» (выделение посадочного картофеля), «Социальный уголь» (выделение угля семьям, проживающим в домах с печным отоплением). Все они направлены на сдерживание депопуляции сельских территорий и сохранение традиционного сельского уклада тувинцев.

2. Создание и развитие СПоК параллельно поддерживается федеральным проектом «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации».

Компактное проживание тувинцев в регионе сформировало особые условия для развития личных подсобных хозяйств в сельской местности. Они и являются основными очагами экологизации сельского хозяйства региона, поскольку крупные производители и фермерские хозяйства имеют финансовые возможности для применения технологий в сельскохозяйственной деятельности.

Т.Ю. Гусаков
 Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва)

Рис. 6. Картограмма размещения чабанских стоянок Кызылского кожууна (2019 г.)

Источник: составлено по материалам полевых исследований

Традиционной единицей тувинской сельской общины являются кыштаги (зимнее стойбище), которые располагаются по всей территории региона. Подобные виды домохозяйств характерны для регионов Бурятии, отдельных районов проживания бурятов в Забайкальском крае и Иркутской области, Туве, Калмыкии, на Алтае, чье основное население перешло к оседлости лишь в XX веке. Стоянки бывают двух видов — капитальные и временные. Капитальные стоянки распространены в тяготеющих к городам кожуунах и представляют собой комплекс жилых и подсобных помещений, где проживает оседлая семья чабана (крестьянина-скотовода) и его скот (лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды).

Для кочевых тувинцев из периферийных районов характерно отсутствие постоянного местоположения кыштага. Вместо этого существуют четыре места для стоянки, куда в зависимости от сезона мигрирует чабан с семьей и стадом. В осенний и весенний сезоны стоянки размещаются в удалении от дорог (в глубине степи), в летний и зимний периоды чабанские стоянки тяготеют к лесостепной зоне. Таким образом годовой хозяйственный цикл кочев-

ки тувинцев зависит от сезонности, наличия и качества кормовой базы на пастбищах.

Таблица 1. **Чабанские стоянки сумонов Каа-Хемского кожууна Республики Тыва**

Сумон	Численность населения	Количество чабанских стоянок	Численность населения на чабанских стоянках
Суг-Бажы	943	42	63
Бурен-Хем	1113	14	28
Кундустуг	749	11	12
Бояровка	683	12	28
Кок-Хаак	534	3	15
Сарыг-Сеп	5702	7	15
Дерзиг-Аксы	1147	5	9
Усть-Бурен	709	22	51
Сизим	934	0	0
Бурен-Бай-Хаак	1389	8	8
Ильинка	1041	5	5

Источник: Социально-демографический..., 2019

В собственности чабана находится только земля под стоянкой, пастбища и сенокосные луга — в муниципальной собственности, они распределяются на ежегодных тендерах между местными скотоводами. Кроме того, чабаны обычно имеют собственность в селах региона, где постоянно проживают их семьи. На чабанских стоянках чаще всего постоянно проживает старшее поколение тувинцев (пенсионеры), которые занимаются выпасом скота, переработкой мясомолочной продукции, охраной хозяйства от нападения волков³.

Дети живут на стоянках и участвуют в сельскохозяйственной деятельности лишь в летний период (во время школьных каникул). В периферийных степных районах дети кочевых тувинцев обычно проживают в школах-интернатах в крупных селах, приезжая на стоянки по выходным и на каникулы. В сентябре 2018 года в селе Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна была открыта «Аграрная школа-интернат Республики Тыва» на 176 учеников из чабанских семей.

3. Отстрелом волков занимаются бригады охотников-«волчатников», созданные во многих населенных пунктах региона и имеющие право на отстрел хищников.

В сельской местности существует проблема использования труда несовершеннолетних детей в сельском хозяйстве. Это в первую очередь дети из семей чабанов, а также из неблагополучных семей, официально живущих за чертой бедности (около 41,5 % населения Тувы проживали за чертой бедности в 2017 году), вынужденные работать с ранних лет.

Барьером развития традиционного кочевого животноводства в 1990-е годы можно считать повышенный криминогенный фон в сельской местности. Высокий уровень безработицы, маргинализация значительной части населения и большое количество населения, проживающего за чертой бедности, способствовало возрождению специфического вида нелегальной занятости — конокрадства. Конокрады (или кайгалы) в период перестройки правоохранительной системы воровали скот на чабанских стоянках и продавали его в других районах Тувы и в соседних регионах, но в 2000-х годах в связи с повышением уровня доходов населения и усилением правоохранительных органов конокрадство постепенно сошло на нет.

Для проживающих в районах Крайнего Севера (Тоджинском кожууне) тувинцев-тоджинцев (тувинцы-оленоводы) также характерно преобладание чабанских стоянок. Отличием тоджинцев от степных тувинцев является разведение домашних оленей и занятие охотой (добыча мяса и шкур диких животных). Природная изолированность этого этноса сформировала специфику хозяйственной деятельности: до 1940-х годов тувинцы-тоджинцы проживали в недоступной горно-таежной Тоджинской котловине и не имели контактов с остальными тувинцами (см.: Вайнштейн, 1961).

Сегодня на территории Тоджинского кожууна функционируют 4 оленеводческих хозяйства (МУП «Одуген», СПК «Шулун», КФХ Биченмей А.А., подсобное хозяйство ГБПОУ села Тоора-Хем), которые включают 15 оленеводческих стоянок и 3858 голов оленей (2017 год). Руководство региона реализует программу «Утварь для оленеводческой семьи», цель которой увеличение популяции домашних оленей и повышения качества жизни оленеводов (строительство стационарных оленеводческих баз, проведение селекционно-племенных работ, учет семей оленеводов для стимулирования занятости и самозанятости, улучшение материально-технического оснащения 22 оленеводческих стойбищ и пр.) (Стратегия..., 2018).

Популярность проектов по поддержанию кочевого и сельского образа жизни связана с появившимися тенденциями миграции сельских жителей, в том числе молодежи, в города Тувы и другие регионы России. В результате в регионе наблюдается пространственная поляризация: резкое увеличение численности населения в пригородной зоне Кызыла вызывает обеспокоенность среди региональных чиновников, поскольку инфраструктура г. Кызыла

и пригородных сел Каа-Хем, Сукпак и Ээрбек имеет ограничения⁴. В жилые массивы были превращены земли садовых некоммерческих товариществ (СНТ) в пригородной зоне Кызыла — Левобережные дачи, Вавиловский затон, Догээ, Мелиоратор, Дар и пр. Кризис инфраструктуры и промышленных предприятий города Ак-Довурака, высокий уровень безработицы, ухудшение транспортной доступности привело к оттоку населения из кожуунов «дикого Запада» (западных районов). Относительно высокий уровень рождаемости компенсирует миграционные потери, но маргинализация и распространённость инфекционных заболеваний среди безработного сельского населения приводит к увеличению смертности, в том числе младенческой⁵.

В кругу скотоводов, живущих в плохих условиях и из-за этого барьера имеющих небольшие стада скота (до 500 голов), бытуют идеи трудового коллективизма, пропагандируемого еще в советский период. «В советское время у нас все было: свет, зарплата, корма. Вокруг все распахивалось, а сейчас что?! Ни дорог, ни телевизор посмотреть, ничего власть не помогает... Совхозы развалили, техника ушла за Саяны. Нет никому дела до нас, а мы ведь любим трудиться, но это никому не нужно», — говорит один из чабанов Кызылского кожууна. Отсутствие внешней силы, способной оказать содействие в упорядочивании мелкого животноводства и создании для нее инфраструктуры, ограничивает возможность диверсификации производства не только материально, но и ментально.

Личные подсобные хозяйства староверов

Традиционно русское население в Туве проживало в восточных кожуунах (Кызылский, Каа-Хемский и прочие). В советское время из-за развития промышленного производства численность русского населения значительно возросла и люди расселились также в созданных после 1945 года городах (Туран, Шагонар, Чадан, Ак-Довурак), столице региона городе Кызыле и его пригородной зоне (см.: Татаринцева, 2016: 82–90).

Но речь пойдет о русских, которые появились в Туве в конце XIX века во время экспансии Российской империи на территорию китайского Урянхайского края и процессов выдавливания староверов и прочих «вероотступников» на окраины государства. В поисках

4. Подобные сюжеты на примере столицы Бурятии (г. Улан-Удэ) рассматривались А.С. Бреславским (см.: Бреславский, 2014).

5. Для снижения младенческой смертности в кожуунах реализуется региональная программа «Поделись детской кроваткой», в рамках которой обеспеченные семьи безвозмездно передают невостребованные детские кроватки в малообеспеченные семьи, где есть новорожденные.

мест самоизоляции и уединения староверы расселились в наиболее слабоосвоенных горно-таежных кожуунах региона — Каа-Хемском, Тандинском и Тоджинском, которые и в настоящее время отличаются от других территорий отсутствием дорог и прочих коммуникаций (сообщение осуществляется по рекам)⁶.

Изоляция от окружающего населения сегодня постепенно исчезает, староверы становятся полноценными членами общества. В труднодоступных горно-таежных районах Тоджинского и Каа-Хемского кожуунов зафиксированы лишь отдельные случаи проживания семей, добровольно отказывающихся от каких-либо контактов с внешним миром.

В верховьях Енисея была создана сеть поселений староверов, сохранившаяся и в настоящее время — Эржей, Верхний Шивей, Ужеп, Чодураалыг, Ок-Чары, Сизим, Бояровка; в них наблюдается традиционный бытовой уклад этой религиозной группы. В период существования Тувинской Народной Республики и советской власти некоторые староверы и духовные лидеры их общин были репрессированы, культовые сооружения и монашеские скиты закрыты и разрушены. В настоящее время ведется работа по восстановлению полноценного функционирования общин староверов (строительство храмов, создание религиозных общин и пр.).

В отличие от тувинцев староверы не тяготеют к созданию чабанских стоянок и занятию табунным коневодством. Продолжительное проживание в тайге создало предпосылки для формирования у них специфических форм хозяйствования: сбор, переработка и реализация дикорастущих ягод (дикоросов) и грибов, кедрового ореха («*шишики*»), охота на диких животных, заготовка пушнины, рыбалка. Кроме того, в личных подсобных хозяйствах выращиваются крупный и мелкий рогатый скот, используемый не только для личных нужд, но и для продажи (мясо, молоко, шкуры, шерсть).

Но если до 2000-х годов домохозяйства могли обеспечивать себя с помощью этих промыслов, то сегодня староверы все чаще отказываются от традиционных занятий и трудоустраиваются на работу официально либо уходят в отходничество. Основными регионами отхода являются Приморский край (промысловая добыча рыбы), Тюменская область и Красноярский край (нефтегазовые месторождения).

6. Примечателен тот факт, что во время существования Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921–1944 гг. рассеянные по государству поселения староверов основали Русскую самоуправляющуюся трудовую колонию, которая находилась в составе РСФСР и обеспечивала внешнеэкономические связи ТНР и СССР (Харунова, 2011: 267).

В заключении попробуем дать ответ на вопрос «Почему бедные регионы остаются бедными?». В случае Тувы стимулирование отставания обусловлено прежде всего выбранными приоритетами финансовой поддержки, а именно — упором на развитие мелких сельскохозяйственных производителей и, как следствие, сохранение аграрного перенаселения сельских территорий.

Выбор исключительно аграрного пути развития для Тувы чреват замедлением экономического роста и усложнением процесса выхода региона из категории бедных. Безусловно, традиционные виды деятельности необходимо поддерживать и приветствовать энтузиазм населения, однако вектором развития эффективнее избрать развитие промышленных и инновационных отраслей, сервисную экономику, которые способны расти более быстрыми темпами. Прибыль же, полученную от этих отраслей, лучше направить на развитие и технологическое переоснащение дотационного аграрного сектора (по примеру северных регионов Сибири).

Сегодня тувинское общество находится в точке бифуркации и переживает стадию поиска векторов социально-экономического развития региона. Из-за кризиса промышленности и коллективной системы наблюдается социально-экономический откат в сторону реставрации модели досоветского тувинского общества (номадизация населения, примитивизация сельскохозяйственного труда, расширение доли населения, вовлеченного в аграрный сектор, расширение неформальной экономики и пр.). Но тренду возрождения кочевого образа жизни противостоит усиливающийся отток трудоспособного квалифицированного населения из сельских местности, что приводит к пока неоощуяемому сжатию сельских территорий.

Глобальный экологический тренд постепенно охватывает аграрный сектор России. Зародившийся в мелких хозяйствах, он постепенно добрался до крупных агрохолдингов. Распространение экологических практик в домохозяйствах не обошло стороной архаичный аграрный сектор Тувы, однако экологизация имеет здесь свою специфику и заключается в расширении традиционного сельскохозяйственного производства на базе личных подсобных хозяйств. Архаизация и низкий первоначальный уровень развития хозяйства тувинцев-скотоводов привели к использованию большого количества ручного труда в производстве сельскохозяйственной продукции и отказу от антибиотических средств и пестицидов.

Для возрождения традиционного уклада тувинцев и расширения сельскохозяйственной самозанятости населения в охваченных безработицей аграрноперенаселенных районах региональное правительство реализует ряд проектов, но их эффективность ещё не проверена временем.

- Анайбан З.В. (2014). Миграционные процессы в Туве в современный период // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 7. С. 63–70.
- Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. (1995). Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука.
- Балакина Г.Ф., Кылдыгай А.Ч. (2015). Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН.
- Бегзи А.Д. (2017). Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 94–108.
- Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Вайнштейн С.И. (1961). Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Восточной литературы.
- Гребнев Л.В. (1955). Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл: Тув. кн. изд-во.
- Дыртык-оол А.О. (2017). Советские преобразования в Тувинской автономной области (по материалам экспозиций тувинского краеведческого музея) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–124.
- Кызыл-оол Ч.Т. (1975). Овцеводство в Туве. Кызыл: Тув. книж. изд-во.
- Монгуш С.П. (2015). Самозанятость сельского населения Тывы // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. Вып. 11. С. 2109–2122.
- Нурзат А.А. (2014). Основные этапы коллективизации и перехода аратов на оседлость в Туве (1921–1944 гг.) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. № 2 (82). С. 47–52.
- Прокофьева Е.Д. (1954). Социалистические преобразования в Тодже // Ученые записки ТНИИ-ЯЛИ. Вып. 2. Кызыл. С. 37–51.
- Райнерт Э.С. (2017). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
- Регионы России (2018). Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М. Республика Тыва в цифрах (2012): краткий стат. сб. / Тывастат. Кызыл. С. 52.
- Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России (2003): Стат. сб. / Росстат. М.
- Социально-демографический паспорт Каа-Хемского кожууна Республики Тыва по состоянию на 01.07.2019.
- Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сборник (2016). Кызыл.
- Татаринцева М.П. (2016). Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной республики // Новые исследования Тувы. № 3. (31). С. 82–90.
- Тиникова Е.Е. (2018). Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235–257.
- Харунова М.М.-Б. (2011). Особенности модернизации тувинского общества // Мир науки, культуры, образования. № 5. С. 266–270.
- Хертек Ш.В. (2017). Сельские домашние хозяйства в экономике Республике Тыва // Дискуссия. № 6 (80). С. 55–63.
- Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов Сибири с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы) (2009). URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f298c2efb01.pdf> (дата обращения: 20.10.2019).
- Голикова назвала самый бедный регион России (2019) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190214/1550848275.html> (дата обращения: 25.10.2019).
- Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 г. (2018). URL: <http://gov.tuva.ru/content/1602/> (дата обращения: 20.10.2019).

Т.Ю. Гусаков
Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва)

The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of the Republic of Tyva)

Timur Yu. Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru.

The article considers the features of the contemporary rural development of the Russian ethnic region on the example of the Republic of Tyva. In 2017, according to the official statistics, it was the poorest Russian region by the share of the rural population below the poverty line. This situation was determined by a number of factors exacerbating Tuva's economic depression: its being a periphery and its remoteness from economic centers, stagnation and impossibility to revitalize the industrial complex, destruction of the agricultural sector, a high share of the shadow economy, and so on. The reason for the economic stagnation is the agrarian path of Tyva chosen by the regional elites, which consists of the support for small archaic agricultural production as an ethnic type of activity. The article describes the vectors of the contemporary rural development of the Republic of Tyva, its economic and ethnic-social features, and changes determined by the large transfers from the federal budget to the regional economy. Today, there is spatial polarization and rural depopulation in the depressed agrarian regions, and the cities remain the main centers of population concentration (mainly the city of Kyzyl).

Keywords: agriculture, rural settlement, ethnic region, migration, spatial mobility, Republic of Tyva

References

- Anayban Z.V. (2014) Migratsionnye protsessy v Tuve v sovremenny period [Migration processes in contemporary Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, no 7, pp. 63–70.
- Balakina G.F., Anayban Z.V. (1995) *Sovremennaya Tuva: sotsiokulturnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Social-Cultural and Ethnic Processes], Novosibirsk: Nauka.
- Balakina G.F., Kyldygay A.CH. (2015) *Etnoregionalnye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethnic-Regional Models of Adaptation to Labor Market in Tuva], Kyzyl: TuvIKOPR SO RAN.
- Begzi A.D. (2017) *Ekonomika sovetskoy Tuvy: dostizheniya, problemy i uroki* [The economy of Soviet Tuva: Achievements, problems and lessons]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 94–108.
- Breslavsky A.S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and Growth of Ulan-Ude in Post-Soviet Period], Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN.
- Weinshtein S.I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuvans-Todzhins. Historical-Ethnographic Essays], Moscow: Izd-vo Vostochnoy literatury.
- Grebnev L.V. (1955) *Perekhod tuvinskikh aratov-kochevnikov na osedlost* [Transition of Tuvan Arats-Nomads to Sedentism], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo.
- Dyrtk-ool A.O. (2017) *Sovetskie preobrazovaniya v Tuvinskoy avtonomnoy oblasti (po materialam ekspozitsiy tuvinskogo kraevedcheskogo muzeya)* [Soviet transformations in the Tuva Autonomous Region (based on the materials of the exhibitions of the Tuva Museum of Local Lore)]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 109–124.
- Kyzyl-ool Ch.T. (1975) *Ovtsevodstvo v Tuve* [Sheep Breeding in Tuva]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo.
- Mongush S.P. (2015) *Samozanyatost selskogo naseleniya Tyvy* [Self-employment of the rural population of Tyva]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, vol. 15, no 11, pp. 2109–2122.

- Nurzat A.A. (2014) Osnovnye etapy kollektivizatsii i perekhoda aratov na osedlost v Tuve (1921–1944 gg.) [The main stages of collectivization and transition of Arats to sedentism in Tuva (1921-1944)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*, no 2, pp. 47–52.
- Prokofieva E.D. (1954) Sotsialisticheskie preobrazovaniya v Todzhe [Socialist transformations in Todzha]. *Uchenye zapiski TNII-YaLI*, no 2. Kyzyl, pp. 37–51.
- Reinert E.S. (2017) *Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Per. s angl. pod red. V.S. Avtonomova, Moscow: Izd. dom NIU VShE.
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Social-Economic Indicators] (2018). Moscow: Rosstat.
- Respublika Tyva v tsifrakh* [Republic of Tyva in Numbers] (2012). Kyzyl: Tyvastat.
- Selskoe khozyaystvo, okhota i okhotnichie khozyaystvo, lesovodstvo v Rossii* [Agriculture, Hunting and Hunting Economy, Forestry in Russia] (2003). Moscow: Rosstat.
- Sotsialno-demografichesky pasport Kaa-Khemskego kozhuuna Respubliki Tyva po sostoyaniyu na 01.07.2019 g. Statistichesky ezhegodnik Respubliki Tyva* [Social-Demographic Passport of the Kaa-Khemsky Kozhuun of the Republic of Tyva as of July 1, 2019. Statistical Yearbook of the Republic of Tyva] (2016). Kyzyl.
- Tatarintseva M.P. (2016) Starobryadtsy v Tuve v nachale XX veka i v period Tuvinskoj Narodnoy respubliky [Old Believers in Tuva in the early 20th century and in the Tuva People's Republic]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 3, pp. 82–90.
- Tinikova E.E. (2018) Transformatsiya gorodskogo rasseleniya v natsionalnykh respublikakh Yuzhnoy Sibiri v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation of the urban settlement in the national republics of South Siberia in the middle of the 20th — early 21st centuries]. *Novye issledovaniya Tuvy*, no 4, pp. 235–257.
- Kharunova M.M.-B. (2011) Osobennosti modernizatsii tuvinskogo obshchestva [Features of the modernization of the Tuvan society]. *Mir nauki, kulturny, obrazovaniya*, no 5, pp. 266–270.
- Khertek Sh.V. (2017) Selskie domashnie khozyaystva v ekonomike Respubliki Tyva [Rural households in the economy of the Republic of Tyva]. *Diskussiya*, no 6, pp. 55–63.
- Voprosy vzaimootnosheny korennykh malochislennykh narodov Sibiri s promyshlennymi kompaniyami (opyt, praktika sotrudnichestva, dokumenty) [Relationships of small indigenous peoples of Siberia with industrial enterprises (experience, practice of cooperation, documents)] (2009). URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f298c2efb01.pdf> (In Russ.).
- Golikova nazvala samy bedny region Rossii [Golikova named the poorest region of Russia] (2019). URL: <https://ria.ru/20190214/1550848275.html> (In Russ.).
- Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tyva do 2020 g. [Strategy of the Social-Economic Development of the Republic of Tyva until 2020] (2018). URL: <http://gov.tuva.ru/content/1602> (In Russ.).

«Мое постоянное стремление — наводить мосты между культурами Франции и России...»

А. Берелович, А.М. Никулин

Алексей Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В этом интервью французский исследователь Алексей Берелович размышляет о своих российских семейных корнях и связанным с этим стремлении соединять в собственной жизнедеятельности французскую и российскую культуру через разнообразное сотрудничество в научных историко-социологических проектах России и Франции.

Впервые побывав в России еще подростком в подмосковном пионерском лагере конца 1950-х годов, а потом поработав молодым волонтером-преподавателем французского языка в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков в конце 1960-х годов, Алексей Берелович вскоре определился с изначальной темой своих научных исследований, связанных с изучением развития почвеннической идеологии писателей-деревенщиков в Советском Союзе.

Начиная с периода перестройки А. Берелович активно участвовал в российско-французских научных проектах социологов, изучавших трансформацию общественного мнения в период распада СССР, а также в российско-французских научных проектах историков, занимавшихся изучением раннего советского периода аграрной истории 1920–1930-х годов.

Большой вклад в развитие культурных и научных связей между Францией и Россией Алексей Берелович внес, занимая пост атташе по культуре в посольстве Франции в середине 1990-х годов, а также являясь директором созданного им Французского научного центра в Москве с 2002 по 2006 годы.

Особое место в интервью Береловича занимают личные воспоминания о таких замечательных исследователях российского крестьянства, как Базиль Кербле, Моше Левин, Виктор Данилов и Теодор Шанин.

Ключевые слова: крестьяноведение, перестройка, Россия, СССР, Франция, университетская наука, Кербле, Левин, Данилов, Шанин

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-96-114

А.М. НИКУЛИН: Алексей, расскажите, пожалуйста, о своей жизни, ее основных вехах, начиная с истории семьи, детства.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Говорить о своей жизни можно очень долго. Объем такого повествования бывает разный. Как видно по моей фа-

мили, я русского происхождения, или как теперь сказали бы, русскоязычного. Родители мои эмигрировали в разное время из России после 1917 года.

Мама ребенком (она 1910 года рождения) эмигрировала классическим путем через Крым, Константинополь, во Францию с остановкой в Греции. У моего отца все было сложнее, потому что он старше и успел поработать в России. Он получил инженерное образование в Германии, потом окончил юридический факультет в Москве и работал там адвокатом. Эмигрировал отец в середине 1920-х и после некоторых перипетий тоже оказался во Франции. Там мои родители и познакомились.

Важно, что семья была русскоязычной в том смысле, что дома говорили только по-русски. Цель моих родителей, в первую очередь отца, была передать нам русскую культуру. Дома мы всегда говорили только по-русски. Первые наши сказки, первые книжки — русские. Поэтому можно сказать, что моя культурная основа в первую очередь русская. Но родители также оба были убеждены, что мы должны стать французами. Мы не жили идеей исключительности России, исключительности нашей какой-то духовности. Родители не были религиозны. И поэтому мы пошли во французский детский сад, потом в нормальную районную школу рабочего пригорода, где мы жили.

А. М. НИКУЛИН: А где вы жили? Где были детсад, школа?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Изначально жили в густонаселенном русском районе Парижа, потом по разным обстоятельствам семья переехала в рабочий пригород. Теперь он стал вполне буржуазным, произошла джентрификация этого района — это на западе от Парижа, но совсем рядом, 15 минут на автобусе до метро. И мы все три брата учились в обычной школе, окончили среднее учебное заведение. Потом я поступил в университет на русское отделение филфака. Так получилось по разным обстоятельствам, не могу сказать, что это был изначально желаемый путь. Меня интересовала больше история искусств или социология, но это не давало обеспеченную работу. А мне, как и моим братьям, нужна была в связи с экономической ситуацией семьи гарантированная работа, например, преподавание. Во Франции тогда не хватало преподавателей, поэтому если ты обязывался преподавать, то получал очень хорошую стипендию, которая позволяла жить. Поэтому я выбрал русский язык и окончил русское отделение филфака в Сорбонне.

А.М. НИКУЛИН: А где Вы родились? И как проходили годы Вашей учебы в школе и в университете?

Я родился в тяжелое время — тем более для еврейского мальчика — в 1943 году в Париже. Пошел в школу соответственно в 1949 году. Окончил ее и получил аттестат зрелости в 1961-м, сразу поступил в университет и окончил его в 1966 году, а в 1967-м сдал отдельный конкурсный экзамен на преподавателя.

А.М. НИКУЛИН: Накануне революции 1968 года.

*А. Берелович,
А.М. Никулин*
«Мое постоянное
стремление — на-
водить мосты между
культурами Фран-
ции и России...»

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да, до 68-го года. А во время событий 68-го года я уже преподавал русский язык в школе. И так как я был секретарем профсоюза, то принимал в тех событиях достаточно деятельное участие. Но в отличие от многих моих коллег, не говоря об учениках, я не верил в то, что происходит революция и будет смена общественного строя.

А.М. НИКУЛИН: Значит, тогда Вы достаточно трезво оценивали то, что происходит?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Трезво. В моей жизни сыграло достаточно большую роль то, что я долгие годы был сперва в коммунистическом союзе молодежи, а потом в компартии Франции, которая не могу сказать, что вела себя безупречно в 1968 году: сильно недооценивая эти события, она с большим подозрением относилась к студенческому движению. Но тем не менее я и теперь думаю, компартия не ошибалась, когда не верила в революционную ситуацию. Действительно, революционной ситуации реально не было. И последующие события показали все это достаточно ясно. Так что тут не моя заслуга, не мое сверхпонимание вещей, просто я принадлежал к той политической группе, которая в революционную обстановку 68-го года не верила. И даже недооценивала то, что происходило. Хотя я, конечно, участвовал в забастовке, в демонстрациях, в дискуссиях и так далее. Но я не считал, что вот наступает момент всеобщего счастья. Потом, и это опять-таки сыграло большую роль в моей жизни, я отправился на два года в Советский Союз. Во Франции в то время существовала такая система, когда еще была обязательная военная служба, но ее можно было заменить гражданской службой, и вместо армии я был отправлен в Минск преподавать французский, работать лектором французского языка. Это устраивало обе стороны, потому что я таким образом избегал казармы, а для французских властей было важно иметь некоторое культурное влияние в мире. Но в то же время это им ничего не стоило, ведь я проходил волонтерскую альтернативную службу и получал местную зарплату от Минского государственного педагогического института иностранных языков, где преподавал в основном преподавателям же французского и немножко студентам на вечерних курсах.

А.М. НИКУЛИН: Получается, впервые вы оказались в СССР в Белоруссии, в Минске?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Нет, первый раз я попал в Россию еще в 1958 году, в 15 лет. Было во Франции, как и во многих других странах, такое общество дружбы «Франция — СССР». И оно организовало побратимство между Сюреном, маленьким пригородом Парижа, и подмосковным городом Клином. Впоследствии все это мероприятие быстро схлопнулось, но деятели сюренского отделения «Франция — СССР» успели отправить около 15 французских школьников в Клин в пионерский лагерь на лето 1958 года. Так я провел три недели в пионерском лагере. Там все было как надо: красные галстуки, линейка по утрам. Нас повезли в Москву, показывали Москву. Дол-

жен сказать, постфактум я очень удивлен: все-таки 1958 год, 5 лет после кончины Сталина, а мы были встречены без всяких предубеждений, с большим дружелюбием. Мы чувствовали себя очень хорошо. И я там даже пожелал встретиться с моей тетей, сестрой отца, которая жила в Москве. И когда была экскурсия в Москве, то один из сопровождающих помог мне найти семью тети. Туда меня проводил и там меня оставил мой двоюродный брат, который тоже там был, он же потом отвез меня обратно в пионерлагерь. В общем, старые правила уже ушли, а новые еще не пришли. Это была моя первая поездка. И должен сказать, в мои 15 лет это было большое потрясение, потому что для меня до этого русский язык и русская культура было делом семейным. А тут я увидел, что не только наша семья говорит по-русски, но еще и много других людей, я, конечно, это знал, но почувствовал это реально только тогда.

А потом я еще несколько раз ездил в Россию, когда уже учился в университете. Это был студенческий обмен на месяц, потом сопровождал туристическую группу. Вот так 2–3 раза я уже в России успел побывать до моей альтернативной службы. Но, конечно, до моей жизни в Минске это было только очень поверхностное ознакомление.

Я тогда, конечно, очень сожалел, что попал в Минск, а не в Москву. Но сейчас об этом не жалею, потому что это мне позволило открыть для себя провинциальную — «нормальную», не столичную — жизнь. Хоть Минск и был столицей БССР, но в общем это был русский город. Был там белорусский театр, куда никто не ходил. Было вещание по-белорусски, которое никто не слушал. И вывески были написаны на обоих языках. Но на улице все говорили по-русски, в университете преподавали по-русски. Впрочем, там студенты были обязаны, не помню, сколько, 2–3 часа в неделю, какжется, изучать белорусский язык. Но я себя не ощущал там, как в нерусском городе, где русский был бы иностранным. Я чувствовал, что нахожусь в русском городе. Жили мы в общежитии. Я говорю во множественном числе, потому что я был с моей первой женой. И это слава богу, потому что одному мне там было бы тяжело. И мы жили в общежитии на преподавательском этаже. Жили, как все: душ для мужчин 2 раза в неделю, душ для женщин 2 раза в неделю и так далее. Не буду рассказывать, что там была за ванная комната — это нечто неопишное. Конечно, в общежитии готовить еду было сложно, были только индивидуальные электрические плитки и титан для горячей воды. Впрочем, нормальное советское общежитие, конечно, не роскошное, но и не самое худшее. Все, конечно, сразу узнали, что мы иностранцы. В начале ощущалась большая настороженность, впоследствии она немного спала. Соседи по общежитию заходили попросить французский детектив, попить виски или джин, которые мы покупали в «Березке», когда ездили в Москву. Несмотря на запрет покидать Минск без разрешения, мы туда ездили «зайцами», это было вполне возможно, тогда ведь не проверяли в поездах паспорта. Брал билет

на ночной поезд, 2 дня проводил в Москве, потом возвращался, никто и не замечал, где ты был в субботу-воскресенье. Оттуда привозили немного спиртного, еще всякие вещи валютные. К нам заходили в гости. Ну, а когда ты с людьми еще и нагишом под душем, а тут вода кончается, и все ждут, когда ее дадут через полчаса или час, то, конечно, общение достаточно свободное. Под конец моей жизни в Минске меня принимали почти как своего. Хотя, конечно, я знаю, что было двое знакомых, даже в достаточно дружеских отношениях мы с ними были, которые к нам были приставлены и которые за нами следили. Но вполне дружелюбно. Когда я уезжал, один мне сказал: «Не бойся, тебя проверять особенно не будут. Я написал о тебе очень хороший отчет». Я там преподавал, занимался таким культуртрегерством, показывал французские фильмы, переводил их с экрана. Было достаточно весело.

Эти два года жизни в СССР меня отрезвили полностью. После этого я уже особых иллюзий о советской системе не испытывал. Хотя я до сих пор не потерял надежду на построение в будущем более справедливого человеческого общества. Но после этой поездки я был глубоко убежден, что в России это справедливое будущее наступит нескоро, потому что увидел все неравенство, всю косность этого общества, его иерархичность, его несвободу, познакомился со всеми прелестями полицейского государства. Очень много жизненного опыта получил я с осени 68-го по осень 70-го, находясь в Минске.

А.М. НИКУЛИН: В то время первым секретарем компартии Белоруссии был Петр Машеров?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да, насколько я помню, но для нас это особого значения не имело. Что было для меня тяжело, так это запрет покидать Минск. Для того чтобы куда-то поехать, надо было каждый раз испрашивать разрешение, а разрешение довольно часто не давали. Все это было достаточно неприятно. Хотя мы ездили немножко. В Вильнюс съездили тайно, в Ленинград тоже тайно. В общем, все можно было понемножку, хотя вокруг было много запретов. Но были ведь и лазейки, как всегда, в таком обществе.

Несколько неофициальных друзей меня расспрашивали: «А ты не боишься с таким-то общаться? Наверное, если он с тобой общается, он гэбэшник или во всяком случае стучит на тебя?». Но почему я должен был подозревать других, мне все это было достаточно безразлично, я ничего такого противозаконного не делал. Поэтому если кто-то стучал на меня, ну и пусть стучал. Я не старался выяснять, как он это делает.

После этого моего опыта проживания и преподавания в Минске у меня и возникла идея заняться тем, что потом стало моей кандидатской диссертацией, незаконченной, я должен сказать, она у меня лежит в архиве, написанная на три четверти, с громадным количеством архивного материала. Тема диссертации: «Возникновение национализма в советской идеологии». У меня тогда

не было намерения напрямую заниматься сельской Россией и крестьянством, скорее, людьми, которые оперировали мифами вокруг крестьянства в своих идеологических конструкциях. Это тогда появлялись общества защиты памятников, соответствующие статьи и книжки конца 1960-х годов, книжки писателей-деревенщиков и критиков, которые писали о деревенской прозе. Вот это все я разбирал и анализировал. Все это меня интересовало тогда и потом, до конца существования Советского Союза. Мне было интересно, как внутри советской официальной идеологии, которую часто воспринимают как монолит, реально имеют место очень разные течения, которые существуют более-менее подспудно, более-менее запретно. Конечно, чисто технократические формы мышления были очевидны, но ведь существовало и националистическое движение, достаточно мощное уже тогда. И так я этим всем начал заниматься.

То есть я занимался так называемым неославянофильством, или русофильством, возраставшим с середины 1960-х годов. Первые дискуссии, над которыми я работал, были, например, те, которые велись вокруг книжки Солоухина «Письма из Русского музея». На мой взгляд, все это движение еще более усиливается после 1968 года. Кажется, что крах надежд на справедливое демократическое социалистическое общество после Пражских событий привел некоторых интеллектуалов как раз к поиску традиционалистских корней.

Тогда начинает усиливаться мода на русскую старину, иконы, путешествия на Русский Север. Тогда же начинается некое возрождение религиозности. Многие интеллектуалы принимают православие. А с другой стороны, это, на мой взгляд, тоже совершенно очевидно, усиливаются поиски вокруг западного демократического, несоциалистического общества. И из этого выросло диссидентство. Но не только диссидентство. Многие из тех, кто не пошел в диссидентство, были уверены, что Россия должна развиваться западным путем. К слову, все эти течения стали публичными с возникновением Перестройки.

Поэтому для меня середина 1960-х годов очень важный момент в истории русской мысли, русских идеологических дебатов. Это я и исследовал в основном. И это меня привело к крестьяноведению, хотя очень косвенно. Я занимался, как я уже говорил, деревенской прозой. Она меня не особенно интересовала как литература, а скорее как проявление некоего идеологического течения в советском обществе, смесь пассаизма и национализма. В отличие от многих почитателей деревенщиков, я среди них не вижу больших писателей. Я не могу сказать, что, например, Распутин, Белов, Абрамов большие писатели. Но то же «Прощание с Матерой», скажем, для меня было очень интересно идеологически. Земля как мать. Противостояние деревенских традиций, то есть «хороших» ценностей, «плохим» западным, городским, современным и так далее. Это в «Прощании с Матерой» прочитывается совершенно очевидно. При этом, что любопытно, «Прощание с Матерой» (я об этом писал), получилось как бы произ-

водственным романом наоборот. Все эти производственные советские романы рассказывают про строительство ГЭС с точки зрения строителей дамбы, строителей самой ГЭС, которые просто и откровенно топят старый для них косный мир. А у Распутина все совершенно наоборот, это взгляд именно со стороны деревни, которую затопят.

А.М. НИКУЛИН: Взгляд из уходящей под воду деревни.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да. В деревне носители ценностей, конечно, это старые люди, там старуха — носитель истинных и традиционных ценностей. Чувствуется очевидное влияние Солженицына, его «Матренина двора». Я тогда в конце 1960-х — начале 1970-х начал этим всем заниматься. И все время следил за литературой деревенщиков, следил за дискуссиями вокруг нее.

Что потом? Потом история достаточно банальная, я бы сказал. Когда я был еще в Минске, меня пригласили в Гренобльский университет, на русское отделение, куда я и отправился. Я там преподавал с конца 1970-го вплоть до 1979 года, преподавал как обычный русист, т. е. немножко литературы, немножко языка, переводы, а в основном историю и современность советского общества. Достаточно быстро это мне надоело: не само преподавание, а жизнь в среднем провинциальном городе. Интеллектуальная жизнь там была вялотекущей, скажем так.

И когда возникла возможность переехать в Париж, мы всей семьей туда и переехали. Там я сперва несколько лет преподавал в школе, потом меня взяли в Сорбонну преподавать. Это был где-то 1983–1984 год. Сорбонна была... не знаю, как она сейчас, в общем, на мой взгляд, престиж Сорбонны очень сильно преувеличен. Когда я в ней учился студентом, это была полная пустыня, это мне ровно ничего не дало. Когда я там преподавал, там было несколько очень хороших преподавателей, например, Базиль Кербле, с которым у меня сложились очень хорошие отношения. Это был замечательный человек, очень скромный, большой эрудит, он знал все, что можно знать, и в разных областях, потому что он занимался и социологией, и экономикой, читал художественную литературу. Он был и хороший историк. Но общая атмосфера в Сорбонне (я говорю про то, что я знаю, а именно про русское отделение) была достаточно скучной, поэтому я немножко развлекался тем, что одновременно вел семинар в Школе высших социальных исследований. Там я как раз занимался тогда и литературой, и обществом. Меня интересовало, конечно, в первую очередь общество, но через литературу. Понимая, что литература — не прямое отражение, я исследовал через нее интересное преломление общественной жизни. И этим я занимался достаточно плотно, семинары были интересными. Во всяком случае, мне были интересны, студентам не знаю как. Это был такой открытый семинар с достаточно свободной дискуссией, куда ходили и студенты, и коллеги. И тогда же я начал заниматься переводами. Должен сказать, в первую очередь, по экономическим причинам, но не только. Было и интересно.

А.М. НИКУЛИН: А когда же Вы занялись собственно крестьяноведением?

А. БЕРЕЛОВИЧ: А крестьяноведением стал я заниматься ближе к началу перестройки. Мне предложил это, не могу его назвать ученым, хотя он себя ученым считал и был даже профессором, Жан Малой. Он был несильный ученый, но очень хороший издатель. Он организовал издательскую серию, которая называлась «Земля людей», где публиковал самые разные интересные с антропологической, социологической точки зрения тексты. Первый том этой серии — это ни много ни мало «Печальные тропики»¹. Конечно, не все книжки были этого уровня. Он напал на некий текст автора по фамилии Столяров, из русских крестьян. Иван Столяров родился в 80-е годы XIX века в Воронежской губернии в бедной крестьянской семье. Он был очень одаренный мальчик. В общем, какая-то знатная, богатая и в то же время филантропически настроенная дама, которая владела большими имениями, его опекала, дала ему возможность учиться на агронома. И он выбился в люди, не потеряв связь со своими родителями, со своей семьей. Он участвовал в событиях 1905 года, поэтому эмигрировал с помощью все той же покровительницы. Потом вернулся в Россию. Я думаю, он стоял примерно на эсеровских позициях. Принял Революцию. Но потом воспользовался командировкой на какую-то сельскохозяйственную выставку, чтобы остаться во Франции. И написал на старости лет воспоминания. Его вдова подготовила текст, но очень плохо (к сожалению, я рукописи его не видел, а только текст, уже обработанный вдовой). Вот это Малой и решил издать. Но так как текст был слишком короткий для обычного объема книг этой серии, он попросил меня сперва снабдить его комментариями и добавить другие воспоминания о жизни крестьян, начиная с середины XIX века (после Реформы), то есть примерно того же времени, что и воспоминания Столярова. Я достаточно долго работал, надеялся найти по мере возможности интересные воспоминания крестьян, но ничего не нашел. Думаю, их вообще почти нет. И Столяров — очень редкое исключение, обычно у крестьян нравоучительные воспоминания, написанные для детей и внуков. Это не очень интересно. Но я нашел воспоминания земского врача, священника в «Епархиальных ведомостях» и еще одну очень интересную книжку, которую вообще стоило бы, на мой взгляд, переиздать. Ее автор служил некоторое время волостным писарем. У него очень интересная судьба. Это был внебрачный сын генерала, который его не признал, но воспитал. Он окончил школу, поступил, кажется, в Петербургский университет, бросил его, чтобы «уйти в народ», помогать крестьянам (уже после великого похода народников, в 1880-е годы), и он оставил воспоминания о своей работе. И так как он работал при волостном суде, он описал тяжбы крестьян — очень интересный документ, из которого я извлек, к сожалению, только

*А. Берелович,
А.М. Никулин*
«Мое постоянное стремление — навести мосты между культурами Франции и России...»

1. Леви-Стросс К. (1984). Печальные тропики. М: Мысль.

короткий отрывок². Я это все издал. Потом переводил кое-что, в том числе «Жизнь и судьбу» Гроссмана. В общем, помимо преподавания немало занимался переводами.

А.М. НИКУЛИН: А потом в СССР настала Перестройка.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Конечно, для людей, занимавшихся Советским Союзом, перестройка была поворотным моментом. И, как и многие, я вначале с большой осторожностью смотрел на то, что происходит, — боялся верить в реальность перемен. Но когда я в очередной раз съездил в Москву (какая-то у меня была научная командировка летом 1986-го), я смог убедиться, что происходит что-то серьезное. Тогда как раз состоялся знаменитый перестроечный съезд кинематографистов, где провалили Бондарчука-старшего и выбрали Элема Климова секретарем Союза. В общем, произошла у кинематографистов революция. И была у меня очень хорошая, очень давняя знакомая, близкий друг, которая работала в киноведческом журнале. Она мне все это рассказывала. Потом были, помните, перестроечные театральные пьесы, Шатров и так далее, я ходил на эти спектакли. И для себя решил, что что-то меняется. Неизвестно, как и надолго ли, но то, что тут что-то новое, я ощутил, и написал об этом в маленькой статье в газете, выходившей два раза в месяц «La Quinzaine littéraire». Она типа американского «The New York Review of Books», в ней в основном рецензии, но были и статьи. Редактор этого журнала — Морис Надо, в молодости сюрреалист, ему было тогда уже много лет, но он был убежденный троцкист. И он заинтересовался тем, что происходит в СССР, и попросил меня написать, что я там увижу, что я и сделал. Меня, конечно, сразу одни посчитали идиотом, которого обкрутил КГБ, другие — гэбэшником, который старается пудрить мозги французским читателям. В первую очередь распространяли этот слух эмигранты. Но ничего страшного, я от этого не умер. И потом начал писать достаточно интенсивно о том, что происходило в Перестройку. Для меня это было замечательное время, потому что вдруг открылась возможность бывать часто в Москве, общаться и напрямую заняться тем, что меня интересовало, а именно социологией советского — российского общества.

В самом конце 1980-х известный французский социолог Ален Турен организовал большой исследовательский проект, охватывавший почти весь бывший социалистический лагерь. В 1989 году в его рамках Советским Союзом занялись Мишель Веверка в паре со мной. Он был социолог, ученик Турена, а я в этой социологической команде — эксперт по России. И мы провели большое исследование, очень большое, поскольку тогдашняя разница в курсах валют позволяла это сделать. Можно было проводить семинары, рассчитанные на 50 человек за достаточно маленькие деньги. Мы реализовали очень большой проект, в котором хотели посмотреть, что происходило в различных

2. *Астырев Н. К.* (1886). В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления, Москва.

организованных социальных группах, появились ли новые акторы, и если да, то кто они, какие у них ценности, каковы их цели (к слову, мы тогда и ввели слово актор, чтобы перевести с французского, актер явно не годился). Мы надеялись выявить, новых политических деятелей, но не элиту, а, например, активистов демократической России или активистов новых профсоюзов и так далее. Все это делалось по методике Турена. Мы тогда сотрудничали с Леонидом Гордоном и Эдуардом Клоповым, которые занимались рабочим движением. По этому исследованию позже были опубликованы книги и статьи. В общем, это было начало работы уже непосредственно в поле.

Мне очень хотелось, но так и не получилось работать в деревне. Я для себя открыл проект Шанина, но поздно, проект уже работал и там не было места. Впрочем, тогда же у меня в России сложились связи со многими исследователями, в том числе и с Виктором Петровичем Даниловым (что в последствии сыграло большую роль). С ним мы познакомились на конференции в Италии, хотя я жил тогда во Франции, а он в России. На этом симпозиуме выступил кто-то из нашей тогдашней так называемой «школы ревизионистов» о том, что Большой террор — это борьба партийных работников между собой, а коллективизация — борьбы бедных крестьян против кулаков (в то время они еще защищали эти идеи, потом перестали). Все это ерунда, конечно. Я выступил с репликой, что, дескать, получается, что крестьянская коллективизация — это та самая унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекала: крестьяне сами себя начали истреблять. Данилову мое выступление понравилось, мы разговорились и, могу сказать, что в конце концов подружились, несмотря на разницу лет и научного статуса. Да, можно сказать, мы были друзьями. Тогда он искал западного ученого, чтобы получить ресурсы на свой проект публикации архивов. Я с удовольствием взялся за эту роль, начал искать деньги. В то время я вообще много делал для развития научных связей между Россией и Францией.

А.М. НИКУЛИН: Да, и это очень важно.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Я тогда уже работал по совместительству, как говорится, на общественных началах в Доме наук о человеке. С 1984 года, с очень хорошим историком модернистом Морисом Эмаром, который руководил Домом наук о человеке и очень много сделал для налаживания научных связей между Советским Союзом и Францией. Я с ним обсудил проект Виктора Петровича. Эмар сказал, что, безусловно, это очень хороший проект, давай попробуем. И тогда мы начали, думая, что это будет достаточно короткий проект, на 3–4 года максимум. Вначале все основывалось на нескольких архивах, где можно было найти документы по ситуации в деревне, исходящие из ЧК, ОГПУ, НКВД³.

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939. Документы и материалы (2000–2012). В 4-х тт. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

*А. Берелович,
А.М. Никулин*
«Мое постоянное
стремление — на-
водить мосты между
культурами Фран-
ции и России...»

Вообще-то произошло так, что Виктор Данилов напал на эти сводки через Якова Аркадьевича Яковлева, бывшего наркома земледелия, который по халатности, не соблюдая инструкции, не все сводки отдавал обратно, некоторые оставлял у себя. Поэтому сводки эти отложились в архивах РГАЭ (тогдашнего ЦГАНХ). Данилов их там нашел и продолжил поиск. Вначале мы работали в трех архивах: ЦГАНХ, Военном архиве и немножко в партийном архиве. И уже потом (не я, конечно, а Виктор Петрович) наладили контакт с архивом КГБ. Исследование продолжалось долгие годы и завершилось уже после кончины Виктора Петровича. Последний том я издавал один, без Данилова. При том что становилось все сложнее и сложнее работать в архивах. Вначале можно было работать достаточно свободно, а потом все стало достаточно быстро закрываться. И нам выдавали то, что они сами считали нужным. К счастью, поскольку у Виктора было четкое понимание того, что можно найти, то даже когда нам что-то не давали, он требовал, чтобы более тщательно искали, и в конце концов часто находили, что нам нужно было. Но некоторые вещи для меня так и остались тайной, например, сводки о голоде 1932–1933 годов. По этой теме было выявлено очень мало документов, архивисты божились, что ничего другого нет. И несмотря на все попытки ничего другого так нам и не дали.

А.М. НИКУЛИН: Но младший коллега и ученик Виктора Данилова Виктор Кондрашин недавно издал тома архивных документов по голоду.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да-да, конечно. Но Кондрашин много работал в Президентском архиве, к которому у нас не было доступа. И, например, в украинских архивах по голоду намного больше нашлось сведений.

Вот так мы работали: я искал деньги, Виктор сидел в архивах, я, когда приезжал в Москву, тоже. Правда, когда я работал директором Французско-русского научного центра в Москве, когда мог, тоже в архивы сбегал. Это была очень для меня интересная работа, общение с Виктором Петровичем и знакомство с архивами дало очень много.

Я полагаю, что та масса архивных документов, которая была опубликована, еще не нашла должного отражения в монографиях. Что касается собственно нашей работы, я думаю, что опубликованными оказались не более 10 процентов документов, которые были выявлены. А выбор был очень тяжелый. Мы исходили из принципа дать, так сказать, образцы всего того, что можно найти в этом архиве. И это оказалось достаточно трудно, потому что интересных документов было очень много.

Приведу один пример. Были документы о проведении коллективизации, громадное количество сводок, почти ежедневных. Не знаю, кто успевал их читать тогда, так велико было их количество. Но что там меня поразило, это использование внутренних войск, приказы военного типа: отправить столько-то сабель и столько-то штыков,

столько-то кавалерии, столько-то красноармейцев в такую-то область и так далее, то есть по сути шла полномасштабная военная операция. Насколько я знаю, никто это так отдельно не изучал.

Другая замечательная тема — роль «низового аппарата». Самое высокая позиция — секретарь райкома, но большинство, нижнее звено — председатели колхозов и т. д. — практически не изучались. Их роль очень интересна, потому что они оказывались между молотом и наковальней. И часто старались немножко защититить своих подчиненных, в том числе и в собственных интересах. Например, председатель колхоза, который, с одной стороны, отдавал хлеб колхозникам до того, как сдать его государству, чем нарушал, и сильно, закон. Но, с другой стороны, чтобы его крестьяне работали, надо, чтобы они хоть немного ели. И он им давал зерно.

Пьянство на этом низовом уровне власти бывало фантастическое, это видно по сводкам в том числе, и я думаю, что оно было вызвано совершенно невыносимой ситуацией: эти низовые руководители видели, как люди гибнут, видели это не из высокого кабинета обкома, а прямо и явно, в окружающей их повседневности. Им надо было отнимать у людей последнее зерно, так что многие из таких начальников спивались, многие сбегали, бросая свои должности. Но многие исполняли приказы о заготовках и, по-видимому, без особых мучений.

А.М. НИКУЛИН: То есть были спецсводки по низшей партийной номенклатуре, о ее поведении?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да. Сводки были разнообразные обо всем и обо всех. Поведение этого низового аппарата ломает стереотип, что, мол, были приказы, они спускались и выполнялись. А все так просто не спускается и не выполняется. Мы с Виктором часто обсуждали эту тему: вот дается приказ во время коллективизации, коллективизация должна достигнуть такого-то уровня, какой у тебя выбор? Или ты колхозников заставляешь под угрозой или просто силой вступать в колхоз, или занимаешься хвостизмом, то есть у тебя выбор между «перегибом» и «недогибом». Как горько шутил Виктор Данилов, по логике власти лучше было совершать «перегибы», чем «недогибы», но тем не менее ты мог и за «перегибы» потом поплатиться. И мы знаем, во время Большого террора многих судили за «перегибы», которые были вызваны напрямую приказом.

Виктор Данилов до окончания нашего проекта затеял другой большой проект, намного более широкий, намного лучше обеспеченный, надо сказать, там участвовали американские университеты, у которых возможности совсем другие, чем у нашего Дома наук о человеке. Это проект «Трагедия советской деревни»⁴. Были обна-

*А. Берелович,
А.М. Никулин*
«Мое постоянное
стремление — на-
водить мосты между
культурами Фран-
ции и России...»

4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927–1939. Документы и материалы (2000–2005). В 5-ти тт. Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

ружены документы, которые могли бы идти к нам, потому что это были документы из архивов ОГПУ—НКВД, но многие все-таки передавались в проект «Трагедия советской деревни». А в наш проект уже брали то, что оставалось. Но я не жалею, в конце концов, я думаю, мы и в нашем проекте опубликовали много интересного. И этим я был занят многие годы.

Потом мы с Николая Вертом издали отдельный том по-французски, такая выжимка из четырех томов нашего проекта. В нем мы представили в основном анализ исторического периода, сопровождая его некоторым количеством сводок: примерно половина аналитического текста, половина переведенных сводок.

К сожалению, эта краткая французская версия «Советской деревни глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД» не имела во Франции успеха, и издатель потерял на этом немало денег. В основном потому, что ко времени публикации интерес к России уже сильно упал. А с 1986–1987 и до конца 1990-х годов, скажем так, интерес к тому, что происходило в бывшем Советском Союзе, был во Франции и на Западе очень сильным.

Когда в начале 2000-х нынешний путь России определился, интерес к ней конечно очень сильно уменьшился, и архивные публикации уже никого особенно не волновали.

Тогда же вышла по-французски книжка Виктора Кондрашина, о которой мы уже говорили, и она тоже вызвала очень маленький читательский отклик. Отчасти и потому, что эта книга шла вразрез с теперь общепринятым на Западе тезисом, что голод 1932–1933 года был геноцидом украинского крестьянства, а все, что выходит за рамки такого понимания, особого успеха в современном французском общественном мнении не имеет.

А.М. НИКУЛИН: У меня несколько вопросов в развитие темы, не только крестьяноведческой. Вы рассказывали, что непосредственно Ваша полевая работа в реальном советском, постсоветском пространстве началась со времени Перестройки. Я помню Ваш доклад в начале 2000-х, может быть, 2004 года, у нас на семинаре Интерцентра, посвященный теме «Почему распался Советский Союз». Как я понял, Ваша аналитическая концепция сводилась к тому, что Советский Союз был достаточно устойчивым образованием, но одновременно совпали несколько кризисов: экономический, рост национализма, раскол в партийных элитах и во всем государственном управленческом аппарате, падение цен на нефть и так далее. У Вас был целый перечень этих кризисов, и то, что они все проявились одновременно в конце 1980-х — начале 1990-х годов, и привело к разрушению всего советского общества. Вот прошло время. Исходя из хорошо Вам знакомых подходов Теодора Шанина и Виктора Данилова к анализу исторических альтернатив, как Вы думаете, в те прошедшие времена были ли возможности трансформации, дальнейшего развития советского общества, России? Или все должно было получиться так, как получилось?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Описывать какой-то иной путь я бы не взялся, это было бы некорректно. Но, с другой стороны, конечно, надо задуматься, было ли все так неизбежно. И мы знаем, что безальтернативность устраивает, прежде всего власть имущих, потому что снимает с них всякую ответственность за сделанный выбор. Прежде всего именно они утверждают: ничего не могло произойти по-другому.

Мой главный интерес как исследователя состоял в изучении различных идеологических течений, особенностей идеологической борьбы. Именно в связи с этим меня интересовали судьбы интеллигенции. И мне кажется, что в том, что произошло во время Перестройки и после, была вина... Нет, не вина, но, может быть, скорее неподготовленность социальных сил и в первую очередь интеллигенции, которая оказалась не способной предложить обществу разные варианты выхода из советской системы..

Когда начали образовываться политические партии и группировки, стало видно, насколько у людей не хватает политической культуры. Ведь достаточно было партии назвать себя демократической, чтобы люди верили, что она демократическая. Помню, как я кого-то убеждал, что созданная в 1990 году Демократическая партия России, лидером которой был Николай Травкин, нисколько не демократична.

А.М. НИКУЛИН: Да, был такой советский строитель Николай Ильич Травкин.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Совершенно верно, к нему применимо ныне модное слово «популист». Был Травкин таким заурядным мелкотравчатым популистом. Но раз его партия названа «демократической», то и Травкин, значит, у нас демократ. И вообще все, кто был против советской власти, почти автоматически считались демократами.

И как раз один из результатов нашего исследования с Веверкой, о котором я говорил, заключался в том, что все новые политические силы объединялись вокруг неприятия советской власти, вокруг простой идеи, что надо с советским наследием покончить. За этим не было никаких реальных программ, зато полно иллюзий со стороны и лидеров (не всех), и населения.

Помните? Достаточно снести советскую власть, и все будет замечательно!

То, что Демократическая Россия, в основном состоящая из интеллигенции, поддержала Ельцина, в котором видели, как мне говорил один тогдашний деятель, «таран, который нам позволит снести советскую власть», было роковой ошибкой. А потом убеждали самих себя — мы Ельцину покажем, что надо делать, он обучаем, вот он поймет, да, он не отесан, но он понимает народ, а народ его понимает. И когда я старался убедить, что поддерживать Ельцина — явная гибель для демократического проекта, мое мнение было лишь «гласом вопиющего в пустыне».

Я помню дискуссии после 1991 года, когда уже стало очевидно, как себя будет вести Ельцин, что должно было из всего этого выйти, не говоря уже о его поведении после 1993 года. И я помню, как мне говорили: «Да нет, было необходимо разубить этот «гордиев узел». Вот это последнее такое кровопролитие, да, но теперь мы ушли из прошлого и будем строить...». Я отвечал: «Глубоко, друзья мои, ошибаетесь. Это не отказ от прошлого, это первый акт будущего. И этот акт вас приведет к очень грустным вещам».

Я далеко не единственный, кто это говорил, были и другие. Я не хочу сказать, что я был какой-то особый пророк, но хочу подчеркнуть, что и тогда был выбор между различными альтернативами.

Да, конечно альтернативы были. Горбачев, мне кажется, видел какой-то средний путь и хотел идти по нему постепенно и медленными шагами, чтобы сохранить некое равновесие между своими противниками и сторонниками. И вот эта центральная позиция в определенный момент исчезла, в том смысле, что политические и социальные силы отодвинулись от Горбачева и ушли в сторону сохранения старой системы либо в ее полное неприятие.

А.М. НИКУЛИН: Они поляризовались, и он рухнул меж ними в пропасть.

А. БЕРЕЛОВИЧ: И в центре больше никого не оказалась... А тот путь, который был в конце концов избран, в общем, это был ленивый путь, я бы сказал, интеллектуально ленивый путь. Например, избрать шоковую терапию, как в Польше, но не учитывать маленький факт, что Польша была очень крепко объединена тем, что становилась действительно независимым государством, это спланивало поляков, они были готовы вынести многое, только чтобы стать независимым государством. Правда, сейчас то, что там происходит, не вызывает большого оптимизма, но это уже другое дело.

Ну, а в России это натворили те, кто изборажал из себя демократов, хотя были они глубоко не демократичны. У них произошло слияние, я бы назвал это, технократической мысли и советско-коммунистической практики (единоначалие), следуя которым человек, оказавшийся у власти по определению, знает, что надо делать, а массы должны только поддерживать его или по крайнем мере помалкивать. В западном технократическом варианте это называется «правильно голосовать».

Так вот в России, в позднем Советском Союзе начала 1990-х годов, при приходе команды Ельцина, я думаю, и было такое сочетание западного технократизма и советского партийного подхода, объединенного презрением к народу, по обычному советскому типу руководства: мы принимаем решение, а вы уж как можете должны к этому решению приспособиться.

Я думаю, злую шутку в России также сыграл тот факт, что главными примерами для новых руководителей были курсы Рейгана и Тэтчер, и даже Пиночета, а не образцы тогда уже, к сожалению, ослабленной скандинавской социал-демократии.

Почему был полностью отброшен сразу же социально-демократический путь?! Почему в сельской России (мы с Даниловым много все это обсуждали, тогда он об этом писал) надо было обязательно в уродливых формах стремиться распустить колхозы, предоставляя возможность контролировать землю узкому кругу людей, а не дать крестьянам возможность самим выбрать свой путь?!

А.М. НИКУЛИН: Вернемся к крестьяноведческой проблематике, и не только российской. Вы же были знакомы и с Моше Левиным, может быть, что-то расскажете о нем и о французских крестьяноведах. Затем давайте обсудим Вашу роль культурного посредника, человека, много сделавшего для развития культурных академических связей между Россией и Францией, Россией и Западом. Вы много сил этому отдали.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Давайте начнем с моих организационно-административных научных занятий. Итак, я человек двух культур: я французский гражданин, но представитель русско-французской культуры, это не всегда просто, но, в основном, личность все же обогащает. Одно из моих постоянных стремлений — наводить мосты между культурами Франции и России, и через это включать русских ученых в мировое сообщество. Ведь они были отрезаны от него. Я говорю, прежде всего, о гуманитарных науках, в точных, я думаю, это проявлялось несколько в других формах. Многие из гуманитарных дисциплин в СССР были в ужасающей ситуации. Если, например, взять социологию, то лишь несколько социологов могли более-менее нормально работать, но говорить о социологии в целом почти невозможно. Конечно, я в начале недооценивал глубину этого кризиса и тешил себя иллюзиями, как и многие, что достаточно «открыть двери», достаточно позволить ездить и общаться вместе, помочь при помощи стипендий молодым ученым ездить на Запад, там учиться, писать диссертации, стажироваться, и возникнет некое интеллектуальное ядро, которое будет потом расширяться и позволит медленно, конечно, постепенно включить российское сообщество в международный научный обмен, в мировое сообщество ученых. Это осуществилось лишь частично, и коснулось в основном Москвы, Петербурга и нескольких больших городов.

Поэтому когда мне предложили работать в Доме наук о человеке, я с радостью согласился. Он еще в советское время, в самом начале Перестройки, подписал договор с Академией наук о научном обмене, который, наверное, еще действует. Потом, когда уже началась перестройка и настали новые времена, Дом наук о человеке учредил целую серию стипендий для аспирантов и молодых кандидатов, чтобы они стажировались во Франции, приглашал ученых с лекциями, организовывал семинары, финансировал совместные проекты. Мы старались наладить такие плотные по мере возможности научные отношения. Моя постоянная идея, слава богу, это была также идея Мориса Эмара, директора Дома наук о человеке, что не надо заниматься показухой и устраивать какие-то большие конференции, которые оста-

ются без продолжения, а надо помочь людям совместно работать. Это были в том числе стипендии имени Дидро, они предоставили многим ученым до 40 лет возможность год или полгода поработать во Франции. И это дало определенный эффект. Я этим занимался долго, пока не уехал в Москву во французское посольство в качестве атташе по культуре. Мне хотелось посмотреть, что происходит в Москве, не наездами, а живя там постоянно. Но это была ошибка.

А.М. НИКУЛИН: Это в какое время?

А. БЕРЕЛОВИЧ: С 1994 по 1997 год. Я не учел тот факт, что посольство — это масса бюрократической работы, для которой я плохо подготовлен, будучи человеком очень беспорядочным. В общем, живешь и работаешь в посольстве постоянно и ничего другого не видишь. Я старался, когда мог, убегать из посольства, участвовать в семинарах и так далее, но это было тяжело. Пока я работал атташе, у меня созрела мысль создать Французский научный центр в Москве, который бы помогал развитию научных связей между Россией и Францией в гуманитарных науках. Я тогда приложил немало усилий — надо было убедить Министерство иностранных дел, надо было убедить Центр научных исследований и, наконец, надо было убедить Министерство высшего образования. И у меня получилось: в 2000 году создали такой центр. Директором центра стала Франсуаза Досэ, а потом я с 2002 по 2006 год. Это были для меня очень счастливые годы, потому что тут я мог делать то, что хотел, и по мере сил и средств помогал российским ученым приезжать во Францию, французским — в Россию, вести совместные семинары, в общем, заниматься научной деятельностью. А самому заниматься своими исследованиями времени оставалось мало. Этот центр существует и поныне. Если нынешние меры экономии, которые будет предпринимать Франция, не коснутся центра, я надеюсь, он скоро отметит свое двадцатилетие. Это на второй вопрос я ответил.

А на первый вопрос о крестьяноведах российских и французских... Здесь, прежде всего, расскажу о Моше Левине.

Моше Левин (Михаил Львович Левин, Moshe Lewin, 1921–2010) был замечательным историком и незаурядной личностью. Его жизнь достойна романа: жизнь в Вильно перед войной, в Советском Союзе во время войны, затем Пластина, Израиль, Франция, Англия и США. Остановлюсь на том, что он своей диссертацией «Крестьянство и советская власть»⁵ дал решающий толчок развитию социальной истории Советского Союза в то время, когда там доминировала так называемая «тоталитарная школа», сводившая все к политической истории или даже к одной борьбе за власть и отрицавшая само существование общества (я здесь конечно сильно огрубляю позиции этих историков). Левин знал не понаслышке жизнь «простых людей», он успел, пока жил в России, поработать в колхозе, шахтером, сталеваром и пройти офицерские курсы (он

5. *Lewin M.* (1966). *La Paysannerie et le pouvoir soviétique*. Paris.

молодым офицером участвовал в Параде Победы). К слову, это была одна из причин его дружбы с Виктором Петровичем. Он очень любил делиться своими воспоминаниями об этом периоде его жизни, как говорил «за чашкой чая». В отличие от некоторых его последователей «ревизионистов» он нисколько не преуменьшал роль политической борьбы. Его последнее, так и незавершенное большое исследование было о советской бюрократии.

С Моше Левином был у меня проект во Франции в Школе высших социальных исследований. Задумали мы вокруг Моше Левина создать ядро людей, которые бы изучали социальную историю СССР — России. И мне поручили вот этим заняться. Тогда-то я с ним близко и познакомился. Хотя этот проект был кое в чем полезен, но недостаточно, потому что Левин прилетал из США в Париж всего на месяц или полтора в год. Чтобы пришли молодые исследователи, чтобы был руководитель диссертаций, чтобы Левин смог вокруг себя создать школу, надо было бы создать полноценный центр, но на это у нас не было ни средств, ни людей.

А.М. НИКУЛИН: В какие годы реализовывалась идея такого исследовательского центра?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Это был даже не центр, а некая неформальная группа — в середине 1980-х годов, перед самой Перестройкой. Левин приезжал в Париж с 1983 года в течение 5 лет. Он был доволен, так как очень любил Париж и не очень Америку, под конец жизни он совсем перебрался в Париж. Не будем о грустном. Сейчас я Вам покажу одну фотографию.

А.М. НИКУЛИН: Где сделан этот снимок?

А. БЕРЕЛОВИЧ: У меня дома, когда я был атташе по культуре, к концу нашего домашнего ужина. Это моя супруга Мария Ферретти, Виктор Петрович Данилов, Теодор Шанин и Моше Левин. Забавно, как Теодор с нежностью смотрит на Моше Левина, а Моше Левин как всегда угрюмо разглядывает окружающих.

А.М. НИКУЛИН: Да очень характерная фотография.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Видите, какие были приятные моменты... У меня была мысль (но я ее не могу никак осуществить) провести семинар, посвященный Виктору Данилову, Базилу Кербле, Моше Левину и пригласить на него Теодора Шанина.

А.М. НИКУЛИН: Я могу понять, конечно, Левин, Данилов, Шанин были друзьями, а каково место в этой троице Кербле? Он лично знал их, работал с ними?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Нет, он Данилова лично не знал, но очень его уважал, потому что читал, что тот написал. Было бы просто замечательно собрать такой семинар, посвященный этим четверем крестьяноведам и их работам.

А.М. НИКУЛИН: Что ж, это замечательная идея. В заключение нашей беседы давайте пожелаем, чтобы идея такого семинара действительно осуществилась ради развития крестьяноведческих исследований России, Франции и всего мира.

1994 г. Вечер в московской квартире А. Береловича и М. Феррети, слева направо: Моше Левин, Мария Феррети, Виктор Данилов, Теодор Шанин. Фото А. Береловича

“My constant desire is to establish relations between the cultures of France and Russia ...”

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne (Paris IV). France, Paris-5, Rue Victor-Cousin, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In his interview, the French researcher Alexis Berelowitch considers his Russian family roots and the desire to combine French and Russian cultures in his life through different types of cooperation in the Russian and French historical-sociological projects. He first visited Russia as a teenager in a Moscow pioneer camp in the late 1950s, then he worked as a young volunteer teacher of French at the Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages in the late 1960s, and after that he chose the key topic of his research — the development of the nationalist trend among village-writers in the Soviet Union. Since *perestroika* Berelowitch has participated in Russian-French scientific projects of sociologists who studied the transformations of public opinion under the collapse of the USSR, and in Russian-French scientific projects of historians who studied the early Soviet period of the agrarian history of the 1920s — 1930s. Alexis Berelowitch made a great contribution to the development of cultural and scientific relations between France and Russia as a cultural attaché of the French Embassy in the mid-1990s and as a director of the French Scientific Center in Moscow (2002-2006). The interview pays special attention to his personal memories of such remarkable researchers of the Russian peasantry as Basile Kerblay, Moshe Levin, Viktor Danilov and Teodor Shanin.

Keywords: Peasant Studies, *perestroika*, Russia, USSR, France, university science, Kerblay, Levin, Danilov, Shanin.

Как понять нашу глубинку

Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. СПб.: Издательский проект «Живая провинция», 2018. — 308 с. ISBN 978-5-6041434-0-7.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-115-123

Книга, которую опубликовал Глеб Владимирович Тюрин со своим молодым соавтором, может оказаться весьма полезной — если ее правильно использовать. Под таковым использованием я мыслю совсем не то, что содержат шесть восторженных отзывов, вынесенных на обложку издания и подписанных уважаемыми людьми. Эти отзывы, по-моему, имеют отношение не столько к содержанию книги, сколько к тому факту, что главный автор ее текста — не только «бизнес-тренер, коуч, консультант по развитию малой местной экономики и местных сообществ, эксперт по социальному дизайну» (с. 307), но и отличный промоутер (Жириновский убил бы за такое словопотребление, но в данном случае я делаю это сознательно). Вот, скажем, В.И. Патрушев, профессор РАНХиГС, пишет: «Эта книга дает ответ на вопрос: как выйти из бедственного положения тысячам деревень и малых городов на этих просторах, где молодежь голосует ногами в направлении мегаполисов». А мне все не дает покоя другой вопрос: не является ли одной из важнейших причин подобного «голосования» то, как в наших школах и вузах в последние лет тридцать преподается история аграрных отношений в России?

Говоря о сугубой полезности монографии Г.В. и В.Г. Тюриных, я имею в виду как раз то, насколько удобно ее использование для критики тех идейно-теоретических позиций, с которых, как правило, это делается. Дело в том, что в ее многочисленных главах в незамутненном, химически чистом виде представлен либерально-рыночный подход к интерпретации аграрно-крестьянского развития России в пореформенный период ее истории (после 1861 года) и далее вплоть до наших дней. Взгляд этот изложен предельно доходчиво, с максимальным упрощением причинно-следственных связей. Можно даже считать это удачной попыткой популяризации той вер-

сии аграрной истории России в XX веке, которую очень настойчиво, сдобавив щедрым финансированием, проталкивали наши заокеанские и западноевропейские «друзья и партнеры». Сразу оговорюсь, что это чистая политика, и лучшие представители западной аграрной советологии здесь ни при чем. Те выводы, которые основываются на адекватном анализе большого количества исторических источников, одинаково жестко противостоят обеим базовым версиям политизации истории — как советской, так и антисоветской. Первое, что приходит в голову в этой связи, — блестящий доклад Р.У. Дэвиса (Великобритания) и С.Г. Уиткрофта (Австралия)¹, оставляющий немного шансов на дальнейшее существование той набившей уже оскомину версии коллективизации крестьянского хозяйства в СССР, которая кратко, ясно и доходчиво (тут нужно отдать должное соавторам) изложена в главе, одним названием которой можно было бы и ограничиться (*sapienti sat*): «Коллективизация. Тотальное огосударствление. Исчезновение малой экономики в СССР» (с. 172).

Можно называть имена и других зарубежных экспертов по экономической и политической истории СССР, чьи исследования в области аграрных отношений автоматически тяготеют к методологии крестьяноведения по той простой причине, что для добросовестного историка невозможно изучать советскую историю 1930-х годов в подробностях и избегать при этом осмысления причинно-следственных связей в рамках того, что М.Л. Левин обозначил как «аграрный комплекс» и «аграрный деспотизм»². И это резко усложняет вопрос о том, вступила ли малая экономика в СССР на путь скорого и неизбежного исчезновения в связи с жестким проведением политики коллективизации. Но в том-то и прелесть критикуемой книги, что для ее соавторов ответ очевиден и прост: да, однозначно, вступила. Они связывают это как раз с тем, что коллективизация представляла собой «тотальное огосударствление» локальной сельской экономики с целью максимального выкачивания средств из сельского хозяйства в государственный бюджет. Поставить проблему сложных алгоритмов взаимодействия ЛПХ колхозников с общественным хозяйством колхозов и попытаться рассмотреть ее под углом зре-

1. См.: Бабашкин В.В. (ред.) (2015). Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: Политическая энциклопедия. С. 592–658.
2. Там же. С. 311; см. также: *Lewin M.* (1911). *Russia/USSR in Historical Motion; an Essay in Interpretation* // *The Russian Review*. Vol. 50. No 3. July. P. 257–261; *Левин М.* (2008). Советский век / Пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Издательство «Европа». С. 257–258; *Бабашкин В.В.* (2014). К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова. С. 38–48.

ния концепции «моральной экономики» крестьянства³ — неприемлемое нарушение чистоты жанра.

Будучи историком, Г.В. Тюрин признает: «В 1960-е годы в сельскую местность начали вкладывать деньги: миллионы рублей на развитие сельского хозяйства, инфраструктуры, на строительство жилья. Но стагнация села продолжалась». Каково же объяснение стагнирующего советского сельского хозяйства (несмотря на наличие отдельных колхозов-миллионеров и противоречивые попытки введения хозрасчета и бригадного подряда)? Все предельно просто: «Мы и сегодня сталкиваемся с последствиями огосударствления. За десятилетия люди привыкли к тому, что им “должны”, что о них обязано заботиться государство. Значительная часть людей в России не готова самостоятельно решать свои проблемы (и уж тем более, проблемы своей территории)» (с. 177). Объяснение не просто предельно простое, оно подогнано под такой ответ: «за десятилетия» люди привыкли к государственному патернализму, поскольку забыли свою не такую уж и давнюю (всего лишь столетнюю, а с учетом нэпа и менее чем столетнюю) историю, но затем и нужны методички вроде «Как поднять нашу глубинку», чтобы напомнить, что «благодаря локальной экономике, малым производствам Россия стремительно развивалась в конце XIX — начале XX века, создав беспрецедентно высокий уровень развития. Ключевую роль в этом сыграли именно малые производства — наша страна была одним из пионеров в этой сфере» (с. 7). «...К 1917 г. в России успешно действовало более 50 тысяч кооперативов и артелей. Это была самая большая кооперативная экономика мира, и она стремительно развивалась... В нашей стране этот путь был трагически прерван большевиками. Но на него (грамотно совмещая его с крупным фабричным производством) со временем вышли многие страны мира. Кроме нас, горемык. Так, может быть, нам стоит вернуть из небытия этот драгоценный опыт?» (Там же).

Остались еще вопросы к методологии авторов «Поднятой глубинки»? У меня разве что один — и тот, подобно вопросу о возврате из небытия драгоценного опыта, риторический: возможно ли, основываясь на теоретически ложных посылах, сформулировать теоретически состоятельные выводы? А посылы таковы: в пореформенный период (после 1861 года) мощно заработали те законодательные основания, которые были заложены в основу аграрной реформы (в отношении крепостных крестьян) и земской реформы⁴. Эту ак-

В.В. Бабашкин
Как понять нашу
глубинку

3. См. об этом: *Бабашкин В.В.* (2016). Морально-аморальная экономика // *Российская история*. № 1. С. 184–188.

4. О том, что это, мягко говоря, не совсем так, см.: *Рязанов В.Т.* (2011). Реформа 1861 г. в России: причины и исторические уроки // *Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия*. М.: Институт экономики РАН. С. 20–44; *Kopsidis M., Bruish K., Bromley D.W.* (2015). Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of the private farming, 1883–1913 // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 42. № 2. P. 425–447.

сиому нельзя подвергать сомнению, иначе разрушится незамысловатая, но очень стройная логика книги.

Поэтому забудем об острой полемике в историографии и перейдем к следующему узлу критикуемого логического построения. «Умное правительство Александра II, готовя земскую реформу» (с. 16), сознательно не выделяло создаваемым местным органам самоуправления никакого финансирования, предоставляя им решать сложнейшие управленческие задачи на основе самофинансирования, с чем они и справлялись якобы более чем успешно. В результате страна в исторически сжатые сроки получила (что называется, «откуда ни возьмись») отличную систему местного самоуправления (земства) и развитую сеть локальной экономики (в том числе для финансирования земских нужд). «Умное правительство» и общину-то крестьянскую, оказывается, сохранило не столько ради фискального интереса, сколько потому, что (правы были либеральные народники и легальные марксисты) на ее основе можно было получить развитую артельно-кооперативную экономику, минуя, по возможности, капитализм. И к 1914 году страна оказалась в таком состоянии, что будущее ее «превосходило все, что может представить себе самое смелое воображение» — и откуда только взялись эти чертовы большевики?

Короче говоря, большевики-то все и испортили, будучи какими-то природными врагами локальной экономики и демократического местного самоуправления. Здесь, надо полагать, авторы подставились бы под самую безжалостную критику даже со стороны В.П. Данилова, чью увлеченность разнообразными формами дореволюционной крестьянской кооперации они пытаются впести в эту свою вульгарную историософскую схему: «По оценке историка Данилова, в разные формы коллективных хозяйств к 1917 году входило не менее половины крестьянских дворов [Человек и земля: Сб. ст. М., 1988, с. 190]» (с. 299). Авторы могли бы с тем же успехом сослаться и на более поздние работы Виктора Петровича, поскольку проблематике крестьянской кооперации, как дореволюционной, добольшевистской, так и нэповской, он всегда уделял огромное внимание. Но тогда они как историки обязаны были бы знать, как формулировал выдающийся наш историк-аграрник свою теоретическую концепцию «крестьянской революции в России 1902–1922 годов». Именно эта революция являлась главным фоном и основой для развития экономики страны и для принципиальных политических событий, включая приход к власти большевиков. Иными словами, чтобы понять, почему большевики пришли к власти, необходимо понимать, что собою представляла эта революция — по сути и по форме.

Не тут-то было. По этому вопросу в критикуемом сочинении звучит та «старая песня о главном», что большевики, мол, просто украли «эсеровскую» программу по крестьянству, и это обеспечило им победоносный государственный переворот. Мало того, Ленин дого-

ворился с эсерами (пару раз — но не более — даже упоминается левизна тех эсеров) о работе в наркомате земледелия, иначе крестьяне бы его СНК точно снесли. И землепользование стало налаживаться. А далее следует убийственный для большевиков вердикт соавторов: «На самом деле такая деревня большевикам была совсем не нужна. Впрочем, стоит отметить, что пять месяцев руководства эсерами аграрными преобразованиями в России не прошли даром. Они широко распространили коллективные формы земледелия: ТОЗы, артели, коммуны. Это было небывалое время для крестьянства. Свершилась вековая мечта. Крестьяне получили землю. Они думали, что достигли земли обетованной. Но истинные цели нового правительства стали понятны очень скоро. Большевикам не нужны были ни мелкие крестьянские хозяйства, ни кустари, ни малые производства в целом» (с. 105). Большевикам, вероятно, нужен был срыв страны в безвременье репрессий и ГУЛАГов, тотального огосударствления экономики и попраения прав человека и т. д., и т. п.

Соавторы, должно быть, искренне удивятся, узнав, что есть сколько угодно историков, которые содержание всех этих событий, причинно-следственные связи, лежащие в их основе, трактуют с точностью до наоборот: не наркомземовское (лево)эсеровское законодательство поравняло деревню 1917–1918 годов в землепользовании — это сделали сами крестьяне на пике своей революции, на губернских и уездных своих съездах⁵. И делали они это неторопливо и по-крестьянски обстоятельно, между прочим, так и не дождавшись соответствующих постановлений майского 1917 года Всероссийского крестьянского съезда, эсеровский президиум которого отчаянно сопротивлялся самой мысли о возможности постановки на голосование резолюций в духе 242 крестьянских наказов этому съезду⁶. Завершив посевную страду в тот революционный год, крестьяне повсеместно, опираясь на свои традиционные органы общественного самоуправления и на вновь создаваемые Временным правительством и советской властью местные комитеты и советы, устраняя сопротивление столь милых сердцу Г.В. и В.Г. Тюриных земских органов (там, как известно, заправляли представители дворянского сословия), решали главный для России — земельный — вопрос самым радикальным способом. И это был не тот способ, который практиковали столыпинские землемеры, создавая идиллические для некоторых современных историков и общественных деятелей мелкие крестьянские частные хозяйства. Напротив, те крестьяне, которых можно по-настоящему назвать столыпинскими («выделенцами») (их доля в общем числе крестьянских хозяйств сегодня недобросовестно и очень сильно преувеличивается некоторыми участниками

5. См.: Герасименко Г.А. (1995). Народ и власть (1917 год). М.: «Воскресенье».

6. См. об этом: Лавров В.М. (1996). «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М.: Археографический центр. С. 100–102.

ми аграрно-исторических исследований⁷⁾, первым делом и попадали под каток общинного «черного передела». Д.И. Люкшин пишет об этом так: «Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские “саженцы” проявилось в Самарской, Уфимской, Саранской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна»⁸⁾.

Справедливости ради, следует сказать, что рецензируемая монография содержит огромное количество полезной информации по истории нашей страны, и читать ее с этой точки зрения очень интересно. Однако, несмотря на калейдоскопическое разнообразие тем, представленных в семи частях и тридцати семи главах книги, это именно монография, поскольку моноидея выражена на редкость четко и, честно говоря, незамысловато. Соавторы ссылаются на различного рода теории, государственные программы, декларации политических партий, связанные с упованием на сельскохозяйственную кооперацию и кустарную промышленность как панацею от всех экономических трудностей и бед, и в той части, в какой все это не реализуется на практике, раздраженно сетуют на большевистские козни и коммунистическую преданность идее огосударствления экономики. Такая тенденция имела место в отечественной историографии первой половины 1990-х годов, когда казалось, что стоит заколотить «последний гвоздь в крышку гроба коммунизма», и будем жить, как в Штатах. Но оказалось, что все сложнее и интереснее.

Более трети объема книги о локальной экономике в России и в мире посвящено претензии ее авторов на опору в своих современных теориях местного развития на мировой опыт. Они пытаются показать тот путь, на который «со временем вышли многие страны мира. Кроме нас, горемык» (с. 6). Любопытно те регионы мира, на которых соавторы решили остановиться в поисках подтверждения необходимости в сегодняшней России шире привлекать опыт того, что делалось и делается в этом плане в других странах: Южная Корея, Швеция, Китай, США, Бангладеш. Именно в этой последовательности. По-моему, в таком калейдоскопе есть какая-то сумасшедшинка. Взять хотя бы Республику Корея, первую в этом странноватом списке.

Глава, посвященная Республике Корея (с. 196–209), представляет собой довольно топорно, на мой взгляд, изготовленный реферат двух источников информации: Park Chung Hee. *Korea Reborn. A Model for Development* (New Jersey: Prentice Hall Inc. Englewood Cliffs, 1979), то есть мемуары корейского военного диктатора Пак Чжон Хи о том, как он возродил Корею (кстати, в сети Интернет

7. См. об этом: *Анфимов А.М.* (2002). П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН. С. 153–174.

8. *Люкшин Д.И.* (2017). Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 129.

опубликован перевод этого текста на русский язык), и *The Saemaul Undong Movement in the Republic of Korea. Sharing Knowledge on Community-Driven Development* (Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2012).

Событийный ряд в этой небольшой по объему главе самый что ни на есть простецкий. Пришел военный диктатор в беднейшую азиатскую страну в 1961 году, за пару пятилеток по советскому образцу поднял городскую промышленность, летом 1969 года из-за наводнений съездил в деревню, поразился бедности крестьянского бытия и 22 апреля 1970 года провозгласил *Сэамыль ундон* (*Saemaul Undong*) — «Движение за новую деревню». Государство оказывало деревням минимальную бюджетную поддержку (сколько могло, «денег нет, но вы держитесь»), но морально всячески стимулировало подъем деревни за счет собственной инициативы людей. И постепенно, поэтапно в течение 1970-х годов, как говорится, «откуда что взялось» — деревня возродилась и стала процветать. Правда, в 1979 году диктатора Пака застрелили, и движение как-то очень легко забылось. Но сейчас вспомнилось, интерес к движению проявлен в более чем семидесяти странах мира, там намереваются частично опираться во внутренней политике на этот исторический опыт Республики Корея. Воспоминания диктатора Пака о движении *Saemaul Undong* содержательно понятны. Приблизительно так же выглядят мемуары руководителей нашего эсеровского движения: как хорошо было бы крестьянской деревне, если бы не большевики (краткое концептуальное содержание монографии Тюриных). Только Пак Чжон Хи мог писать не в сослагательном наклонении, а в изъявительном — подобно тому, как о сталинской коллективизации, а затем о хрущёвской «второй коллективизации» писала советская аграрная историография.

А информация второго источника (2012 года издания) о возрождении в мире интереса к движению тоже по-человечески понятна. Это год прихода к власти демократическим способом Пак Кён Хе — дочери Пак Чжон Хи. Корейские эксперты полагают, что один из лучших для нее способов улучшения исторического образа отца — мифологизированное «Движение за новую деревню». Поэтому сейчас, когда Пак Кён Хе в связи с коррупционным скандалом демократическим же способом отставлена, без убийства (чем многие южные корейцы очень гордятся), корейские аграрники много делают для разоблачения этого мифа.

12 апреля 2019 года в Московском государственном педагогическом университете проходила международная научно-практическая конференция «Крестьянство в истории новейшего времени: Восток, Запад, Россия». На секции специалистов по Востоку выступил профессор университета Сунконгхоу (г. Сеул) Ким Чан Чжин. Тема доклада: «Корейская модернизация и крестьянская мобилизация в 1960-е — 1970-е годы». Нам здесь интересен его взгляд на вещи не только потому, что он прямо противоположен изложенному в «корейской» главе книги Тюриных, но еще и потому, что

В.В. Бабашкин
Как понять нашу
глубинку

профессор Ким — довольно известный специалистам исследователь государственной политики России в области аграрной кооперации в первой трети XX века⁹ и большой энтузиаст идеи укрепления связей между Республикой Корея и Российской Федерацией сегодня. Он и его единомышленники не отрицают того, что теперь принято называть «корейским экономическим чудом» (в монографии соавторов использована фраза: «Экономическое вознесение Республики Корея» [с. 196]). Они против той постановки вопроса, что город и деревня развивались параллельно и гармонично. Они достаточно жестко ставят вопрос о том, что диктатор Пак организовал Национальную федерацию сельскохозяйственных кооперативов (*NACF*) и «Движение за новую деревню» с целью решения социально-экономических проблем города *за счет* деревни и в ущерб тому естественному развитию крестьянской кооперации, которое могло бы осуществляться, если бы не функционировали эти институты и структуры фактического огосударствления крестьянского производства.

В заключение доклада было сказано буквально следующее (я располагаю письменной версией этой работы и уполномочен при случае цитировать): «Экономический успех Кореи в осуществлении сильной политики модернизации в 1960-е — 1970-е годы имеет международное признание. Однако успех этот достигался ценой обслуживания *NACF* интересов не столько своих членов, сколько государства, ценой разрушения автономии сельской общины, ценой коллапса сельского хозяйства и сельских территорий. *NACF* (*Nonghyup*), которая задумывалась как добровольная организация независимых сельскохозяйственных производителей, с самого начала своего существования превратилась в послушного проводника аграрной политики военного государства. Движение *Сэамыль*, которое следовало рассматривать как Движение за обновление деревни, на самом деле повсеместно усиливало упадок сельского хозяйства и сельских территорий, поскольку это был способ мобилизации сельских жителей. Как мы утверждали выше, в период 60 — 70-х гг. корейское гражданское общество было зависимым от государства. В то же время, проявления крестьянского сопротивления рассматривались как реакция на военизированную политику государства».

С моей подачи профессор Ким прочитал главу «Местное развитие в Южной Корее» (с. 196–209), благо читает и говорит по-русски свободно. Что он при этом сказал, меня порадовало, т. к. вполне совпало с приведенной выше моей собственной оценкой изложенных в монографии российских сюжетов: «Похоже, по идеологическим убеждениям авторов можно отнести к либеральным консерваторам, которые склонны наивно полагать, что политика и государственная пропаганда — это и есть реальность. Во многих случаях, не только в Южной Корее и в России, направление государственной полити-

9. Ким Чан Чжин (1996). Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН.

ки отступало от изначальной цели, либо результат политики оказывался в противоречии с такой целью. Поэтому, если они серьезные ученые, для них очень важно все время показывать разницу между целью и результатами того или иного политического курса».

Я не знаю, как поднять нашу глубинку. Я даже не знаю, станет ли она подниматься, если на уровне правительственной политики будет громогласно взят курс на ее подъем. Кажется, это уже происходит, и история с сорока (или даже двадцатью) городскими агломерациями — в прошлом. Но я точно знаю, глубоко убежден, что необходимым элементом реализации этой жизненной цели является адекватное преподавание российской истории в школе с мощным присутствием сельского исторического краеведения.

В.В. Бабашкин
Как понять нашу
глубинку

How to comprehend our hinterland

Tyurin G.V., Tyurin V.G. How to Develop Our Hinterland. Local Economy in Russia and the World. Saint-Petersburg: "Zhivaya Provintsiya", 2018. — 308 p. ISBN 978-5-6041434-0-7.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russian Federation, 115571. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Каким быть фермерству России?¹

Башмачников В.Ф. Фермерству в России быть. — Москва: «Перо», 2019. — 608 с. ISBN 978-5-00122-918-6.

Е.С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-124-131

Эта книга, написанная большим коллективом авторов, состоящим как из профессиональных ученых-аграрников, так и практиков-фермеров, представляет собой образец разноплановой научной и публицистической рефлексии ряда активистов АККОР (Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России). Выход книги в свет совпадает с 30-летием фермерского движения в России, и новая публикация продолжает своеобразную серию работ 2009² и 2015-го годов³, посвященных летописи российского фермерства, основным автором и научным редактором которых является известный аграрник-экономист, руководитель АККОР на начальных этапах ее становления и развития В.Ф. Башмачников.

Рецензируемое издание снабжено кратким, но емким вступительным словом академика РАН Э.Н. Крылатых и кандидата экономических наук Е.Ю. Фроловой, в котором в сжатой форме сформулированы основные аналитические тезисы данной монографии.

Книга состоит из двух частей. Часть первая «Основные помехи развитию фермерства и попытки их устранения» посвящена месту фермерства в постсоветской России и структурному анализу крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) по материалам сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов, критике сверхкрупных форм аграрного производства и государственной аграрной поли-

-
1. Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.
  2. *Башмачников В.Ф.* (2009). Возрождение фермерства в России (взгляд очевидца и авангардного участника). Казань: Престиж-Пресс.
  3. *Башмачников В.Ф.* (2015). Подрезанные крылья российского фермерства. Казань: Престиж-Пресс.

тики, препятствующим развитию фермерского движения в России. Часть вторая «Драгоценные крупницы регионального опыта» содержит в себе описание конкретных региональных кейсов и многочисленных примеров деятельности фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов в Саратовской, Ульяновской, Тульской, Новгородской, Астраханской, Ярославской, Псковской областях, Краснодарском крае, республиках Татарстан, Якутия, Бурятия.

В первой части предпринята попытка анализа форм и динамики КФХ современной России. Башмачников выделяет четыре группы фермерских хозяйств. Первая — так называемые классические высокотоварные семейные КФХ. В них глава хозяйства одновременно является и хозяином, и управленцем, и работником, а члены-работники таких хозяйств — их полноценными сохозяевами. Наемные работники привлекаются в такие хозяйства иногда только в пиковые сезонные нагрузки, как правило, не более 1–2 человек. Если по переписи 2006 года в России было 53,5 тысячи КФХ данного типа, то к 2016 году их количество уменьшилось до 47 тысяч хозяйств. Впрочем, площадь земли, контролируемая этим типом хозяйств, незначительно возросла с 8,3 млн га до 8,7 млн га земли. Причем если в 2006 году в среднем на одно такое хозяйство приходилось 155 га земли, то в 2016 эта доля возросла до 240 га.

Вторую группу в этой классификации составили более крупные и высокотоварные КФХ. По переписи 2006 года насчитывалось 22,4 тысячи таких хозяйств с общей площадью 9,7 млн га земли, а средний размер одной фермы составлял 430 га. По переписи 2016 года хозяйств такого типа стало 13,1 тысячи с общей площадью 11,3 млн га земли, средний размер одной фермы — уже 860 га.

Третья группа КФХ — это особо крупные или сверхкрупные хозяйства с числом работающих более 10 человек. В 2006 году таких хозяйств было всего лишь 900, но они распорядились 4,2 млн га земли, средний размер одного хозяйства тогда составлял 3 100 га. В 2016 году их количество возросло до 5 тысяч хозяйств, причем их совокупная земельная доля также драматически увеличилась до 22,1 млн га. В среднем на одно хозяйство приходилось 3 800 га. По мнению Башмачникова, эти гигантские фермерские предприятия сохраняют основные черты семейных хозяйств: собственность, средства производства, произведенная продукция, денежные счета принадлежат членам одной семьи. Члены семьи также в значительной степени осуществляют управление этими фермерскими предприятиями. Все же автор оговаривается: фермерские хозяйства третьей группы «...находятся как бы между подлинно семейными КФХ и несемейными (корпоративными) СХО» (с. 31). Причем сама эта группа гигантских фермерских хозяйств далеко неоднородна. Например, 2 500 хозяйств имеют до 20 работников, в то время как топ 900 КФХ нанимают от 40 до 100 работников, имея от 7 до 10 и более тысяч га на хозяйство. Пытаясь прояснить организационно-семейную сущность таких фермерских гигантов, Башмач-

Е.С. Никулина
Каким быть фермерству России?

ников солидаризируется с мнением известного исследователя семейных форм хозяйства Р.Э. Прауста, полагающего, что подобного рода хозяйства-предприятия сохраняют основные «родовые» качества своих прародителей — КФХ, а потому их следовало бы называть не семейными фермами, а семейными фирмами.

Наконец, четвертая и самая многочисленная группа КФХ отличается от трех вышеперечисленных групп значительным уменьшением и даже измельчением семейных хозяйств. В большинстве своем такие хозяйства не в состоянии жить только фермерским трудом, а потому часто ищут различные заработки и доходы на стороне: хозяева подрабатывают в соседних КФХ или СХО, занимаются различными транспортными перевозками, практикуют различные формы отходничества и занятости членов своих семейств в других секторах экономики. Большинство таких хозяйств недостаточно технически оснащены, им часто не хватает полного набора сельскохозяйственных машин и оборудования, а имеющаяся у них сельхозтехника часто маломощная и устаревшая. По переписи 2006 года таких фермерских хозяйств в России имелось 172 тысячи. У них было 2,1 млн га земли. В среднем на одно такое хозяйство приходилось лишь 12 га земли. По переписи 2016 года их число сократилось до 74 тысяч, а совокупная площадь уменьшилась до 1 млн га земли, на одно хозяйство в среднем теперь приходилось 14 га.

В целом за десятилетие между двумя последними сельскохозяйственными переписями количество фермеров в России сократилось почти на 100 тысяч хозяйств, причем основное уменьшение пришлось именно на четвертую группу мелких и мельчайших фермеров.

На наш взгляд, предложенная Башмачниковым классификация является оригинальной, но неполной. Например, непонятно куда в авторской классификации фермеров по количеству наемных работников пропадают фермеры с количеством работников — «3» и «9». Им просто не находится места в предложенной автором классификации фермеров.

Далее смущает благодушное мнение автора о том, что все представленные страты фермеров являют собой единый социальный мир российского фермерства. Очевидно, что в реальности между этими мельчайшими, мелкими, средними, крупными и сверхкрупными фермерскими хозяйствами существуют значительные социально-экономические различия и противоречия, о которых все же стоило бы упомянуть, в свете хотя бы богатейшей аграрной научной традиции исследования социально-экономической дифференциации в сельском хозяйстве как российских марксистов, так и народников.

На протяжении всей книги Башмачников, а также другие ее авторы, с одной стороны, горько сетуют на недостаточную заботу российского государства о фермерских хозяйствах, особенно в последние 20 лет. С другой стороны, также на протяжении всей книги авторы с восторгом упоминают примеры позитивных откликов руководителей российского государства о фермерах, от первого до по-

следнего премьер-министров И. Силаева и Д. Медведева до президента В. Путина, а также некоторых благосклонных к фермерству государственных руководителей субъектов РФ. Такое просительное, жалобное, восторженное отношение идеологов фермерства к государственному руководству воспроизводит давние исторические традиции обращения подвластных к господствующим⁴.

Вторая глава книги, на наш взгляд, названа неудачно: «Вера в безусловные преимущества крупных сельхозпредприятий остается интеллектуальной помехой распространению фермерства в России». Очевидно, что *вера* не может быть *интеллектуальной помехой* по самим определениям как веры, так и интеллекта. На протяжении этой главы авторы упрекают российских экономистов-аграрников в предубеждении относительно превосходства крупных форм сельского хозяйства. Авторы намекают, что аграрники-экономисты руководствовались этим предубеждением по конъюнктурным соображениям, «колеблясь» в этом вопросе вместе с политикой государства. Нам представляется неправомерным обвинять абсолютно всех ученых-аграрников в слепой вере и карьеристской конъюнктурности по поводу крупного аграрного производства. Мы можем легко назвать десятки имен аграрников, которые и в 1990-е, и в 2000-е годы критически относились к идеологии «только крупное прогрессивно и эффективно» и публиковали работы, предупреждавшие об опасностях ставки на поддержку исключительно крупного аграрного производства⁵.

Гораздо интереснее, по нашему мнению, выглядит третья глава «Новый латифундизм — угроза не только фермерству, но и системе сельских поселений». В ней ставятся вопросы о причинах возрождения в России новейшего латифундизма в виде агрохолдингов, анализируются примеры агрессивной политики российского неолатифундизма, а также его законодательных инициатив. В конце главы приводятся примеры борьбы организованного фермерства против антифермерских законодательных новелл, региональных инициатив, облегчающих доступ крестьянско-фермерских хозяйств к земле.

В четвертой — заключительной — главе первой части книги рассматривается политика бюджетной поддержки сельского хозяйства как сдерживающей в целом развитие фермерства в России. Одновременно критикуются необоснованные преференции в бюджет-

4. Никулин А.М. (2003). Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4–5. С. 148–158.

5. См. например тревожные прогнозы об экспансии агрохолдингов в России еще начала 2000-х годов: Узун В.Я. (2004). Крупный сельскохозяйственный бизнес в России: Тенденции и проблемы сельского развития // Отечественные записки. № 1. С. 6–16; Никулин А.М. (2005). Новейшая гигантомания // Политический журнал. № 12. С. 7–12.

ной поддержке крупных аграрных предприятий в таких ключевых сельскохозяйственных отраслях как свиноводство, молочное скотоводство и растениеводство. В заключение формулируются предложения по корректировке инвестиционной политики через контрактную вертикальную интеграцию.

Вторая часть книги посвящена анализу развития фермерства в трех республиках, в одном крае и в семи областях Российской Федерации.

Размышляя над последовательностью презентации выбранных регионов, приходишь к выводу, что первая тройка из них: Саратовская область, Краснодарский край, Республика Татарстан — выбрана за особые заслуги в фермерском движении России.

В Саратовской области по сравнению с другими регионами Российской Федерации фермеры добились наибольших успехов. Фермеры произвели 34 % сельскохозяйственной продукции от всего областного объема, в то время как в среднем по Российской Федерации они производят 10–12 %. На долю 3 500 саратовских фермеров приходится почти половина всех посевных площадей области. Авторы книги задаются вопросом: отчего именно саратовские фермеры добились таких высоких результатов? По их мнению, здесь определенно сказываются исторические факторы. Ведь еще П.А. Столыпин, будучи сначала саратовским губернатором, а потом премьер-министром России, закладывал основы фермерско-хуторского хозяйства, и именно на саратовской земле. Уже в 1990-е годы саратовский губернатор Д.Ф. Аяцков, всячески поддерживая рыночные аграрные реформы, также стремился делать ставку на развитие саратовского фермерства. Впрочем, конечно, одним исторически сложившимся благоволением начальства к саратовским фермерам их успех не объяснишь⁶. Далее в главе о саратовских фермерах рассказывается о конкретных людях: А.П. Кожине, В.В. Телегине, А.П. Денисове, А.В. Грицкове, а также многих других участниках саратовской фермерской ассоциации, накопившей уникальный организационный опыт поддержки фермерства.

В следующей главе речь идет о кубанском фермерстве как флагмане фермерского движения всей России. Богатейший в природном отношении край оказался «заповедником» успешных российских фермеров. В этой главе обосновано много внимания уделяется тем трудностям, с которыми сталкивается кубанское фермерство: это и костное бюрократическое руководство, а в последнее пятнадцатилетие — натиск агрохолдингов, опасный для фермерских хозяйств. Здесь без фермерской кооперации кубанцам не обойтись. В качестве примеров такой кооперации в книге приведены истории

---

6. См. например, исследование о непростом взаимодействии саратовских фермеров с властью: *Виноградский В., Виноградская О.* Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // *Отечественные записки.* 2004 №1. С. 319-333.

В.Г. Лященко, П.М. Емельянова, В.Л. Коломийцева, А.И. Максименко, А.В. Шипулина, Ю.В. Ильченко, В.А. Легкодуха и многих других.

Глава о фермерстве Татарстана, также одного из аграрных лидеров современной России, начинается с описания трудностей, стоявших в начале фермерского движения в республике. В главе особо подчеркивается роль фермеров первой волны начала 1990-х годов, в большинстве своем эти трудности преодолевших. В настоящее время перед татарстанскими фермерами стоит задача последовательного кооперирования хозяйств и крестьянских подворий. Конкретные фермерские истории успеха представлены на примерах хозяйств К.М. Байтемирова, И.Н. Гумерова, Р. Ахметова, Н.А. и И.Н. Мадьяровых. В заключении подчеркивается особое значение взаимодействия фермерской ассоциации с органами государственной власти Татарстана.

Глава, посвященная ульяновским фермерам, в центр анализа ставит многоукладность. Кратко охарактеризовав историю становления ульяновского фермерства, основное изложение авторы посвящают вопросам развития сельскохозяйственной потребительской кооперации крестьянских подворий и фермерских хозяйств. Положительно характеризуется и региональная власть, стремящаяся задействовать потенциал малых форм ведения сельского хозяйства.

Главу 9 «Кооперация в Якутии не мода, а главное условие развития в суровых условиях» авторы начинают с краткого изложения истории якутских фермеров, сосредотачиваясь в дальнейшем на слагаемых фермерских успехов, к которым относят: человеческий капитал, фермерское самоуправление, систематическую и существенную поддержку фермеров республиканскими властями, кооперирование семейных положительных кооперативно-фермерский опыт республиканского сельскохозяйственного потребительского кредитного кооператива второго уровня «САХА КРЕДИТ».

В главе 10, посвященной организационным инновациям в фермерском движении Тульской области, вначале рассматривается сохранившаяся классическая модель фермерского самоуправления на районном (муниципальном) уровне — так называемый феномен фермера А.П. Белянкова. Затем описывается новый структурный опыт — специализированные клубы КФХ, анализируются последовательные шаги контрактной интеграции фермерских хозяйств в систему агропромышленного производства. Определенное место в этой главе уделено и значению традиций для укрепления фермерской ассоциации. Конечно, по мнению авторов, эффективность работы ассоциации фермеров определяется и отношениями с региональными властями.

В главе о новгородских фермерах представлена местная практика строительства и функционирования фермерских логистических

Е.С. Никулина
Каким быть фермерству России?

центров, в частности, оптово-распределительного центра на базе КФХ как интегратора фермерских хозяйств. Другой пример — оптово-распределительный центр на основе межфермерского кооператива. Наконец, третий вариант — это оптово-распределительный центр как коммерческий объект КФХ. В заключение приводятся различные оценки вариантов использования оптово-распределительных центров.

Глава о фермерах Бурятии повествует о том, как они идут на «Столыпинские хутора (отруба)», создавая систему равномерно-пространственного расселения. Здесь предпринимается попытка описать так называемый сельский социально-производственный комплекс как деревенскую агломерацию. Рассматриваются также различные практики рассредоточенного расселения фермеров Бурятии.

Астраханская область в данной книге представлена сквозь призму рассмотрения опыта формирования системы кооперативных объединений астраханских КФХ. Здесь описана история создания системы астраханских кооперативов, особенности ее работы. Анализируются причины кризисов в местной системе кооперации и способы восстановления системы «всемирно».

Описание Ярославского фермерского опыта начинается с периода перестройки — с экспериментального проекта «Фермерская Голландия». Далее представлено современное сельское поселение Отрадновское, жители которого сделали ставку на развитие КФХ. В заключение ставится важный вопрос о подготовке нового поколения селян-фермеров.

Глава о псковском фермерстве в значительной степени посвящена кризису и возрождению местной фермерской ассоциации. Авторы уделяют внимание конкретным вопросам политики взаимодействия фермеров с властью. Показано, как взаимодействие фермеров с различными политическими партиями и их лидерами, консультации с сельхозакадемией и научно-исследовательским институтом, а также продуктивное сотрудничество с Торгово-промышленной палатой Псковской области определили успех псковских фермеров в последнее пятилетие.

Особый интерес в книге может вызвать ее последняя, заключительная, глава «История рождения системы “Личные подсобные хозяйства — опорный фермер” в станице Должанская Краснодарского края». Автор этой главы Ю.В. Дорошенко детально анализирует, как возникала и реализовывалась идея о сотрудничестве ЛПХ и так называемого «опорного фермера» на примере личных подсобных и фермерских хозяйств Ейского района Краснодарского края. Подробным образом дается описание феномена «опорного фермерства» и формулируются рекомендации по его организации и поддержке для устойчивого сельского развития России.

В двух приложениях к книге опубликованы Закон Краснодарского края «О мерах государственной поддержки малого предпри-

нимательства в агропромышленном комплексе Краснодарского края» и выдержки из Постановления Кабинета министров Республики Татарстан «Условия предоставления государственных субсидий личным подсобным хозяйствам». Завершается книга публикацией решений XXIX съезда АККОР, формулирующих предложения в адрес государственных органов Российской Федерации по разнообразной поддержке КФХ России.

Подводя общий итог обзора этой, безусловно, интересной и полезной как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся вопросами широты и глубины развития фермерского движения в России, книги, необходимо отметить, что авторам удалось глубоко проанализировать такие стороны фермерской жизни как кооперация и самоорганизация фермеров, фермерские взаимоотношения с ЛПХ, сельскими сообществами и государственной властью, описать ряд оригинальных региональных организационных решений местных фермерских организаций и объединений⁷.

А с учетом сложностей его социально-экономически дифференцированного регионального, многоукладного существования в отстаивании равноправных отношений с крупным агробизнесом и государством, а также историческим сходством и различием с мирами российских крестьян читатель не раз еще задастся вопросом: Каким же все-таки быть фермерству России!?

What type of farming Russia will have?

Bashmachnikov V.F. Russia is to Have Farmers. Moscow: "Pero", 2019.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

7. См. например: Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост.: Т. Шанин. М.: Прогресс — академия, 1992; *Виноградская О.Я., Виноградский В.Г.* Фермерские хозяйства как элементы «сетей мирского устройства» // Никоновские чтения. 2007. № 12. С. 226-228.

Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски

К.В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный переулок, 29. E-mail: k_averkieva@igras.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-132-137

В начале июля этого года в городе Тотьме Вологодской области прошла конференция с неординарным названием «Можем вместе. Развитие общественных инициатив и проектной деятельности в российской глубинке». Выбрать лучший для подобной конференции город, пожалуй, трудно, ведь Тотьма уже неоднократно попадала в информационное поле крупных СМИ¹ именно благодаря чрезвычайно активному местному сообществу. В одной из публикаций говорится даже о «Тотемской культурной аномалии»². Редкий муниципальный район с малым городом-райцентром вне зон влияния крупных агломераций может похвастаться столь насыщенной жизнью и более-менее благополучной экономической базой, а также умением привлекать средства на развитие города и района, ежегодно выигрывая разнообразные конкурсы грантовых проектов.

Прошедшая конференция стала площадкой для ознакомления с опытом Тотемского района по реализации общественных инициатив и обмена идеями между участниками (большинство из них — жители малых городов и сел Русского Севера — Архангельской и Вологодской областей, хотя всего в мероприятии приняли участие представители 10 регионов). Помимо пленарного и секционных заседаний конференция включала в себя тематические

1. Как небольшой городок в Вологодской области привлекает финансирование от фондов Тимченко и Потанина (2019). URL: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/375317-kak-nebolshoy-gorodok-v-vologodskoy-oblasti-privlekaet-finansirovanie-ot> (дата обращения 02.11.2019); *Найденев И.* (2019). Такие свободные народники // Русский репортер. № 11 (476). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/11/takie-svobodnyie-narodniki/ (дата обращения 02.11.2019).
2. *Максимшин С.* (2017). Тотемская культурная аномалия. URL: <https://les.media/articles/694075-totmenskaya-kulturnaya-anomaliya> (дата обращения 02.11.2019).

экскурсии по Тотье, позволившие участникам ознакомиться с уже реализованными проектами, деловую игру по инициативному развитию территорий и серию мастер-классов. Заседания, пленарные и секционные, проходили в разных пространствах, что ненавязчиво демонстрировало гостям конференции, насколько в Тотье много вариантов проведения массовых мероприятий: и залы музея, и холлы районной администрации, и Центр развития культуры, и музейное творческое пространство «АнтреСОЛЬ».

Опыт Тотьмы и Тотемского района по реализации локальных инициативных проектов не может не впечатлять. За 7 лет различными организациями удалось привлечь более 40 миллионов рублей дополнительных средств на реализацию свыше 50 проектов. Один из недавно полученных грантов (10 миллионов рублей от Благотворительного фонда Владимира Потанина на Центр социальных инноваций в сфере культуры «Люция») направлен уже не столько на локальное развитие, сколько на тиражирование и обмен опытом, формирование на базе Тотьмы площадки для различных школ, стажировок и конференций. В Тотье состоялись две крупные конференции «Русский Север» (на 2020 год запланирована следующая), ежегодной стала Школа музейного развития, которая осенью 2019 года прошла уже в третий раз.

Первыми в Тотье в 2013 году начали проектную деятельность Совет ветеранов и Всероссийское общество инвалидов, вскоре подключилось Тотемское музейное объединение, еще через несколько лет была создана НКО «Фонд развития общественных инициатив Тотемского района Вологодской области «Соль Земли». Деятельность НКО имеет более широкий профиль для содействия реализации различных инициатив в сфере культуры, социального развития и благоустройства города. «Соль Земли» проводит собственные небольшие грантовые конкурсы, чтобы в проектное развитие включались новые участники — представители различных организаций города (библиотеки, школа ремесел и дома творчества). Помимо реальных осуществленных проектов такая практика способствовала созданию сообщества активных горожан, поверивших в собственные силы.

Конференцию открывал доклад главы района, примечательный тем, что помимо рассказа об успехах (а они есть — продолжается газификация сельских населенных пунктов, строятся и ремонтируются дороги, начали работать мобильные ФАП и др.) глава проинформировал о реализации программы «Народный бюджет», которая позволяет привлекать средства для решения задач, инициированных непосредственно жителями района. Как правило, в рамках «Народного бюджета» создаются детские и спортивные площадки, устанавливаются памятники и памятные знаки (за несколько лет были реализованы 124 проекта). Аналогичные проекты в соседней Архангельской области осуществляются в рамках механизма территориального общественного самоуправления (ТОС). Подводя ито-

гимобилизации внутренних ресурсов развития Тотемского района, глава района отметил, что один из наиболее важных ресурсов, по его мнению, это активное сообщество жителей.

В докладах одного из организаторов конференции А. Чернеги также подчеркивалась важность активного участия жителей в жизни города и района. В частности, администрация района стремится к «пробуждению активности» посредством проведения обучающих семинаров, посвященных проектно-грантовой деятельности и механизмам добровольчества. Существующая в рамках выстроенной государственной вертикали система власти в Тотемском районе не отрицает важности учета мнений и чаяний жителей: *«Если не будет инициативы на местах, не будет и никаких инструментов региональной поддержки, губернатор сам не сможет понять, что нужно конкретным территориям»*.

На пленарном заседании выступил директор Тотемского музейного объединения (ТМО) А. Новоселов. ТМО — один из активных участников развития города. За три года музей привлек около 15 миллионов рублей внебюджетных средств, которые были потрачены не только и не столько на непосредственно музейные нужды, сколько на издание интересных книг, проведение мероприятий, благоустройство города, создание новых общественных пространств, ведь *«музей в малом городе — это еще и немножко театр, филармония, дом культуры и центр локального развития»*.

Первым проектом ТМО стало «Кольцо исторической памяти» — установка 15 информационных стендов с картой города и историческими справками на улицах и площадях, а также табличек с историческими названиями улиц и информацией об исторических зданиях. Вторым проектом — создание музейного творческого пространства «АнтреСОЛЬ», где развернута любопытная экспозиция, посвященная солеварению в Тотьме и других «соляных» городах России. Это пространство можно использовать и для различных уютных мероприятий, в том числе не имеющих отношения к музею. Затем появился «Культурный квартал» — своеобразный променада вокруг нескольких музейных зданий по-над рекой Сухоней, вдоль которого установлены различные арт-объекты.

А. Новоселов считает, что реализация множества проектов и бурная общественная жизнь невозможна без участия самих горожан. Так, при работе над книгой «Осколки времени»³ члены совета ветеранов из соседних с Тотьмой сел каждое утро приходили в музей, как на работу, чтобы изучать подшивки старых газет и формировать статьи для книги, *«в Тотьме живут люди в позитивном плане сумасшедшие»*.

Инициативность жителей Тотемского района можно было бы считать аномальной, если бы не выступления участников из дру-

3. Новоселов А.М. (ред.) (2019). Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов: краеведческий альбом. Вологда: Древности Севера.

гих мест. В докладе Г.Н. Пуничевой из Коношского района Архангельской области шла речь о проектах, реализованных в рамках механизма ТОС. Как правило, ТОС создается, когда жители не могут решить какую-то проблему собственными силами, а администрация не может выделить на ее решение бюджетные средства напрямую. В итоге силами многочисленных ТОС в районе реставрируются деревянные храмы, ведется борьба с борщевиком, развиваются народные промыслы и фольклорные коллективы. Нередко инициаторами создания ТОС выступают дачники, которые сами не могут стать председателями, но активно участвуют в разработке проектов.

Интересный вариант вовлечения молодежи в решение локальных проблем предложила А. Красушкина из Череповецкого района Вологодской области, чей доклад был посвящен взаимодействию вуза и НКО (в ее случае сельского ТОС). Насколько такой опыт можно тиражировать, пока не очень понятно, поскольку совмещение должностей преподавателя вуза и председателя сельского ТОС встречается нечасто.

В рамках тематических секций были представлены выступления, касающиеся вовлечения жителей в «соучаствующее развитие» или просто сотрудничества музейных и иных организаций с заинтересованными горожанами. В частности, доклад А. Лютынского из Вологды был посвящен «Том Соьер Фесту» — общественному движению, охватившему уже несколько десятков городов в разных регионах России. Примечательно, что в 2019 году даже небольшая Тотьма подключилась к «Том Соьер Фесту». Суть этого мероприятия — косметический ремонт одного из зданий, расположенных, как правило, в центральной части города и имеющих архитектурную ценность. Все работы (в основном расчистка стен от старой краски и покраска) проводятся волонтерами в свободное время. «Том Соьер Фест», с одной стороны, привлекает внимание к архитектурному наследию городов, а с другой, способствует формированию более активного городского сообщества, в процессе работы многие находят новых друзей, обсуждают текущие городские проблемы и новости.

В докладе А. Смирновой из Твери рассматривался механизм поддержки локальных проектов «Программа поддержки местных инициатив», который реализуется в ряде регионов России при участии Министерства финансов РФ и при информационной поддержке Всемирного банка. На примере Тверской области показаны все сильные и слабые стороны программы, описаны курьезные случаи. Основным и неутешительным итогом можно считать то, что хотя программа и способствует решению ряда локальных проблем в сельской местности, она не столько помогает активизироваться местным жителям, сколько становится дополнительным инструментом для сельских администраций, которые в условиях перманентного бюджетного дефицита ищут любые возможности для реали-

зации своих прямых полномочий и лишь в редких случаях новых идей для развития.

Доклады М.В. Садовской и О.В. Ладыковой были посвящены «Активному коллективному краеведению для людей старшего возраста». Пожилых жителей Балахнинского района Нижегородской области докладчицы постоянно вовлекают в различные мероприятия и авантюры. Это могут быть «5 минут краеведения» на уроках в школах, когда членам такого активного совета ветеранов предлагается выступить в начале урока с коротким рассказом о предприятии, где они работали, или еще о чем-то, непосредственно связанном с ними и родным районом. А могут быть лыжные походы и даже велопробеги по подготовленным в рамках краеведческих занятий маршрутам. Так, клуб ветеранов становится не просто местом приятных посиделок, но и неформальным участником проекта «активного долголетия», который уже реализуется в Москве и не всегда бывает заметен на удалении от столицы.

В особый тип докладов можно выделить презентации реализованных проектов. Докладчики рассказывали о созданных на базе краеведческих музеев ремесленных мастерских, внедрении современных технологий при создании новых объектов музейного показа, о воссоздании и реконструкции архитектурных памятников силами местных активистов и др. Одним из наиболее ярких сообщений такого формата стал рассказ С. Степановой о международных керамических фестивалях в Верховажском районе Вологодской области. Докладчица — человек с необычной биографией. Она переехала в с. Шелота несколько лет назад из Петербурга вместе с сыном. Сын учится в школе, а она работает заместителем главы Шелотского сельского поселения. Помимо решения непосредственно рабочих задач С. Степанова проводит в Шелотах ежегодный керамический фестиваль. В сельской местности можно пробовать различные техники обжига керамических изделий и собирать большое количество неравнодушных людей. В 2017 году на фестиваль приезжала делегация из Германии, в 2018 — из нескольких арабских стран. Фестиваль стал площадкой взаимодействия местных жителей и горожан, переехавших в Шелота или живущих в селе летом. Видя активную жизненную позицию новых жителей села, местные жители сами стараются искать ресурсы для развития родной территории.

Некоторые докладчики не могли поделиться опытом успешной реализации проектов локального развития территории, но рассказывали о ресурсах местного развития, призывая других к диалогу и коллективному поиску подходящих инструментов соучаствующего развития. Так, в Мыксинском сельском поселении Череповецкого района силами Батюшковского общества проводится реконструкция усадьбы Батюшкова, от которой остался только парк, строится Новолеушинский монастырь вместо Леушинского, уничтоженного при заполнении Рыбинского водохранилища, проводятся истори-

ческие реконструкции сражений 1812 года и найдена «Вонифатиева тетрадь» — редкий документ, дневник крестьянина конца XIX века, который в течение 7 лет описывает свои тяжбы с помещиком и фиксирует бытовые детали современности. Однако использовать туристический потенциал и задействовать внешние ресурсы развития сельской территории в сфере туризма Череповецкому району мешает устоявшийся образ экологически неблагоприятного окружения огромного металлургического комбината.

Неожиданным в программе выглядел доклад О. Буковецкой из Культурного центра ЗИЛ в Москве под названием «Московский турист в глубинке — драма, комедия, детектив?». В нем поднимались вопросы о мотивации самостоятельных туристических поездок из Москвы в российскую глубинку, о том, что не все москвичи готовы к таким путешествиям, а разочарование неподготовленных туристов нередко выливается в обиженно-гневные отзывы в социальных сетях об объектах размещения, музеях и малых городах в целом. Такие негативные отзывы нередко еще сильнее ограничивают возможности только зарождающихся туристических направлений.

Конференция «Можем вместе. Развитие общественных инициатив и проектной деятельности в российской глубинке» позволила увидеть, насколько разнообразны локальные инициативы в удаленных от крупных городов районах России. Их жители находят возможности обмениваться опытом и участвовать в подобных конференциях, искать ресурсы для воплощения своих замыслов. А организаторы помогают почувствовать, насколько насыщеннее и ярче становится жизнь в тех местах, где жители не равнодушны и готовы подключиться к улучшению родного города и сами предлагают идеи и помощь.

К.В. Аверкиева
Можем вместе!
Реализация общественных инициатив по-тотемски

We can do it together! Community initiatives in the Tot'ma style

Kseniya V. Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonetny Per., 29, Moscow, 119017. E-mail: xsenics@yandex.ru.

Секция «Теория малых дел: история и современность» в работе симпозиума «Пути России 2019. Народничество и популизм»

Е.С. Никулина, И.К. Полещук

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-138-142

27–28 сентября 2019 года в Москве состоялся очередной XXVI международный междисциплинарный симпозиум «Пути России. Народничество и популизм», в рамках которого современные проблемы и проекты сельско-городского развития и местного самоуправления обсуждались на секции «Теория малых дел: история и современность». Секция была организована Центром аграрных исследований РАНХиГС при поддержке Фонда Розы Люксембург.

В конце XIX века в рамках так называемой «теории малых дел» широкое распространение получили разнообразные социально ориентированные проекты интеллигенции, направленные на постепенные улучшения народной жизни и крестьянской экономики, народного образования и здравоохранения. Они в некоторой степени способствовали улучшению благосостояния и культуры российского населения и проложили уже в XX веке дорогу к расцвету знаменитого земского и кооперативного движений в России. Впрочем, сторонников «теории малых дел» их более радикальные оппоненты упрекали и до сих пор упрекают в робости и политическом идеализме, в неспособности ставить и достигать более амбициозные цели, связанные с решительной борьбой за коренные социально-политические реформы.

Возможно ли в России начала XXI века обнаружить мировоззренческие настроения, активистские проекты, идеологические споры, аналогичные движению «теории малых дел» 130-летней давности? И если такую возможность не исключать, то в чем могут быть сходства и различия между дореволюционным и постсовет-

скими практиками «малых дел»? Наконец, что мы можем сказать в этом ключе о советском периоде российской истории? Имеются ли аналоги российской «теории малых дел» в народнических движениях других стран мира? Поискам ответов на эти вопросы и была посвящена секция, пригласившая к междисциплинарному диалогу как представителей различных социальных дисциплин, так и активистов и практиков.

Секция открылась докладом *Василия Зверева* (ИРИ РАН) «Теория малых дел Я.В. Абрамова и эволюция умеренного крыла народничества», посвященным видному народнику, талантливому публицисту, изобретателю термина «теория малых дел» Я.В. Абрамову (1858–1906). В нем были описаны основные вехи интеллектуальной и общественной деятельности Абрамова и распространение влияния «теории малых дел» среди современников. Большое внимание также было уделено и критическим мнениям современников Абрамова, не согласных с его «теорией малых дел».

Татьяна Савинова (Российский государственный архив экономики) в своем выступлении дала оценки народничеству и «теории малых дел» в создании российской земской статистики. Докладчица обильно цитировала самих земских статистиков для демонстрации эволюции в понимании ими сути своего ремесла. Если вначале они стояли на идеалистических позициях и действовали скорее дилетантски, веря в скорое и решительное улучшение условий народной жизни, то через несколько десятилетий земская статистика достигла высокого профессионального уровня, хотя при этом и не растеряла изначальные этические идеалы.

Ирина Гордеева (Свято-Филаретовский православно-христианский институт) представила доклад «Малые дела» в российском коммунитарном движении». На примере нескольких народнических общин-коммун она проследила историю конфликтов и споров вне и внутри коммунитарного движения, разворачивавшихся вокруг конкретных повседневных практик общинной жизни.

Александр Ляровский (ВШПМ, Санкт-Петербург) проанализировал рецепции идей народничества и «теории малых дел» в подростковых рукописных журналах начала XX века, а также в дневниках и письмах гимназистов-старшеклассников Выборгской гимназии, отличавшейся высоко гуманистической направленностью своих педагогов. Перед нами предстала интересная картина: наиболее активные представители молодежи того времени не могли остаться в стороне от организации обучения и участия в социальной жизни в родной школе. Обладая недостаточными знаниями и небольшим числом соратников из других школ, они тем не менее не оставляли попыток самостоятельно наладить свою социальную жизнь.

Роман Петухов (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН) в докладе «Дореволюционный опыт межмуниципального сотрудничества как недостигнутый идеал» показал, как несмотря на все противодействие царского режима

*Е.С. Никулина,
И.К. Полещук*
Секция «Теория
малых дел...

неуклонно вширь и вглубь развивалось земское движение, выйдя наконец в годы Первой мировой войны на уровень межмуниципального сотрудничества. Многообещающими казались в 1917 году попытки дальнейшей земской межрегиональной самоорганизации, но эскалация революционного насилия и разруха Гражданской войны поставили крест на земском движении.

Андрей Гросс (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) обратился к парадоксам советской истории в своем выступлении «Диссидентская этика и “теория малых дел” в 1960-е гг.: случай “покаяния” Александра Гинзбурга». Он показал, как ожесточенная полемика вокруг компромиссов «малых дел» и «бескомпромиссности» воспроизводилась в новых советских условиях в рамках большого диссидентского протеста. Так, например, в текстах Александра Есенина-Вольпина сторонники «теории малых дел» выглядели трусливыми, лживыми гражданами, теряющими свои достоинство и человечность при компромиссных контактах с советским государством. Автор доклада отметил фундаментальный иллиберализм и авторитаризм такого способа диссидентского мышления.

Максим Воробьев (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Местные инициативы в малых городах и сельской местности как ресурс социально-экономического развития» на основе большого статистического материала продемонстрировал особенности взаимодействия государственной, муниципальной власти с местным населением при реализации различных проектов в основном местного благоустройства территорий. Этот доклад был подвергнут критике некоторыми из участников семинара, подчеркнувших недостаточность использования только официальных статистических данных для анализа вопроса инициатив снизу на местах. Однако стоит отметить, что данные исследований могут оказать огромную услугу при контроле и корректировании работ в конкретном проекте, демонстрируя, что предполагается в идеале, а что обнаруживается в реальности.

Инна Копотева (РАНХиГС) на сравнительных примерах Европейского Союза и Российской Федерации в докладе «Меняющийся характер отношений между гражданами и местными органами власти» проанализировала особенности эволюции программ местного самоуправления. По ее мнению, подходы к самоуправлению на местах носят в ЕС значительно более гибкий и дифференцированный характер, чем унифицированная и централизованная система взаимодействия государства и общества на локальном уровне в России.

Если первый день работы секции был в основном посвящен истории «теории малых дел», то во второй день выступающие сосредоточились на проблемах современности. Так, *Татьяна Нефедова* (Институт географии РАН) в докладе «Дачники и дауншифтеры: спасение нечерноземных удаленных деревень или пролонгирование агонии?» подробным образом проанализировала масштабы и формы активности дачников и дауншифтеров в современной сельской

глубинке России. Признавая важность многообразного влияния рекреационно и идеалистически настроенных горожан на сельскую местность, Нефедова тем не менее отметила, что только дачники и дауншифтеры в одиночку не в состоянии остановить процесс обезлюдения российской сельской местности, необходима также продуманная социальная политика со стороны как государства, так и общества в целом.

В докладе *Ольги Фадеевой и Владимира Нефедкина* (ИЭОПП СО РАН, Новосибирск) «Муниципально-частное партнерство» не по правилам: сельские вариации на тему малых дел» также были представлены некоторые региональные кейсы из Сибири и Поволжья, в которых отчетливо просматриваются важнейшие структурные характеристики муниципально-частных партнерств в России.

Социологи *Валерий Виноградский, Ольга Виноградская* (ЦАИ РАНХиГС) на примерах экологических инициатив сельских домохозяйств Краснодарского края и Белгородской области отразили в своем докладе «Brave new world в глубинке: Кубань, Белогорье» новейшие мировоззренческие тенденции, а также активистские сельско-городские практики взаимодействия человека и природы на уровне «малых дел». *Олег Божков* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Малые дела» — хобби или прибыльный бизнес?» на основе результатов своего исследовательского проекта, посвященного малому предпринимательству в регионах российского Нечерноземья, проанализировал различные причины участия малых предпринимателей в социальных и культурных инициативах на местах.

Эльвина Сагдиева (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань), проведя социологическое изучение особенностей трудовой занятости в сельской местности Пензенской области, выявила важный фактор этнической (в частности, татарской) предприимчивости в пензенских селах, часто определяющий более высокий уровень социально-экономического развития именно этих селений в сравнении с окружающими их соседями.

Александра Фомкина (Тверской государственный университет) в докладе «Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории» отметила в целом положительное значение локальных инфраструктурных микропроектов развития сельской местности для преодоления местной социальной апатии, развития отношений кооперации и сотрудничества среди местного населения.

Ксения Авержиева (Институт географии РАН) на материалах своего географического путешествия с юга на север Архангельской области в докладе «Городская забота о деревне: участие горожан в развитии сел на Русском Севере» описала ряд примеров успешного развития проектов (гостиничных и культурно-рекреационных) горожан в архангельской глубинке.

В заключение работы секции *Дмитрий Rogozin* (РАНХиГС) в достаточно провокационном докладе «Вред малого в региональной социальной политике (по мотивам опроса в Ульяновской области)» обрушился с системной критикой на забюрократизированную социальную помощь малоимущим слоям российского населения, демонстрируя частые неэффективность и формализм в вопросах государственного преодоления бедности в российской провинции.

В целом секция «Теория малых дел: история и современность» продемонстрировала широкий исторический и региональный спектр представлений и практик российского и зарубежного «малоделия». Несмотря на дискуссионные расхождения в оценках значения и эффективности теории и практики «малых дел», следует признать несомненным, что «малые дела» как в ретроспективе, так и в перспективе социального развития России и мира имеют отнюдь не малое значение.

Section ‘Theory of Small Deeds’ of the Symposium “Paths of Russia–2019: Narodniks and Populists”

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

Ilya K. Poleshchuk, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

Презентация интернет-сайта <https://chayanov.org/ru/> на Семинаре Чаяновского исследовательского центра 24 декабря 2019 года.

24 декабря 2019 года в Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинке) на семинаре Чаяновского исследовательского центра состоялась презентация интернет-сайта <https://chayanov.org/ru/>, посвященного интеллектуальному наследию А.В. Чаянова и его коллег по организационно-производственной школе. Разработка сайта стала возможна при финансовой поддержке Фонда президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Уже сейчас пользователи сайта могут на русском и английском языках найти биографическую и визуальную информацию о Чаянове и его коллегах, библиографию работ организационно-производственной школы. Для исследователей, занимающихся архивными изысканиями, на сайте размещены ссылки на сайты архивов Российской Федерации, в которых хранятся документы, связанные с деятельностью Чаянова и его коллег. Одна из основных задач сайта — формирование и пополнение коллекции копий научных трудов школы Чаянова, архивных документов, а также наиболее значительных современных исследований, отражающих историческую эволюцию организационно-производственной школы. Кроме того, на сайте представлена интернет-карта России и мира, на которой отмечены места, связанные с жизнью и деятельностью ученых школы Чаянова.

Сайт <https://chayanov.org/ru/> призван освещать работу Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН, на нем представлена и будет регулярно обновляться информация о семинарах, конференциях, круглых столах как центра, так и его друзей и партнеров в России и за рубежом. В перспективе сайт видится его создателям как информационный ресурс и дискуссионная площадка для всех представителей современных междисциплинарных аграрных исследований, связанных с изучением и применением исследовательских методик и методов организационно-производственной школы.

На семинаре Чаяновского центра были также обсуждены доклады: к.и.н., старшего научного сотрудника научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории РАНХиГС при Президенте РФ И.А. Кузнецова «А.В. Чаянов и «чаяновский крестьянин» в контексте современной российской аграрной историографии» и к.э.н., директора Чаяновского исследовательского центра, главного редактора журнала «Крестьяноведение» А.М. Никулина «Сельско-городское развитие России и мира в перспективе предсказаний А.В. Чаянова».

Presentation of the website <https://chayanov.org/ru> by the Chayanov Research Center on December 24, 2019

On December 24, 2019, the Chayanov Research Center presented at the Moscow School of Social and Economic Sciences its website <https://chayanov.org/ru> dedicated to the intellectual heritage of A.V. Chayanov and his colleagues from the organization-production school, and supported by the Presidential Grants Foundation as a part of the project “The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists’ findings through the actualization of their heritage”. The website is still under construction, but the users can already find biographies and pictures of Chayanov and his colleagues and a bibliography of the organization-production school works. Representatives of the archival research can find here links to the Russian archives with the documents describing the activities of Chayanov and his colleagues. One of the main tasks of the website is to create and constantly replenish the collection of the Chayanov school’s scientific works, archival documents and important studies of the historical evolution of the organization-production school. The website also presents an Internet map of Russia and the world which shows the places associated with the life and work of the Chayanov school scientists.

The website <https://chayanov.org/ru> aims at presenting the work of the Chayanov Research Center of the Moscow School of Social and Economic Sciences, mainly the information on seminars, conferences, round tables of the Center and its friends and partners in Russia and other countries. In the future, the website is to become an important information resource and a discussion platform for representatives of contemporary interdisciplinary agrarian studies focusing on application of the organization-production school research methods.

At the seminar of the Chayanov Research Center, two presentations were discussed: “A.V. Chayanov and the ‘Chayanov’s peasant’ in the contemporary Russian agrarian historiography” by I.A. Kuznetsov (PhD (History), Senior Researcher, Laboratory for Research in Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) and “Rural-urban development of Russia and the world through the predictions of A.V. Chayanov” by A.M. Nikulin (PhD (Economics), Head of the Chayanov Research Center; Editor in Chief, Russian Peasant Studies).

ТЕОРИЯ

Chayanov A.V. A Short Course on Cooperation №2

Chayanov A.V. On differentiation of the peasant economy №4

Uleri F. Capitalism and the peasant mode of production: A Chayanovian analysis №3

Вегрен С., Троцюк И.В. Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России №4

Кедров Н.Г. Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова №3

Кузнецов И.А., Гришин Е.С. А.В. Чаянов — исследователь трехполья. Предисловие публикаторов №2

Макаров Н. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы №1

Чаянов А.В. Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века №2

ИСТОРИЯ

Merl S. Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements №1

Андреевков С.Н. Реформирование системы хозяйств и землепользования в 1990-е гг. в Новосибирской области №4

Афанасенков В.О. Ранняя работа А.В. Чаянова о бельгийском крестьянском хозяйстве (предисловие публикатора) №4

Заславская Т.И. Письма 1971-1972 гг. Публикаторы Репринцева Г.И., Никулин А.М. №3

Ильиных В.А. Организация агрономического обслуживания в Сибири в 1920-е годы: дискурс и выбор №2

Кузнецов И.А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? №1

Савино Дж. Земельный голод итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы №2

Савинова Т.А. Последний «семидесятник»: к биографии Василия Николаевича Григорьева (1852–1925) №3

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство в Бельгии №4

СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексеев А.И., Ефимова О.Ю. Пространственная структура родственных связей (на примере поселка Жарковский Тверской области) №2

Виногдарская О.Я. От-чего горожане едут в деревню: феноменология и практика №3

Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Экология сельского мира глазами крестьян №1

Гусаков Т.Ю. Муниципальная реформа 2015 года в Украине: реализация и первые итоги №2

Гусаков Т.Ю. Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республике Тыва) №4

Пивовар Г.А., Савоскул М.С. Изменение пешеходных троп в сельской местности как индикатор трансформации образа жизни сельчан №3

Рогозин Д.М., Вьюговская Е.В. Автоэтнография деревенского дома Русского Севера №1

ИНТЕРВЬЮ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Берелович А., Никулин А.М. «Мое постоянное стремление — наводить мосты между культурами Франции и России...» №4

Киселев С.В., Никулин А.М. «Культура — это фактор производительности труда» №2

Нефедова Т.Г., Никулин А.М. «Работать надо, и тебя найдут и сами все предложат» №1

Шнайдер С., Никулин А.М. «В совместных сравнительных исследованиях мы еще многому научимся друг у друга» №3

РЕЦЕНЗИИ

Бабашкин В.В. Как понять нашу глубинку №4

Бабашкин В.В. Невольная воля №2

Бабашкин В.В. О пользе консерватизма, или Чему обязаны? №3

Гордеева И.А. Рецензия на книгу: Агарин Е. Трудами рук своих: Толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. №3

Никулина Е.С. Каким быть фермерству России? №4

Полещук И.К. Перспективы и реалии технологической радикализации повседневной жизни №1

Рышков В.М. Примат общественного над личным, или российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина №1

Троцук И.В. Глобальное и локальное в социальной истории: реальные взаимосвязи и концептуальные противоречия №2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Niederle P. BRICS cooperation for the Critical Agrarian Studies: Challenges for the international research network under the new global geopolitics №1

Аверкиева К.В. Можем вместе! Реализация общественных инициатив по-тотемски №4

Куракин А.А. Пути сельского развития России и Китая. Вторая китайско-российская конференция №3

Никулина Е.С., Полецук И.К. Секция «Теория малых дел: история и современность» в работе симпозиума «Пути России 2019. Народничество и популизм» №4

Шагайда Н.И. Институциональная перестройка сельского хозяйства произошла: куда двигаться дальше? №1

THEORY

Chayanov A.V. On differentiation of the peasant economy. №4

Chayanov A.V. A Short Course on Cooperation. №2

Kuznetsov I.A., Grishin E.S. A.V. Chayanov as a researcher of the three-field system: A publishers' preface. №2

Chayanov A.V. The southern border of the prevailing three-field system of farming in the peasant lands of Russia by the early 20th century. №2

Kedrov N.G. Viktor Danilov's four conceptions of collectivization. №3

Makarov N. At the great crossroads. The comparative analysis of the evolution of agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe. №1

Uleri F. Capitalism and the peasant mode of production: A Chayanovian analysis. №3

Wegren S., Trotsuk I.V. The paradoxes of smallholders in contemporary Russia. №4

HISTORY

Afanasenkov V.O. An early work of A.V. Chayanov on the Belgian peasant economy (a publisher's preface). №4

Andreenkov S.N. Reforms in the economies' system and land use in the Novosibirsk Region in the 1990s. №4

Chayanov A.V. Peasant economy in Belgium. №4

Il'inykh V.A. Organization of the agronomic services in Siberia in the 1920s: Discourse and choice. №2

Kuznetsov I.A. The agrarian revolution of 1917 in Russia: Is it worth studying economic history and forgetting the sad end? №1

Merl S. Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements. №1

Savinova T.A. The last "semidesyatnik" (representative of the 1970s): On the biography of Vasily Nikolaevich Grigoriev (1852–1927). №3

Savino G. Land hunger of the Italian peasantry: From the unification of the country to the agrarian reform. №2

Zaslavskaya T.I. Letters of 1971–1972. Published by G.I. Reprintseva, A.M. Nikulin. №3

THE PRESENT TIME

Alekseev A.I., Efimova O.Yu. The spatial structure of kinship (on the example of the Zharkovsky settlement of the Tver Region). №2

Gusakov T.Yu. The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of the Republic of Tyva). №4

Gusakov T.Yu. Municipal reform of 2015 in Ukraine: Implementation and first results. №2

Pivovarov G.A., Savoskul M.S. Changes of footpaths in rural areas as an indicator of the rural lifestyle transformations. №3

Rogozin D.M., Vyugovskaya E.V. Autoethnography of the rural house in the Russian North. №1

Vinogradskaya O.Ya. Why and from what townspeople move to the village:

Phenomenology and practice. №3

Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Ecology of the rural world in the perception of peasants. №1

INTERVIEWS

Berelowitch A., Nikulin A.M. "My constant desire is to establish relations between the cultures of France and Russia ...". №4

Kiselev S.V., Nikulin A.M. "Culture is a factor of labor productivity". №2

Nefedova T.G., Nikulin A.M. "You have to work, and they will find you and will offer you everything". №1

Schneider S., Nikulin A.M. "In the joint comparative studies, there is much we can learn from each other". №3

REVIEWS

Babashkin V.V. How to comprehend our hinterland? №4

Babashkin V.V. On the benefits of conservatism, or To what do we owe...? №3

Babashkin V.V. Unwitting will. №2

Gordeeva I.A. Book review: Agarin E. By the labor of one's hands: Tolstoyans' agricultural colonies in pre-revolutionary Russia. №3

Nikulina E.S. What type of farming Russia will have? №4

Poleshchuk I.K. Prospects and realities of the technological radicalization of everyday life. №1

Rynkov V.M. The primacy of public over personal, or the Russian village in the legal-anthropological perspective of Vladimir Bezgin. №1

Trotsuk I.V. Global and local in social history: Real relationships and conceptual contradictions. №2

SCIENTIFIC LIFE

Averkieva K.V. We can do it together! Community initiatives in the Tot'ma style. №4

Kurakin A.A. Ways of rural development of Russia and China: II Russian-Chinese Conference. №3

Niederle P. BRICS cooperation for the Critical Agrarian Studies: Challenges for the international research network under the new global geopolitics. №1

Nikulina E.S., Poleshchuk I. K. Section “Theory of Small Deeds’
of the Symposium “Paths of Russia–2019: Narodniks and Populists”
№4 151

Shagaida N.I. Institutional restructuring of agriculture is complete: what is next? №1

Крестьяноведение

2019. Том 4. № 4

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № .
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ